Буланова Юлия
Проект "anima". Деймон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Социальная фантастика. Люди часто ценят лишь то, чего у них уже нет или никогда не будет. А если так случится, что у тебя отнимут все — жизнь, свободу и память? Кем ты станешь потом, будучи сейчас просто игрушкой? Не спеши сетовать на судьбу. Возможно она дает тебе шанс быть счастливым, быть собой… Так будь счастлив, если такой шанс тебе все же дан. Максима Ветрова — успешного молодого нейрохирурга «лишают души» превращают в андроида — покладистую игрушку. Но случай сводит Макса с девушкой, которая заново учит его жить, чувствовать и любить.

- Буланова Юлия
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 22
  - ГЛАВА 23
  - ГЛАВА 24
  - ГЛАВА 25
  - ГЛАВА 26
  - ГЛАВА 27
  - ГЛАВА 28

- ГЛАВА 29
- ГЛАВА 30
- ГЛАВА 31
- Эпилог

- notes
  - 1

Буланова Юлия
ПРОЕКТ «ANIMA». ДЕЙМОН

Если однажды горячее солнце
Станет холодным как утренний лед,
Если зима жарким летом вернется,
И на песок белый снег упадет,
Если беда, что ничем не измерить,
Рухнет на землю косою звеня,
Я буду знать, всё равно, что ты веришь.
Я буду знать, что ты любишь меня.

Денис Майданов «Вечная любовь».

ПРОЛОГ

Женщина лет сорока на вид, с изумительно густыми золотыми волосами, уложенными в сложную прическу, в бессильной ярости металась по кабинету главного врача самой дорогой клиники их мегаполиса. Красивая некоей утонченно-аристократической красотой, фарфоровой статуэтки, форма которой важнее содержания, Арисса Ветрова являла собой настоящую Леди. Поэтому даже двухчасовая истерика была поставлена ею с невероятным изяществом. И с кучей театральных эффектов.

Длинное черное платье, выгодно подчеркивая стройную фигуру, создавало иллюзию хрупкости, а каблучки-шпильки маленькими молоточками выбивали дробь по дорогому паркетному полу, вызывая у мужчин мигрень. Сам же хозяин кабинета расположился за своим столом и с вялым любопытством наблюдал за маневрами вышеупомянутой дамы и горько жалел, что не распорядился постелить поверх паркета толстый ковер.

Ее супруг Поль Ветров — моложавый, подтянутый мужчина с проседью в черных волосах сидел в кресле для посетителей. Бледный и осунувшийся, он устало смотрел на друга детства.

— Влад, мы его вылечим? — вдруг остановилась и требовательно, с нотками истерики в голосе спросила женщина. — Ну, скажи, что мы сможем его вылечить! Ты же знаешь, деньги — не проблема.

— Нет. Ничего, — уже в который раз, устало, ответил врач. — Проблема не в деньгах. Проблема в самом Максиме, и в том, что он не болен.

— Ну, неужели мы ничего не сможем сделать?

Арисса заплакала. Но это были тихие, едва слышимые всхлипы истинной леди, а не шумная истерика с визгом и громоподобным рыданием. Может поэтому ее слезы не так уж, и сильно раздражали мужчин?

— Мой сын смотрит на меня, как на совершенно чужого человека все мысли его об этой оборванке. А ты говоришь мне такие ужасные вещи. Ты должен, Влад, должен сделать хоть что-нибудь!

Профессор медицины Владислав Макаров лишь тяжело вздохнул. Как объяснить взбалмошной и избалованной Ариссе, что ее сын здоров? Просто не помнит, ни ее, ни всего того, что с ней связано. Его личные воспоминания, моральные установки, привычки, характер, наконец, были стерты, нарушена эмоционально-волевая сфера. Но при этом Максим стал

единственным из двенадцати человек, подвергшихся «Лишению души», процессу, которому дали замысловатое название «Detrimentum». И только он может продолжать нормальную жизнь. Он адекватен, эмоционален, когда, как остальные стали безразличными ко всему, аморфными созданиями, способные лишь выполнять простейшие указания. Их психическое состояние нельзя было охарактеризовать, как аутизм, олигофрению или амнезия. Оно стало чем-то принципиально новым. И никто не знал, как работать с данными пациентами. Никто не мог дать не только гарантий, и даже делать какие-либо прогнозы врачи опасались. Случай Максима стал беспрецедентным. И это давало надежду на возможное выздоровление остальных.

Молодой человек показывал удивительные результаты. Он был абсолютно здоров, как физически, так и психически. Уровень его интеллекта остался примерно таким, как и до «Лишения души». Да, из его памяти стерлись многие академические знания. Но, как бы компенсируя это, уровень бытовых и коммуникативных навыков начал зашкаливать.

Прежний Макс являлся нелюдимым, слегка фанатичным ученым, постоянно балансирующим на грани депрессии и нервного срыва. Нынешний же постоянно находился в центре всеобщего внимания, был знаком с половиной персонала клиники, и мог договориться с кем угодно о чем угодно, не прикладывая к этому ровным счетом никаких усилий. Он улыбался, травил анекдоты, очаровывал мужчин женщин. Та легкость, с которой когда-то зажатый и весьма застенчивый молодой человек знакомился с новыми людьми, располагал их к себе, скажем так, поражала. Но самым удивительным было то, что ему самому это безумно нравилось. И общение само по себе, казалось, доставляет Максиму больше удовольствия, чем, что бы то ни было. Для каждого у него находились улыбка и доброе слово, дельный совет, или молчаливое сочувствие.

Он, подобно магниту притягивал к себе самых разных людей. И никто не боялся поделиться с ним своими мыслями, чувствами, подчас самыми откровенными. Никто не отмалчивался, если молодой человек задавал прямой вопрос. Собственно, именно поэтому, Максим и являлся личностью весьма осведомленной во всех вопросах. Но профессор Макаров, наблюдая за крестником как бы со стороны, замечал, что вся его кажущаяся открытость, не более чем маска. Он слушал чужие истории, но не спешил делиться собственной. А если и делился, то весьма неохотно. Его мысли и чувства были надежно спрятаны под ледяным покровом недоверия и железной выдержки. Но учитывая то, какой была его жизнь последние полгода, в этом не было ничего удивительного.

Приводило же в замешательство консилиум, в который входили лучшие врачи планеты, другое. Максим Ветров в повседневной жизни был независим и от своей подруги и от окружающих. Нет, он явно любит ту девушку, и проявляет к ней сильную привязанность. Но в своих действиях молодой человек руководствуется лишь собственными решениями и не оглядывается на окружающих в поисках одобрения. И проявлял неплохие лидерские способности. По крайней мере, Эмма слушалась его беспрекословно, что этими двумя воспринималось, как нечто само собой разумеющееся. А попытки руководить им, он вежливо, но довольно жестко пресек еще в самом начале. Односложные команды он либо игнорировал, либо издевательски смеялся, говоря: «Вы забыли сказать „пожалуйста“. Неужели Вас не учили хорошим манерам? Видимо, нет. Ах, какое упущение со стороны Ваших достойных родителей». Макс виртуозно играл словами, не выходя, впрочем, за рамки приличий, но выставляя оппонентов дураками. И никаких прямых оскорблений, ни намека на агрессию. Все до безобразий пристойно, и, как бы в шутку. А на вопросы, где он так научился разговаривать, парень обмолвился, что это дают о себе знать профессиональные навыки. Ведь клиентам грубить нельзя, но некоторых из них ставить на место просто необходимо. И единственное, что остается, это осваивать новую модель речи. Хостесс еще и не такое умеют. А сам Максим в этом деле — еще дилетант. Но он над собой работает.

Профессор Макаров так и не понял, было ли это очередной шуткой, или мальчишка говорил это всерьез.

А еще, этот Максим, казалось, был более адаптирован к современным реалиям, чем тот, которым он был до. И это было невероятно. То, что он успешно прошел социализацию, и был готов к самостоятельной жизни, консилиум официально признал чудом. И у этого чуда даже имя имеется. Эмма Росс. Но Арисса вместо того, чтобы пылинки сдувать с девчонки, брезгливо морщит носик и требует убрать «эту ужасную особу» от ее ненаглядного ребенка и вернуть ей сына таким, какой он был до… а это невозможно. Просто потому, что он уже другой. Не лучше и не хуже. Просто это, если можно так выразиться, совершенно иная личность. И переделке обратно она не поддается. Да, можно ли из циничного прагматика сделать наивного романтика? Вот если бы наоборот, то шанс бы был, а так…

— Прекрати, Арисса, - впервые за все время подал глава семейства. — Это наш сын. И даже если он стал другим, это не отменяет того, что он НАШ СЫН, и мы ДОЛЖНЫ его принимать и

поддерживать, а не пытаться «вылечить», чтобы он стал таким, каким мы хотим его видеть. Он имеет право сам выбирать, кем быть, что делать и кого любить. Пока мой ребенок счастлив, я буду на его стороне.

Чтобы смягчить свои слова Поль Ветров тяжело поднялся из мягкого кожаного кресла, подошел к своей супруге. Затем он, обняв ее за плечи, зашептал что-то нежно-успокоительное ей на ушко. Влад считал, что антидепрессант в комплекте с успокоительным, были бы более действенны. Но в отношения своих друзей он старался с советами не вмешиваться. В отношения между мужчиной и женщиной, вообще, лучше лезть.

А его друг за двадцать восемь лет совместной жизни научился бороться с истериками своей второй половинки. Да и разбираться в них должен лучше, чем любой профессор медицины.

— Да, как он может быть счастлив? — разорялась женщина. — Мой Максим получил лучшее образование, какое вообще возможно получить. Гений нейрохирургии в двадцать три года получивший Премию Мира за вклад в медицину. Он обручен с самой популярной ведущей канала «Дейли». У него была идеальная жизнь. А теперь он связался с какой-то оборванкой, которую даже из университета выгнали, потому что она, якобы, не смогла его оплачивать. Но я уверена, что по такой абсурдной причине, как неспособность человека оплачивать свою учебу, никого не отчисляют. Все от того, что представители низших классов не имеют способности к обучению. Это же общеизвестный факт! Так зачем вообще позволять им учиться вместе с нашими детьми? Там они набираются невероятно глупых идей о равенстве людей. Лучше бы сидели в своих трущобах и не смели даже думать о том, чтобы быть в уважаемых домах, быть чем-то большим, нежели приходящая прислуга! Неотесанной нищенке не место в нашем кругу. Я этого не переживу! Влад, мы не должны допустить, чтобы эта аферистка разрушила жизнь Максима. А она уже внушила моему сыну, что он ее любит, и заставила работать во второсортном клубе. И мой дорогой мальчик мне заявил, что не собирается бросать это занятие вульгарнейшее занятие, и если у него действительно есть деньги, то он потратит их на покупку собственного ресторана, а не на повторное обучение в Институте медицины. А еще он отзывается на собачью кличку «Дей». И теперь Максим не счастлив, даже если думает иначе. Он просто не может быть счастлив. Я его мать и знаю лучше!

Поль нежно обнимал Ариссу за плечи, позволяя выговориться.

— Я никогда не приму ее! — почти выкрикнула женщина.

— И тогда наш сын просто вычеркнет тебя из своей жизни. Это уже не тот Максим, каким мы его помним. И мы для него — чужие, а она — семья. Эта девочка слишком ему дорога. Она спасла его душу. Благодаря Эмме наш мальчик, вообще, остался жив. Рисса, не совершай ошибок, о которых будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Потому что если ты заставишь его выбирать между вами, он выберет не тебя.

— Но она…

— Милая девочка, перед которой мы в неоплатном долгу.

— Она хочет заполучить его деньги! Я не удивлюсь, если она была в сговоре с Кристианом.

— Арисса, это — бред! Какой может быть сговор?

Ни имея, ни сил, ни желания слушать дальше то, что Поль очень точно охарактеризовал, как «бред» профессор Макаров пошел проведать главного виновника всего происходящего.

Максим сидел на жестком пластиковом стуле в палате его подруги и сосредоточено что-то читал в своем нетбуке. Сама девушка спала в барокамере. Ее состояние стабилизировалось, но все еще оставалось критическим. Поэтому молодой человек старался как можно больше времени проводить с ней рядом.

Влад остановился и посмотрел на мальчика, которого знал с момента его рождения. Да, он знал именно мальчика, а теперь перед ним был мужчина. Максим сильно изменился, и родителей его было чисто по-человечески жаль. Однако, такой неподатливый, дерзкий упрямый юноша, способный защищаться и защищать, вызывал у профессора гораздо больше симпатии, нежели прежний. Нет, Владислав, никогда не имевший собственных детей очень любил крестника. Но теперь он им еще и гордился. Не как гениальным ученым, а именно, как Человеком.

Стоило ему это подумать, как Макс Ветров поднял на него глаза и неожиданно тепло улыбнулся:

— Еще раз добрый вечер.

— Привет. Как ты себя чувствуешь?

— Уже нормально. Плечо почти не болит. Но, до чего же, неудобно пользоваться только левой рукой. Постоянно что-нибудь роняю, — засмеялся парень. — Нетбук только за сегодня трижды близко познакомился с полом.

— Это ерунда. Чем занимаешься?

— Пытаюсь разобраться в себе и в том, что же представляет моя жизнь.

— И как успехи? Получается?

— Да, как сказать? Наверное, получается. Смешно. Эта жестянка, — молодой человек кивнул на горящий экран в своих руках. — Знает обо мне гораздо больше меня самого. Я тут

прочитал, что являюсь известной личностью в научных кругах, и даже, что-то там открыл. Хотя, прочитав об этом статью дважды, я так и не понял, что конкретно. Более того, я смутно представляю себе, что вообще такое — нейрохирургия и зачем нужна. Но, хоть концы начали сходиться. И я теперь начинаю понимать, что же все-таки произошло, и как я докатился до такой жизни.

Молодой человек улыбнулся теперь уже иронично и кивнул на соседний стул, как бы предлагая присесть. Владислав воспользовался предложением, присаживаясь рядом.

— Расскажи, — попросил профессор, но его юный собеседник просьбу проигнорировал.

— Крестный, а вы меня подставили. Могли бы и предупредить, что из себя представляет моя милая мамочка. Да, и про мисс Райс, рассказать.

— Прости, я не подумал, — врач смутился.

— Забудьте. Все равно уже ничего не поделаешь. Но сюрприз был неприятным.

— Злишься?

— На вас? Нет, конечно. А вот на них — даже очень. Ладно. Пройдет.

Так ты мне расскажешь, как я докатился до такой жизни?

— Что? — нахмурился Максим, и несколько смущенно добавил. — Мне сложно соотносить себя со своим же собственным прошлым. Я расскажу, но позже. Сначала мне нужно все обдумать. Может завтра? Сегодня я не склонен делиться самым сокровенным. Настроение не то. Да и в принципе, выставлять это на всеобщее обозрение не хочется. Это выглядело бы с моей стороны, как…

— Как будто жалуешься на несправедливость судьбы?

— Смешно, — молодой человек натянуто улыбнулся, показывая, что на самом деле ему не до смеха. — У Вас, оказывается, неплохое чувство юмора, крестный. Хвастаться я не хочу. Позавидуете ещё.

— А что? Есть чему завидовать?

Максим откинулся на спинку своего кресла и насмешливо посмотрел на профессора Макарова. А потом резко подобрался, став очень серьезным.

— Можете думать, что хотите, но я последние полгода был счастлив. Да, у меня не было денег. Да, хостесс — это, конечно, не нейрохирург с мировым именем. Но я, черт возьми, был счастлив каждый день своей жизни! Вы просто хотите слишком многого. И всего вам мало. Тянетесь за ненужной роскошью, глупыми стереотипами, и цепляетесь за пустоту. Нет бы, ценить то, что есть. Счастье, вообще, переживание субъективное, химера,

за которой все бегут. А оно всегда рядом, в тебе самом. Это же так просто. Только далеко не все могут это понять. И продолжают играть в догонялки с тем, что и не собирается убегать. У меня было все, что необходимо человеку для полноценной жизни. И я не видел причин считать себя страдальцем. Многие не имеют и половины того, что было в избытке у меня. Интересная работа, позволяющая обеспечить себя и мою подругу. Дом. Крошечный, но Мой. Семья. И пусть семьей я звал одного единственного человека, другой мне и не нужен. Да, и сейчас, я предпочту Эмму всем своим новообретенным родственничкам. Друзья… у меня есть настоящие друзья, люди, которым я небезразличен. Что еще нужно человеку для счастья?

Максим ненадолго замолчал, собираясь с мыслями, а потом продолжил:

— Не знаю, как Вам объяснить, но то, что мне внушили, будто бы я не человек, мне не мешало. Вы, наверное, не поймете, но это, наоборот, заставляло чувствовать жизнь ярче, наслаждаться ей. А этот застегнутый на все пуговицы парень… Мне даже не верится, что я мог быть таким… депрессивным, что ли. Вам его взгляд ничего не напоминает? Например, глаз остальных «Лишенных души»? Та же боль, та же безнадежность. Я просмотрел два его личных фотоальбома. И на всех двухсот семидесяти фотографиях у него такое лицо, будто он только что похоронил лучшего друга. И даже на вечеринке в честь его собственной помолвки, в его мимике и позе читается желание бежать от этой «теплой» компании, причем как можно дальше, и как можно быстрей. Зажатым, и готов поспорить, весьма неуверенным в себе был этот ваш Максим Ветров. Про чувство юмора не спрашиваю. Но он хоть улыбаться умел? В принципе? Ну, хоть иногда? Эх, о чем это я?! С такой мамочкой как бы самому не разучиться. Ведь она единственная, кто знает, что для меня лучше. При этом мое мнение по этому вопросу ей глубоко безразлично. Поэтому она и решила спасти меня от меня же самого, а заодно и от женщины, которую я люблю больше всего на свете. Отец вяло сопротивляется ее попыткам перетянуть его на свою сторону, но открыто на мою защиту он становиться не спешит. Нет, я его не осуждаю. С такой фурией связываться — себе дороже.

— Макс, она — твоя мать. Ты не должен так о ней говорить.

— Почему? Тот факт, что она моя мать по умолчанию делает ее доброй и милой женщиной? Арисса — тиран. Добавьте к этому еще и то, что она поверхностна и эгоцентрична. Не удивительно, что тот Максим сломался. Только я — не он. По крайней мере, надеюсь на это. Вы удивлены?

— Чем? — спокойно спросил Влад.

— Тем, НАСКОЛЬКО я изменился.

— Не знаю, Макс… э… Деймон…

— Можете звать Максимом. Если вам так проще — я не возражаю. Вы ведь знали меня с детства. Но «Деймон Росс» мне нравится больше. Возможно, я просто еще не привык к этому новому для меня имени «Макс Ветров». Не знаю. Поймите, я не хочу жечь все мосты, связывающие меня с прошлым. Ведь это были 26 лет МОЕЙ жизни. И делать вид, что их не было — глупо. Но и потерять себя, мне тоже не хочется. Кстати, об этом мне тоже следует подумать. И кое-что решить. А потом я расскажу все, что Вы хотите. Ну, или все, что сочту нужным Вам рассказать. Завтра.

Молодой человек лукаво улыбнулся и прикрыл глаза, расслаблено откидываясь на спинку стула, показывая, что аудиенция окончена.

ГЛАВА 1

Наша жизнь состоит из следствий наших же поступков и цепи случайностей. Мы сами творим свою судьбу, но не властны над нею. Предугадать, к чему они ведут нас, конечно же, можно. Но далеко не всегда.

Ты постоянно стоишь перед выбором, что сделать и как же поступить. А ведь любая мелочь, даже самая, на первый взгляд, обыденная, может перевернуть твою жизнь с ног на голову. Стоит только вызвать такси, а не пойти с работы пешком, как ты делаешь обычно, и упустишь возможность найти свою любовь, встречи с которой ты ждал всю свою жизнь. А может и наоборот.

Каждый день мы делаем десятки, а может и сотни шагов к чему-то пока еще неизвестному. Говорят, что счастье человек строит своими руками. И с этим сложно поспорить. Но с другой стороны счастье — понятие субъективное. Только мы решаем, счастливы ли в данный момент. И никто не может помешать нам испытывать это чувство если не постоянно, то, как минимум, пару раз в день. Мы сами мешаем себе. Загоняем в эти рамки. А потом страдаем по этому поводу.

За окном шел мокрый снег. На улице было уже довольно холодно. Мелкие противные крупинки царапали кожу. А ветер, казалось, пробирал насквозь, отбирая все тепло. И желания выходить на улицу у молодого мужчины, стоявшего возле окна, не было абсолютно.

— Ужасная погода, — тихо произнес он сам себе.

Он сделал это просто, чтобы разбить гнетущую тишину своего кабинета. Создать иллюзию присутствия. Имелась за Максимом Ветровым такая эксцентричная привычка: изредка говорить с самим собой. О ней, правда, никто о ней не знал. Ведь делал он это в гордом одиночестве. Молодой человек зло усмехнулся, представив в какой ужас пришла бы его мамочка, узнав о такой неподобающей особенности единственного сына. О, Арисса подняла бы на уши всех известных ей врачей, и не отстала бы от них, пока бы те не вылечили его от «шизофрении или чем там болен ее бедный мальчик». А между тем Макс ничем болен не был, тем более шизофренией. Хотя и «нормальным» назвать его было трудно. Гении не бывают таковыми просто по определению. Одаренность — то же отклонение, пусть и со знаком плюс. Но одно можно было сказать твердо: данный молодой человек находился в здравом рассудке, хотя и говорил сам с собой.

Просто он часами находится в своей лаборатории абсолютно один. А тишина через какое-то время начинает давить и

раздражать. Особенно поздно вечером. Особенно в такую погоду.

Конечно, можно было спуститься вниз в холл. Какой-нибудь десяток этажей и ты в любое время дня и ночи мог оказаться среди шумной толпы служащих и гостей «Нео-инкорп». Первые три этажа здания занимал торгово-развлекательный центр. Это было очень удобно. С одной стороны для всего персонала компании действовала гибкая система скидок, а с другой — это обеспечивало центр постоянными клиентами.

Максиму нравился ресторанчик традиционной кухни на втором этаже. И он там довольно часто завтракал, обедал и ужинал. Но пока есть ему не хотелось.

Молодой человек безучастно смотрел на унылый пейзаж, который открывался из окна его лаборатории. А потом вдруг неожиданно для самого себя поймал на стекле собственное отражение. Состроив недовольную гримасу своему зеркальному двойнику, Максим тяжело вздохнул. И хотя отражение рисовало облик довольно красивого молодого человека, Макс всегда был слегка недоволен увиденным. Он не любил смотреть на себя. Его почему-то всегда раздражали зеркала и собственные фотографии. И это было странно. Ведь многие завидовали его внешности.

Природа наградила Макса гармоничным сложением. Да, его фигура казалась тонкой и почти хрупкой, но она на самом деле таковой не являлась. Просто Максим был типичным эктоморфом: высоким и худощавым. И на красавца-бодибилдера он совсем не походил ни в коей мере, но старался держать себя в форме. Занимался плаваньем, и без особого труда мог отжаться от пола 120 раз.

Правильные тонкие черты лица, балансировали на грани спокойной мужской красоты и слащавой смазливости, словно бы не отдавая предпочтения ни тому, ни другому. Выразительные миндалевидные глаза казались кусочками ночного неба. В них не хватало только белых искорок-звезд. Волосы черные — под стать глазам. Максим, следуя моде Южного округа, носил среднюю длину (до плеч), стягивая их шелковой лентой в низкий хвост. И дело было вовсе не в том, что парня интересовали модные тенденции. Скорее, наоборот.

Он не понимал, почему кто-то диктует остальным, что и как нужно носить в этом сезоне? И почему эти остальные строят свою жизнь в соответствии с вышеуказанными откровениями? Ведь в этом нет никакого смысла. Ведь человек останется самим собой, что бы он ни одел. Но, тем не менее, любое отступление от модных канонов, широкой аудиторией воспринимается, как вызов общественному мнению, и чуть ли не преступление.

Но так, как молодой человек с модой и ее последователями

поделать ничего не мог, он старался относился к ним, как к неизбежному злу. Поэтому носил неудобную, но дорогую одежду и хвост, хотя с удовольствием обрезал бы свои не самые послушные волосы. Но ему не хотелось выделяться на фоне ровесников и коллег. И только одно его радовало — белые халаты, положенные ученым и врачам, были вне модных тенденций. Потому как популярные этой зимой паетки, стеклярус и бисер на привычной в своей простоте униформе, его бы просто убили. Так как их наличия на обычной одежде, ему более чем достаточно.

Была бы его воля, он бы носил только строгие костюмы в черно-белой гамме. В Юго-Восточном округе одевались только так, и не как иначе. А всякие излишки в виде стразов и кружев и бус, пестрые расцветки, от которых рябило в глазах не считались дурным тоном только для маленьких детей. Нео-классицизм там правил балом. В Северо-Восточном округе ярко одевались только женщины. Мужчины же могли позволить себе некоторую небрежность в одежде.

И Максим наполовину в шутку, наполовину серьезно начинал задумываться о том, чтобы переселиться в один из Восточных округов. Северный и Западный им не рассматривались, потому как в вопросе модных тенденций были солидарны с его родным Южным. Что его мамочка воспринимала, как еще одно доказательство того, что у Максима не все дома. И чтобы он, будучи публичным человеком, не показался людям в неподобающем виде, сама лично покупала ему одежду. Когда-то такое поведение госпожи Ветровой Максима ужасно злило. Теперь он, можно сказать, смирился и даже научился извлекать из этого некоторую пользу для себя. Ведь благодаря ее навязчивой заботе, у него нет теперь необходимости посещать бутики и выбирать между шифоном и крепдешином, сочетанием оранжевого и светло-салатового, бирюзы и бордо. Нужно просто одеть то, что покупает для него Арисса. Хотя приятного в этом было, конечно же, мало.

Отогнав от себя непрошенные мысли, Максим снова посмотрел в окно. Почти безучастно он разглядывал серое небо, серую улицу и серых людей, спешащих по своим делам. Сейчас было начало зимы, а это значило: впереди три месяца беспросветной серости, без солнца, зелени деревьев и нежной голубизны неба. И его не отпускала мысль, что вся его жизнь такая же невзрачная и безрадостная, как погода за окном. Возможно, это было следствием авитаминоза и усталости и ему нужно просто отдохнуть. Он надеялся, что это так, что через пару дней его мир снова обретет краски, что ему станет легче. Ну,

почему лето не может длиться весь год? Ведь от искусственных обогревателей становилось еще холодней. Макс с самого детства любил подставлять лицо золоту солнечных лучей, чувствовать ласковое тепло их самой прекрасной во всей Вселенной звезды. Ему нравилось улыбаться, глядя, как играют на стенах солнечные зайчики.

А к врачам он обращаться не любил. И он тянул с этим до последнего. Максим пытался убедить себя и окружающих, в том, что все хорошо, но особых результатов это не приносило. Все шло как по замкнутому кругу. В больницу он все-таки попадал. Иногда приходил сам, иногда ему туда попасть помогали «любящие» родственники. Раз за разом ему ставили один и тот же диагноз: «Депрессия, склонность к суициду». Хотя сам молодой человек никакой склонности в этом направлении за собой не замечал. Да, ему не слишком хотелось жить, но умирать он не желал абсолютно. У него были мечты, цели, планы, в конце концов. Это было важно для всего человечества, и интересно ему самому. Отказываться от них Максим не торопился. Но врачи считали иначе. И молодому человеку снова приходилось глотать опостылевшие таблетки и выслушивать бессодержательные нотации матери или невесты о том, как замечательно жить и как он их расстраивает, не понимая этого. И в такие минуты ему почти нравилось состояние депрессии. Потому что на все это ему было плевать.

Молодой человек не знал, сколько простоял у окна в некотором состоянии полутранса. И только когда начало темнеть и улица из серой превратилась в черную, он, наконец, очнулся. У него звонил телефон.

— Да, крестный, — привычно ответил Максим.

— Привет, — раздался из трубки бархатный баритон.

— Салют.

— Как жизнь, младший?

— Если скажу, что удалась, ты мне поверишь?

Мужчина тихо засмеялся.

— Если скажешь это таким вот тоном, то не поверю, — а затем, резко посерьезнев, спросил. — У тебя что-то случилось?

— Нет. Все нормально. Устал просто. Тяжелый денек выдался. Не беспокойся. Обычная хандра.

— Понимаю. Отдохни и настроение станет лучше. Но я звоню тебе не просто так. Хотя, ты же знаешь, я с тобой поговорить всегда рад. Ты ведь…

— Ближе к делу, крестный. Я знаю, что ты горазд петь мне дифирамбы. Что нужно?

— Посетить благотворительный аукцион, который устраивает

наша ассоциация. Все вырученные деньги пойдут на реконструкцию одной из государственных клиник.

— А может не надо? — попытался отвертеться Макс от пафосного мероприятия. — Ты же знаешь, как я не люблю подобные мероприятия. Там скучно, и меня там все раздражает. Я и без этого аукциона анонимно перечислю им тысяч четыреста. Мне не трудно. Нет, даже семьсот.

— Хорошо. Перечисляй, если не трудно. Но на аукцион будь добр явиться. Сам факт твоего присутствия придаст ему веса. Ты у нас, все же, звезда мировой медицины и один из самых завидных женихов планеты. Так что не смей увиливать.

— Ну, крестный!

— В общем, я тебя жду. До встречи послезавтра.

— Пока, — кисло отозвался юноша, и тяжело вздохнув, нажал на сброс.

Как же он ненавидел все эти светские вечеринки, благотворительные балы и аукционы! Правила хорошего тона. Фальшивые улыбки. Расточаемые комплименты без единого намека на искренность. Благопристойные беседы о моде, погоде и мире во всем мире.

Потом Максим посмотрел на часы. Уже десять. Подумав: не вызвать ли такси? Он сел в свое кресло, откинулся на спинку и на минуту закрыл глаза.

Наша жизнь состоит из следствий наших же поступков и цепи случайностей. И мысль: «А так ли мне хочется домой?» может дорого обойтись. Не сама мысль, конечно, а ее воплощение в жизнь. Мы сами творим свою судьбу. Но Максим об этом особо не задумывался. Точнее, он даже подумать не мог, что какая-то мелочь может перевернуть всю его жизнь. Но роковая случайность уже ждала его.

Он решил такси не вызывать и домой не ехать. Отключил телефон и бросил его на журнальный столик. Ему вдруг так захотелось тишины, покоя. И он вообще, решил никуда не ехать сегодня, а переночевать на кушетке в лаборатории. Сейчас ляжет, закроет глаза и будет думать о Лере. О том, что она замечательная, талантливая, красивая и как ему с ней повезло. И, возможно, ему даже, удастся себя в этом убедить. Ведь до того, как она появилась в его жизни, Максу было безумно одиноко, а одиночество он ненавидел всем своим существом. Стены его квартиры, буквально давили со всех сторон, а тишина звенела в ушах.

Правда, из крайности Максим бросился в крайность. Лера имеет удивительную способность занять все окружающее ее, пространство и не замолкать ни на минуту. И ладно бы, она

говорила с ним. Но ей не нужны собеседники. Она предпочитала монологи. А любимой темой этой достойной во всех отношениях девушки — была она сама. Макс интересовал ее, скорее как постоянный и безропотный слушатель. То, что он в большинстве своем не слышал того, что она говорила, ею никогда не замечалось. Из этих двоих вышла странная пара. В их отношениях не было ни уважения, ни взаимопонимания, ни любви. Иной раз молодой человек задавался вопросом: что же тогда было? И понимал, что ничего.

Они познакомились больше года назад на какой-то вечеринке. Макс, вообще-то не очень любил подобные сборища, но иногда они были предпочтительней одиночества. Она сама подошла к нему и протянула томное:

— Привет, красавчик.

И Максим вместо того, чтобы смутиться и сказать какую-нибудь глупость ответил ей в тон:

— Привет, малышка, — а затем, оглядев ее фигуру, добавил. — Отличное платье. Я оценил.

Правда, ценили и платья, и фигуру, и веселый нрав девушки, почти все мужчины. Вот в чем-чем, а в поклонниках, у нее недостатка не было. Лера обращала на себя внимание с первого взгляда. Она была яркой, жизнерадостной, раскованной. В общем, эта очаровательная особа являла собой все то, чего сам Максим был лишен, и все то, чем он в глубине души, хотел быть. Вокруг нее постоянно слышался смех. Ее окружали десятки поклонников, но она выбрала его. Молодой человек не считал свою самооценку заниженной. На его взгляд, она была вполне адекватна. Максим не был слепым, и вполне осознавал, что довольно красив. Кроме классического профиля, он имел гармоничное телосложение и следил за здоровьем. Плюс ко всему он был далеко не беден, да и к тому же знаменит. Но у него не раз возникала мысль, что Лера предпочла Максима, а не представителя богемы, именно потому, что на фоне скучного ученого смотрелась особенно эффектно.

Молодому человеку верилось с трудом, что кто-то мог влюбиться в него с первого взгляда. Он привык, что девушек в нем привлекали его деньги или положение в обществе, и не чувствовал себя привлекательным, интересным для противоположного пола. И это воспринималось, как нечто само собой разумеющееся. В этом была его маленькая трагедия. Когда человек не чувствует себя достойным любви, он ее и не ищет.

Возможно, если бы ему не внушали все это в ранней юности, Максим оценивал бы себя по-другому. Но отец в процесс воспитания единственного сына не вмешивался, полагаясь в этом вопросе на жену. А эта гиперсоциализированная дамочка желала,

чтобы ее ребенок адекватно воспринимал собственное «Я». То есть, чтобы смотрел на мир ее глазами. И с ее точки зрения все это было абсолютно правильно, можно сказать, жизненно необходимо. Поэтому она всеми силами пыталась открыть своему любимому мальчику глаза на реальное положение вещей. А оно выглядело примерно так: Макс неуверен в себе, замкнут, холоден, и наконец, инфантилен. И вот, что интересно, видела ли Арисса, что он добр, тактичен, честен, порядочен, и невероятно дисциплинирован? Понимала ли она, какой чудесный у нее сын? Скорее всего, нет, хотя и любила по-своему. Но об уважении и речи не шло. Ведь уважать можно только равного. А она не то, что равным себе, полноценной его личностью не считала.

В этом Лера была очень похожа на мать Максима. Кстати говоря, они отлично ладили между собой. Даже более того, Арисса считала, что лучшее, что сделал ее красивый, умный, добрый, но совершенно бесхарактерный сын за всю свою жизнь, это начал встречаться с «этой очаровательной девочкой». По ее мнению, молодой человек нуждался в постоянном руководстве и контроле. Но не может же, мать, даже такая самоотверженная, как госпожа Ветрова заниматься этим всю его жизнь! В конце-то концов, она не может жить вечно. И ей просто необходима в этом благом деле помощница. И Лера на эту роль подходила идеально. Она спрашивала у Ариссы совета, по любому поводу, а ответы госпожи Ветровой воспринимались ей, как истина в последней инстанции.

Так что будущая свекровь была на седьмом небе от счастья, и прямо-таки горела противоестественным энтузиазмом в связи грядущей свадьбой сына. Сам Максим приподнятого настроения своей матери не разделял, и жениться не слишком-то и хотел. Но его мнением никто и не интересовался, а когда пытался высказать, его попросту не слышали. И это было в лучшем случае. В худшем ему объясняли, что даже будучи известным ученым, он ничего не понимает в этой жизни, не знает, что для него лучше, и не способен заботиться ни что о других, а даже о себе. Поэтому ему не следует мешать тем, кто заботятся о нем.

То, что противоречить Ариссе — себе дороже, Макс уяснил давно. Он даже с этим почти смирился. По крайней мере, внешне. Но разве можно смириться с тем, что собственная мать считает тебя, практически олигофреном? До недавнего времени Максим пытался доказать ей, что он способен на многое. Сначала он был лучшим учеником школы, потом лучшим студентом медицинской академии. И наконец, стал самым юным лауреатом премии Мира. Его зовут «Гением нейрохирургии», а патенты всего за два года принесли столько денег, сколько ему не потратить за всю жизнь.

Его очень обеспеченный отец в сравнении с ним — нищий. Но ничего из этого не меняло отношения к нему матери.

— Почему? Почему ты так обращаешься со мной? — примерно год назад вспылил он. — Разве я малого добился? Или может это нормально в двадцать пять лет быть финансово независимым от ресурсов семьи? Так я не просто независим! Я, черт подери это все, богат. И одни только патенты приносят мне в месяц больше денег, чем зарабатывает отец за год. Чего тебе еще не хватает, чтобы признать меня полноценным человеком? Мне надоела твоя навязчивая забота, причитания по поводу того, какой я беспомощный! Мне все это НАДОЕЛО!!!

Но единственное, чего он добился, это снисходительного:

— Дорогой, тебе всегда легко давались точные науки. Но это совсем не говорит, о том, что ты готов реальной жизни.

— Почему не готов? И когда я, по твоему мнению буду готов?

— Никогда. Ты по своему складу не способен к самостоятельной жизни. Максим, будь хорошим мальчиком и прекращай капризничать. Я не желаю тратить свое время на твои истерики.

Этот разговор с матерью стал для него последней каплей. И в тот же день, жутко злой парень съехал из особняка родителей в съемную квартиру. Сначала, его захлестнула волна энтузиазма. Все было в новинку и вызывало интерес. Но когда азарт немного поутих, его обуяла тоска.

Непривычная, до недавнего времени, тишина давила на нервы. И не будь Максим все еще сильно обижен на мать, он бы вернулся. А так, не позволила гордость. Ведь это было равносильно тому, что бы расписаться в собственной беспомощности. К самостоятельной жизни он оказался действительно не совсем готов. Но молодой человек всячески отказывался в этом признаваться, даже самому себе. Это означало бы признание правоты его матери. Это ведь все равно, что расписаться в собственной несостоятельности, глупости и инфантильности. Люди, особенно молодые и амбициозные, редко признают собственные слабости. Им так сложно сказать самим себе: «Да, я еще не готов».

Вместо этого они пытаются доказать обратное всем и каждому. Хотя, кому это нужно? Наверное, им самим. Мы так устроены. Возможно, такое поведение заложено на подсознательном уровне. Желание выбирать свою дорогу и идти по ней абсолютно естественно для человека. Только простым такой путь бывает крайне редко. И чем-то в нем приходится жертвовать, а с чем-то мириться.

Для молодого человека таким камнем преткновения стала

семья. С самого детства ему хотелось жить среди людей, которые его любят, ценят, понимают. Ему хотелось тепла настоящей семьи. И не то что бы его семья была ненастоящей. Вроде бы у них было все, о чем только можно мечтать. Неплохой достаток, красивый дом, положение в обществе. Максим никогда не подвергался насилию ни со стороны матери, ни со стороны отца. Они на него даже голос ни разу не повысили. Ему давали все самое лучшее от игрушек до учителей. И со стороны Ветровы казались образцово-показательным семейством.

Как же! Любящие родители! Правда, любящие скорее друг друга, чем сына. Мальчик был для них предметом гордости, тем, что не стыдно показать друзьям, и чем похвастаться перед приятелями. На взгляд самого Максима его ценность как личности, была равноценна его достижениям. Он уже в раннем детстве перестал тешить себя иллюзией, будто бы нужен им сам по себе. И поэтому Макс даже мысли не допускал о том, чтобы разочаровать, перестать соответствовать их ожиданиям. Его пугала даже сама возможность оказаться недостойным внимания. Стоило ли говорить, что уровень притязаний у него катастрофически зашкаливал?

Но несмотря, ни на что, они оставались его семьей. Они у него просто были. И сам факт их наличия создавал иллюзию надежного тыла. А когда он съехал от них, обманывать себя стало гораздо сложнее. Не располагает как-то пустая квартира к тому, чтобы чувствовать себя счастливым, когда больше всего на свете тебе хочется любви.

Одиночество, на взгляд молодого человека являло собой — нечто страшное. Но ведь, когда девушки слишком много, и ты невольно растворяешься в ней, это ведь тоже не слишком хорошо. Терять собственное Я, только, чтобы не быть одному?.. Но стоит ли это «Я» прочных отношений, любви? Ответов не было. И Макс старался гнать от себя вопросы. А они не желали уходить.

Задвинуть проблему в дальний угол, сделать вид, что забыл о ней, вместо того, чтобы решить — очень глупо. Возможно ты и правда, о ней забудешь, но она никуда не уйдет. Скорее притащит за собой другие. Ведь никто кроме тебя ее решать не станет.

Всего какие-то две сотни лет назад люди сражались за свободу и независимость. Они умирали за идею, светлый идеал. Но сражаться и умирать всегда легче, чем жить с тем, за что бороться-то особо и не хотел. Свобода — не конфетка, а тяжкий крест. Это ведь сложно решать за себя. А потом нести ответственность за собственный выбор, прежде всего перед самим собой.

Максим чувствовал себя трусом. Ведь все он уже решил, но

боялся себе в этом признаться. Как будто, если сделает это, пути назад ему уже не будет. Боится, что после этого ему снова придется просыпаться в одинокой постели, в пустой квартире, в давящей тишине. Ему будет плохо без Леры. Значительно хуже, чем ей без него. Это заставляло сомневаться и медлить.

Но медлить дальше уже нельзя. Это, по меньшей мере, малодушно и подло. Завтра же он поговорит с Лерой и скажет, что они не подходят друг другу. Так будет правильно, честно по отношению к ним обоим. Недостойно взрослого человека прятаться от проблем, и делать вид, что их не существует. От этого они никуда не денутся, а только обрастут новыми. И действовать нужно сейчас. Пока он еще понимает, чувствует в этом необходимость, пока его услышат. Потому что через неделю, когда в его медицинской карте будет стоять диагноз, его слова никто не воспримет в серьез. Та же Лера будет кивать, соглашаться со всем, но в глазах у нее будет читаться счастливое непонимание происходящего. С ним начнут обращаться, как будто бы он страдает редкой формой дебилизма, и сам не ведает, что говорит.

Но это все будет завтра. Он позвонит Лере, назначит ей встречу и скажет, что не видит возможности их дальнейших отношений. А сейчас нужно срочно чем-нибудь себя занять.

Максиму захотелось сесть за не слишком сложную монотонную работу, чтобы переключиться. Но он понимал, что это бессмысленно. Нервы и усталость берут свое. Поэтому лучше, сначала спуститься вниз и поужинать.

И когда молодой человек заканчивал вечернюю трапезу, совершенно неожиданно к нему подсел коллега. Высокий кареглазый шатен с насмешливой улыбкой и ледяным взглядом.

Кристиан Латен не был Максу ни другом, ни врагом. Вне «Нео-инкорп» они почти не общались, не конкурировали, а в профессиональной сфере делить им, вообще, было нечего. Их можно было бы назвать сотрудниками, работающими в разных отраслях над разными проектами. И хотя эти двое были примерно одного возраста, у них не было ничего общего. Вне работы они вращались в разных кругах, имели различные интересы, и не стремились даже общаться друг с другом.

Макс был в какой-то степени лицом корпорации, ее рекламой. Этаким актом благотворительности. Его обеспечивали всем необходимым для работы. Любое оборудование, любые материалы. Ему достаточно было просто сделать запрос, и через пару часов требуемое уже лежало на его столе. Разработки Максима были открыты для научного сообщества и активно внедрялись в жизнь. Да, Нео-инкорп баснословных прибылей от

его работ не получало, но и в убытки никогда не входило. Зато руководство корпорации заявляло направо и налево, что они выше меркантильных интересов, и что их главной целью является улучшение жизни людей. Так же совет директоров не упускал случая напомнить менее удачливым конкурентам, на кого работает юный гений медицины.

А Максу было совершенно безразличны скрытые мотивы руководства. Его работы были востребованы и приносили ощутимую пользу всему человечеству. Использовать данные разработки во вред людям было, на его взгляд, невозможно, так что молодой нейрохирург с чистой совестью отдавался собственным изысканиям.

Он был помешан на своей работе. Этот ненормальный даже цель имел: спаять нано-волокно эндоскелета с нервными окончаниями, что признавалось невозможным великими умами современности. Великие умы, правда, пересмотрели свою точку зрения, когда тот добился определенных успехов в этой области, за что, собственно и получил Премию Мира за вклад в медицину. Но нужно признать, что проснувшись однажды знаменитым, «звездной» болезнью Максим не заразился. К славе и к мировому признанию он относился почти безразлично, работая в своей лаборатории, как одержимый.

Кристиан же руководил проектом «Anima». И закрыт он был не только от обывателей, но и даже от большинства сотрудников «Нео-инкорп». Макс, к примеру, знал, что там занимаются нейролингвистикой и психотропными веществами. Но в курсе этого он был только потому, что тестировал один из препаратов на моделях нервных волокон.

— Ветров, сейчас два часа ночи. Ты что тут делаешь?

Латен обычно не утруждал себя приветствиями и обращался ко всем коллегам, а иногда и кое-кому из начальства с ужасающей фамильярностью. Но в его исполнении это не казалось грубостью или дурным тоном. Скорее такое поведение еще больше придавало ему шарма.

— Увлекся, а потом и вовсе решил не ехать домой. А ты?

— А я, вообще, ночной работник. Днем мозги не варят совершенно.

— Понятно.

— А что бы такой кислый? У тебя вид побитого щенка. Ты случайно не с девушкой поссорился?

— Ну, почти, — поморщился Макс.

— Хочешь выпить? По-моему, это то, что тебе сейчас просто необходимо.

— Вашу синтетическую гадость? Я пока еще жить хочу.

— Обижаешь. Пусть этим травятся те, кто не понимает ничего в настоящих удовольствиях, и не бережет здоровье, — усмехнулся Кристиан. — Так вот, мы будем пить хороший дорогой коньяк. Как тебе идея?

— Знаешь, а мне она нравится. Поддерживаю.

ГЛАВА 2

Посиделки с Кристианом закончились далеко за полночь и почему-то в его кабинете. Макс плохо помнил, зачем они туда пошли. Кажется за еще одной бутылкой коньяка. Но это было и неважно. А потом Максим изъявил желание вернуться к себе. Потому, как у него там удобная кушетка есть и плед. А у Криса этого нет. Так он оказался в коридоре. Алкоголь туманил разум, перед глазами плыло, и все двери казались одинаковыми.

И не было ничего удивительного в том, что Макс просто ошибся. И вместо лестницы, ведущей на его этаж, его глазам предстала комната. Не кабинет, а именно комната с мягким диваном, парой кресел и плазменным экраном во всю стену. Правда, дизайн был весьма оригинален. Все в ней было белым. Ни единого яркого пятна. Складывалось впечатление, что стерильность здесь возведена в абсолют. И это вызвало у Максима легкий приступ тошноты, напомнив многочисленные клиники, где его пытались вылечить от депрессии. Только стены здесь были обычными, а не оббитые войлоком. А еще не хватало фальшиво-жизнерадостных врачей с санитарами. Которые так бездарно играют безграничное счастье, что хочется посоветовать им курсы актерского мастерства.

Присмотревшись, молодой человек понял, что, во-первых, яркое пятно здесь все же есть, а во-вторых, что он больше не пьет. Особенно с Кристианом.

Это же надо было не заметить девушку, сидевшую на пластиковом стуле в центре комнаты. Но когда он внимательнее разглядел эту молодую особу, ему стало не по себе. А опьянение как рукой сняло. Потому что он ее довольно хорошо знал. И сидеть здесь в самом сердце «Нео-инкорп» она никак не могла.

— Дарина? — тихо, почти шепотом окликнул девушку Максим, и ошарашено потряс головой, пытаясь согнать наваждение.

Она не исчезла, и никак не отреагировала на его голос. Будто собственное имя являлось для нее пустым звуком. Молодой человек подошел ближе, жадно вглядываясь в знакомые черты. Это было просто невозможно. Но это была Дарина. С коротко остриженными волосами, одетая в серый комбинезон с логотипом их компании на груди.

Хотя это было невозможно, и до боли похоже на плод воспаленной фантазии. Максим отчетливо видел сидящую на стуле девушку. И молодой человек глазам своим пока еще верил. Он же не столько выпил, чтобы у него начались галлюцинации.

Хотя в тот момент уже начинал сомневаться в этом. Все-таки он находился в состоянии алкогольного опьянения. И сейчас у него не было никакой уверенности, что Крис не подмешал в свой дорогой коньяк ничего психотропного.

Он подошел совсем вплотную и несмело положил руку ей на плечо. Все сомнения отпали, когда его ладонь коснулась неприятной на ощупь ткани. Девушка снова никак не отреагировала, даже не посмотрела в его сторону. Дарина сидела неестественно ровно и смотрела прямо перед собой. На ее обычно живом, улыбчивом личике сейчас не отражалось ни единой эмоции. И Максиму она сильно напомнила фарфоровую куклу. Сломанную. Передернувшись от жуткого сравнения, он сделал глубокий вдох и медленный выдох. Такие мысли нужно гнать прочь. Не к добру они.

И убедившись, что Дарина ему не видится, парень, пожалуй, испугался еще сильней. Потому что пропавшая без вести где-то с месяц назад девушка мало того, что находилась там, где ей быть не положено, так еще и вела себя несколько неадекватно. Ее нужно срочно привести в себя. И позвонить Дарькиным родителям. Максим похлопал себя по карманам в поисках телефона. Не нашел. На секунду задумался: где он мог его оставить? Вспомнил, что оставил его на журнальном столике в своей лаборатории. Значит, позвонит позже. Успеется. Да и сейчас не это важнее. Макс легонько потряс девушку за плечо и тихо и спросил:

— Дарин, что ты здесь делаешь? Тебя уже вторую неделю ищет полиция. Родители места себе не находят, — попытался достучаться до девушки Макс. — Посмотри на меня.

Девушка перевела бессмысленный расфокусированный взгляд на его лицо.

— Ты меня помнишь? Я часто бывал в гостях у твоего отца, когда учился в академии. Он преподавал у нас философию. Я приносил тебе конфеты. Марципан в шоколаде. А твоей маме цветы. Помнишь? Маленькая девочка со смешными косичками и нежной улыбкой. А еще ты ужасно стеснялась меня. Краснела постоянно и почти не разговаривала. И каждый раз заваривала травяной чай. Потому что мне он нравился. Чабрец, ромашка, мята и листья черной смородины. Мы с твоим отцом сидели в вашей библиотеке и разговаривали. А ты устраивалась в уголке с книгой и делала вид, что читаешь. Но ты не читала, а слушала. Да, мы же с тобой виделись пару месяцев назад! Не смотри на меня пустыми глазами! Отвечай! Ты меня помнишь?

— Нет.

Ответ был страшен своей лаконичностью. Ветров сделал

глубокий вдох, пытаясь хоть немного успокоиться, взять себя в руки. Паника — не лучший советчик.

— Ты помнишь кто твои родители?

— Нет.

— Как тебя зовут?

— Образец TSA-357_680.

Молодому ученому действительно стало страшно. Его передернуло. А затем он, ухватив девушку за запястье, потянул на себя.

— Вставай. Быстро!

И тут в комнату влетел запыхавшийся Кристиан и пара его подчиненных.

— Какого черта? Что ты тут делаешь, Ветров? Это закрытая территория.

— Нет, это я тебя спрашиваю: какого черта здесь твориться? Эту девушку разыскивают семья, друзья и полиция уже больше месяца. А она находится здесь, причем в совершенно неадекватном состоянии. Это что с ней нужно было сделать, чтобы довести до такого?

— Максим, ты ошибся, — с обворожительной улыбкой начал Латен. — Это не твоя знакомая, а образец социального андроида. Качественная имитация молодой девушки, но, тем не менее, это машина. Любое внешнее сходство с кем-либо из людей — чистейшее совпадение. Все вопросы к дизайнерам.

— За идиота меня держишь? Не забывай, что я тоже врач. Думаешь мне не по силам отличить андроида от человека? И тебе еще предстоит дать объяснения властям, почему вы удерживали ее тут и что с ней делали. А сейчас я ее забираю.

— Нет, не забираешь, — спокойно ответил его оппонент. — Тебе не нужно было сюда заходить. А если уж сунул нос, куда не просят, то стоит проявить хоть каплю здравомыслия. Тебе же сказали: «образец социального андроида». Зачем сразу полиция? Ладно, это не андроид. Отдаю должное твоей проницательности. Доволен?

— С ума сошел?!

— Успокойся, Макс. И держи себя в руках. Да, это опытный образец проекта «Anima». Но это не человек. Уже. Она теперь идеальная игрушка для избранных, истинных ценителей. Для тех, кто сможет за нее заплатить. Кстати, ее уже купили. Мы нашу деятельность, разумеется, не афишируем. Это ведь неразумно. Но если переживаешь, что высшее начальство не в курсе, чем мы занимаемся, то спешу тебя успокоить. Данный проект был негласно санкционирован советом директоров. Они всячески поддерживают мои исследования. Даже заказывают наших

«куколок». Так что все в порядке.

Максим пораженно молчал. Он не верил ни своим глазам, ни ушам.

— Но как?

— Как мы этого добились? — ухмыльнулся Кристиан. — В двух словах и не расскажешь. Но, грубо говоря мы можем внедряться в психику и перекраивать ее так, как нам нужно. Кстати, вспомни латынь. Что значит «Anima»?

— Душа, — пораженно выдохнул Максим.

— Именно! Видишь ли, я научился красть души. Ты не должен был узнать правду об этом проекте. Пока, по крайней мере. Моя оплошность. Недосмотрел. Ну, ладно, все равно с этим ничего уже не сделаешь. Так что я готов выслушать твои требования. Сам же понимаешь, стариканы из совета в восторг не прейдут, если широкой общественности станет известно об их маленьких слабостях. Поэтому, я готов идти на уступки. Чего ты хочешь? Точнее, кого? Пол. Возраст. Любая внешность. Все, что пожелаешь. И даже учтем, что ты — наш коллега и обслужим вне очереди.

Люди вообще склонны создавать себе рабов, но то, что рабами могли быть сами люди, вызывало в душе Максима волну негодования. Наивный идеалист мог понять, как и почему эти функции выполняли машины. Это было на его взгляд нормально. Ведь они для того и созданы. Существует же широкий спектр социальных андроидов. Они могли сделать абсолютно все, что желали их хозяева. Так зачем же творить из разумных людей вещи, игрушки для сумасшедших извращенцев? В голове молодого человека все это отчаянно не желало укладываться. Для него это был настоящий шок.

Так вот, глупый мальчишка так, наверное, до конца и не смог осознать, чему стал свидетелем. Ведь вместо того, чтобы тихо уйти и сообщить, кому следует, он устроил скандал и кинулся на Кристиана с кулаками. Его скрутили за считанные минуты двое амбалов, до этого маячивших за спиной Латена.

— Вы все ненормальные! Как можно делать это с людьми? Зачем? — кричал Максим, почти истерично. А руководитель проекта «Anima» со снисходительной улыбкой на тонких бескровных губах наблюдал, как Максима бьет крупная дрожь, наслаждаясь беспомощностью мальчишки. Сейчас он чувствовал себя увереннее, опытней, и главное, сильнее. Мгновенно его маска отличного парня слетела, обнажая его истинную натуру.

— Тебя интересует, зачем мы это делаем? — Кристиан сделал вид, что задумался. — Хочешь, я тебе объясню? Все очень просто. Деньги и власть. Но куда тебе понять эту формулу успеха? Все это

было у тебя с рождения. И это ты, а не я получаешь Премию Мира. Именно тебя зовут надеждой нейротехнологий. А я вынужден скрывать, чем занимаюсь, оставаясь в тени. Но это того стоит. Власть упоительна и может доставить невероятное удовольствие. Ведь если ударить андроида, он будет действовать согласно его программе. Робот станет молить о пощаде, кричать, если таково желание хозяина. Но это все будет игрой. Вещи неспособны испытывать боль. А если я ударю вот, например ее… или даже попытаюсь убить…

Латен подчеркнуто-нежно провел кончиками пальцев по щеке Дарины, а затем сдавил шею, перекрывая ей возможность дышать. Но та даже не пошевелилась. В ее остекленевших глазах не отразилось и намека на страх или протест. Ее убивали, а она была уверена, что раз с ней Хозяин, то все правильно. Макс рванулся на помощь, но его держали очень крепко. Тогда он закричал от бессилия:

— Прекрати! Отпусти ее, ублюдок! Ты же ее убьешь!

Кристиан полюбовавшись на реакцию Максима, отпустил шею своей жертвы.

— Ветров, успокойся, это была простая демонстрация. Конечно, я не собираюсь ее убивать. За эту малышку уже заплатили. А это не хорошо — портить чужую собственность. Так, о чем я? Ах, да… как ты мог заметить, наша куколка чувствует боль, но не может сопротивляться и проявлять агрессию. Нет, она, конечно, может, но не станет этого делать. В ее подсознание был внедрен блок на любые действия, противоречащие желаниям Хозяина. Это один из принципов создания подобных игрушек. Они должны быть безопасны.

Я могу теперь сделать с ней все, что захочу. И с остальными. Это один из бонусов работы здесь. Мы перед продажей можем поиграть с нашими крошками. А знаешь, сколько людей разделяют мою точку зрения? Ты будешь шокирован, правильный мальчик, сколькие готовы расстаться со своими кошельками за возможность обладать такой куклой. Наслаждаться их беспомощностью и болью… это так сладко.

— Вы не люди! Вы грязные извращенцы. Это отвратительно! Вы в не своем уме!

— Ну, как можно говорить это, ни разу не попробовав? Может, ты все-таки хочешь узнать, каково это — обладать абсолютной властью над жизнью? Тебе понравится. Не бойся отбросить ложную мораль. Таким как Мы нужно быть выше этого всего. Они ведь все равно не люди и не были ими никогда. Чем плохо, что эти отбросы общества, крысы из нижних кварталов послужат науке и нашему удовольствию?

— Я не такой как вы.

— Если попробуешь — станешь. Ведь это как наркотик.

— Я скорее умру. Это доставит мне больше удовольствие, нежели пополнение ваших рядов.

— О, у меня другая идея. Не хочешь пополнять наши ряды — пополнишь ряды «кукол». Короткая процедура и ты станешь постельной игрушкой, готовой на все, лишь бы доставить удовольствие хозяйке, или хозяину. Это как повезет. А ты красивый. У тебя такая нежная кожа, и такая белая. Черный шелк простыней будет очень выгодно ее подчеркивать. И глаза… твои прекрасные глаза. Интересно будут ли они столь же притягательны, если в них поселится боль и безнадежность? Может быть, я сделаю из тебя милую послушную игрушку лично для себя. Как тебе эта идея?

Шокированный Максим смотрел на него со смесью ужаса и отвращения.

— Ах, не бойся, малыш, я, конечно же, сделаю тебе больно, но это не будет иметь никакого значения. Ты ведь будешь считать правильным все, что сделает твой хозяин. И в любом случае, препараты, заменяющие андроидам питание, медленно, но все-таки, убивают людей. Так что ты не проживешь больше полугода, — Кристиан расхохотался, как безумный. — А мне нравится страх в твоих глазах. Может и правда оставить себе? У тебя есть все шансы стать моей любимой игрушкой… на некоторое время, разумеется.

Парень рванулся изо всех сил, но его очень крепко держали помощники этого сумасшедшего. А один из ассистентов незаметно подошел сзади и вонзил шприц в основание шеи. Максим почувствовал, как легко входит в его тело тонкая игла, а потом впрыскивается какое-то лекарство. Голова вдруг заполняется странным шумом, все тело становится будто бы ватным, и перестает держать. И если бы не держащие его громилы, он бы просто напросто упал к ногам Кристиана.

— Готов, — усмехнулся Латен, а затем разом посерьезнев, скомандовал. — На кушетку его. И максимально затянуть ремни.

Страх вдруг исчез. И Максима вдруг захлестнула странная уверенность в нереальности происходящего. В голове шумело, тело не желало слушаться. Так может это все сон? Просто ночной кошмар? И ничего этого нет? Ведь этого не может быть! Не может и все!

Лаборатория…

Люди…

Фальшивые андроиды…

Нео-инкорп…

Кристиан…

Дарина…

Он сам…

Происходящее походило на бред сумасшедшего. И Максим молился, чтобы это оказалось бредом. Он даже согласен был проснуться в комнате с мягкими стенами. Только бы проснуться и осознать, что ничего этого не было на самом деле. Находясь в полусознательном состоянии, молодой человек ничего не чувствовал. Ни как его бросили на кушетку и зафиксировали в этом положении ремнями. Ни как к нему подсоединили сложное оборудование, сконструированное Кристианом Латеном.

Резкая боль, пронзившая всего его, каждую клеточку, прогнала ненужные мысли. Несколько шприцев одновременно впрыснули ему какие-то вещества.

Вдох-выдох.

Максим и не подозревал, что боль может быть НАСТОЛЬКО сильной, доводящей до той грани безумия, когда смерть не кажется чем-то страшным, скорее желанным.

Вдох-выдох.

Легкий, поверхностный вдох и такой же выдох. Просто чтобы не задохнуться от боли. Кстати, это совсем не метафора. Потому что с каждой секундой тебе все больше не хватает кислорода, и ты задыхаешься все сильней и сильней.

Вдох-выдох.

Конвульсии прокатывались по его телу одна за другой, не давая ни минуты покоя. Но кричать совсем не хочется. Там, на грани, если кто бывал, тот знает: на это просто не хватает сил.

Вдох-выдох.

— Гляди, Крис, сопротивляется, — жеманно захихикал один из сподручных Латена.

Максиму захотелось открыть глаза и посмотреть на обладателя столь противного голоса. Но он не смог.

Вдох-выдох.

— Восемь минут уже.

Восемь минут? Всего восемь? Но ведь, казалось, что прошла целая вечность! Часы, а не минуты!

— Кристиан, алкоголь в крови мешает, — спокойный, можно даже сказать, приятный голос. — Тормозит процесс. Плюс, организм здоровый. Сильная нервная система.

— Ничего. И не таких ломали. Энди, помнишь рыженького малыша? Ты еще сетовал, что не можешь оставить его себе. Так он 17 минут продержался. Этот столько не выдержит. Ввести ему еще сыворотки. И готовьте чип с программой, погнанной под его параметры.

Новый приступ боли.

Собраться.

Задержать дыхание.

С трудом, превозмогая себя, молодой человек открыл глаза и посмотрел на Латена. Их глаза встретились. И прежде чем отключиться, Макс все ж одержал свою последнюю победу. Кто знает, что увидел этот погрязший в собственных пороках человек в черных глазах своей жертвы? Но Кристиан отвел взгляд и отвернулся.

Максим закричал…

А может это ему просто показалось…

Боль. Боль. Боль…

Яркая вспышка холодного света…

А потом его окутала темнота…

И под этим ласковым покровом не было места ни боли, ни гневу, ни, мыслям ни звукам, ни прошлому, ни будущему, ничему вообще….

Он умер…

Почти умер…

ГЛАВА 3

Илья Корсаков — молодой перспективный следователь аналитик Службы безопасности Южного округа сидел за своим столом и просматривал сводки. Было уже далеко за полночь и все сотрудники, за исключением дежурных офицеров давно уже отправились по домам. А Илья не мог. Не мог по вечерам идти домой. Просто потому, что знал: она не встретит его там.

Вы когда-нибудь мечтали о чуде? Том, что в вашу серую скучную жизнь ворвется серебряный вихрь и внесет в нее краски? Так вот, еще полгода назад Илья тихо жил в своей холостяцкой квартирке, работал по шестнадцать часов в сутки и ни о каких глупостях не думал.

Его вполне устраивал некий устоявшийся порядок бытия. А к переменам он относился весьма и весьма настороженно. Они редко бывали к лучшему. Нет, иногда ему хотелось все бросить и уехать… неважно куда. Хотелось, чтобы по вечерам его встречало не одиночество четырех стен, а близкий, любящий человек. Но подружки в его квартире не задерживались. Корсаков не мог ставить их на первый план, уделять им все свое время. А конкурировать с такой соперницей, как любимая работа не могла ни одна из них. И они уходили. Иногда тихо — не прощаясь. Иногда со скандалами, обвиняя его во всех мыслимых и немыслимых грехах. Мужчина не винил их. Он понимал, что виноват по большей части сам. Но что-то менять тоже не мог. Не понимал: ради чего? Чтобы завести семью и детей? А они ему очень нужны? Эти заботы, пеленки-распашонки и нескончаемые бессонные ночи? Да и вряд ли ему удалось бы стать образцовым отцом, при его-то профессии. Хотя, тут он немного лукавил. Многие из его коллег имели по парочке ребятишек. И ничего — как-то справлялись. Но, наверное, правду говорят: мужчина хочет ребенка скорее, от любимой, чем просто так. А вот той единственной у молодого следователя, как раз и не было. Пока однажды он не встретил ее. Илья закрыл глаза, вспоминая тот день и улыбнулся.

Это было как удар током. Как взрыв. Как… тут даже и сравнения толкового не подберешь. Настолько все… странно, что ли. Вот вроде бы идет тебе навстречу обычный человек. Со своими проблемами, мечтами и планами на эту жизнь. Но ты каким-то шестым чувством понимаешь: «Никакой он не обычный, а самый лучший на свете. Мой». И летят к черту твои собственные планы, мечты и проблемы. Потому что становятся они вдруг какими-то несущественными. Меняешься ты сам и мир вокруг

тебя. Стоит только ему или ей появиться рядом. Это не хорошо и не плохо. Это просто факт, объективная реальность, закон мироздания. Кто-то назовет любовь с первого взгляда аномалией, кто-то сказкой, а кто-то мечтой. Но она была, есть и будет. Вы можете жаждать ее или же наоборот, страшиться ее прихода. Или можете, вообще, в нее не верить. Все это не имеет никакого значения. Любовь, как и фортуна — дама непостоянная и капризная. Она просто может прийти… или не прийти. И ваши собственные желания ею в расчет приниматься не будут.

Илья даже зажмурился и головой потряс, чтобы прогнать наваждение. Не помогло. Девушка пропадать или становиться менее симпатичной отказывалась категорически. И мужчина понял, что пропал. Окончательно и бесповоротно. Потому что чем ближе она подходила, тем больше становилась похожей на его ожившую мечту. Миниатюрная. Даже на каблуках, девушка была ему по плечо. Худенькая. И с толстой русой косой, заканчивающейся чуть ниже талии. А на кукольном личике сияли широко распахнутые серые глаза, наполненные какой-то детской наивностью пополам с озорным любопытством. Миленькие пухленькие губки навевали мысли о поцелуях. А жаркий румянец, не преминувший расцвести на ее щеках, стоило ей перехватить полный восхищения взгляд молодого человека, убил в нем всякое желание сопротивляться вспыхнувшему вдруг чувству.

Вполне разумная мысль, подойти и познакомиться с понравившейся девушкой тотчас же была отметена, как невыполнимая. По нескольким причинам. Во-первых, в головах влюбленных разумные мысли не живут достаточно долго, чтобы плавно перетекать в адекватные действия. А во-вторых, Илья сильно сомневался, что сможет произвести достаточно благоприятное впечатление. Мысли путались. В голове царил сумбур. А улыбка абсолютно довольного жизнью идиота, прочно обосновалась на его лице. То, что он был уже третьи сутки небрит и не слишком аккуратно причесан, отчего его волнистые так и норовили встать дыбом, в свете всего вышеперечисленного, казалось мелочью, не заслуживающей внимания. Поэтому он решил установить за «объектом» скрытое наблюдение, а заодно выяснить о ней все, что сможет. Благо возможностей для этого у него была уйма. И он, слегка поколебавшись, решил в кой-то веки воспользоваться служебным положением и влезть в информационные базы. Муки совести по поводу нецелевого использования оперативных ресурсов покоя не давали, но их решено было игнорировать. И следователь достал из кармана маленький (размером с его ладонь) терминал. Помедлил еще немного, а потом запустил систему распознавания. А камера

сделала несколько фотографий прохожих.

Секунда и экран высветил несколько имен, слева от которых располагались фотографии. Его персональное наваждение в этом списке стояло третей. Илья легким движением коснулся сенсорной панели, переключаясь на аудио-режим. Из левого наушника послышался приятный женский голос, зачитывающий досье:

> Имя: Дарина Эшли.
>
> Возраст: 18 лет.
>
> Место жительства: Южный округ, улица Рианы Вэл 375/12/146.
>
> Род занятий: студентка Академии Медицины и Здравоохранения ЮО. Факультет: фармацевтический. Курс первый.
>
> К уголовной и административной ответственности не привлекалась.

Следователь улыбнулся. По крайней мере, у него самого проблем с законом не возникнет. Во-первых, она совершеннолетняя. Во-вторых, в его контракте строго прописано: он, будучи сотрудником службы безопасности, не может сочетаться браком с лицом, привлеченным момент ранее к уголовной ответственности. Не то, чтобы у него вдруг возникло дикое желание жениться на прелестной незнакомке, но Илья предпочитал просчитывать свои действия на несколько шагов вперед. Привычка не раз спасавшая его от неприятностей.

Двигаясь немного позади, он проводил Дарину до жилого комплекса Рианы Вэл 375, проследил, чтобы девушка вошла в подъезд под номером двенадцать и развернулся назад. Влюбленность — это, безусловно, замечательно. Но работу никто не отменял. Еще нужно было пообщаться в приватной обстановке с одним человеком. Илья хмыкнул. Он не слишком любил оперативную работу и большую часть времени проводил за компьютером. Со свидетелями предпочитал разговаривать в своем кабинете, попивая крепкий кофе. Это было гораздо удобнее, чем тащиться неизвестно куда и выслушивать сбивчивые показания сквозь громкую музыку клубов и закусочных. Следить за тем, чтобы этот разговор не был подслушан, вообще, бесполезно. Такие места не рассчитаны на проведение конфиденциальных бесед. Да и охранная система всегда оставляет желать лучшего. И защитить их становилось на порядок сложней. Но, насмотревшиеся детективов обыватели считали

иначе. И убедить их в том, что они ошибаются, не представлялось возможным. Люди, вдруг возомнившие себя героями шпионских сериалов, его доводов не слушали. Это до ужаса раздражало.

Илья поморщился. А все — телевидение. Снимают всякую ерунду, до безобразия оторванную от действительности, мозги людям засоряют. Так один идиот (случайный свидетель преступления) буквально вот, на прошлой неделе, учить его вести дознание вздумал. Мол, неправильно он с очевидцем беседует — не так, как следователь Баркис из «Ночного убийства». А то, что он этому шесть лет учился, и еще семь в этой должности состоит — мелочь не стоящая внимания.

Когда он подходил к месту сегодняшней встречи клубу, вполне оправдывающему собственное название «Пафос». Это место Илья не любил, как и все шумное, яркое и подчеркнуто-роскошное. И тут зазвонил телефон. Точнее, терминал. Следователь давно перевел личную линию на рабочее устройство. Чтобы таскать с собой поменьше всяких гаджетов. Ведь этих самых «личных» звонков почти и не было.

— Да. Слушаю Вас.

— Живой, — выдохнул мужчина на той стороне и еще раз тихо повторил. — Живой.

— Мартин? Что случилось? — испугался следователь.

— Ты где?

— К «Пафосу» подхожу. У меня там встреча. Человек ждет.

— Уже не ждет.

— Что?

— Неизвестные открыли стрельбу в одном их залов этого клуба. Его убили десять минут назад. А вместе с ним и еще двоих. Пятеро ранены.

— Черт! — Молодой человек прижал ладонь к запылавшему лбу в надежде хоть немного его остудить. — Ведь задержался я всего на пару минут.

— Вот именно! Бога благодари за то, что задержался на эти пару минут, — рявкнул капитан Мартин Эйвери — его непосредственный начальник и по совместительству друг, а потом уже мягче продолжил. — Ты бы ничего не смог сделать. Во всяком случае, свидетеля бы не спас. А сам под пулю бы подставился. Сынок, знаешь, чего я не люблю делать больше всего на свете?

— Нет.

— Траурный венок за гробом нести. Вот что.

— Прости.

— Ничего. Главное, ты живой. Остальное — ерунда.

— Да, — усмехнулся Корсаков. — Вот только интересно:

свидетель мой, случайно в число жертв попал или охота велась именно на него?

— Второе. Езжай в отдел. Там поговорим.

— Хорошо. Скоро буду, — твердо ответил Илья, сбрасывая вызов.

Да, уж… а день так хорошо начинался. Выходной. Суббота. Можно было поспать подольше. А поработать всего пару часов. Встретиться с осведомителем, написать рапорт. И отдыхать. Ведь впервые за несколько недель у него выдался почти свободный от работы день. На который, у него, между прочим, были планы. Но ничего не поделаешь, нужно действительно поскорей добраться до работы. И разобраться в том, что же все-таки происходит? Там ему предоставят сводки, и он сможет увидеть картину в целом. А пока, не стоит тратить время, думая об этом. Первое, чему учат в военных академиях будущих следователей — не строить логических цепочек, пока не обладаешь всей полнотой информации. Все равно это практически бесполезно. Лучше отвлечь себя чем-нибудь. Например, мыслями о Дарине. Интересно, какая она? Чем любит заниматься? Хотелось прямо сейчас сорваться и побежать к ней. Вот только что он ей скажет? «Привет»? Или возможно: «Я тут мимо проходил»?

Илья поморщился. Нет, все же, лучше не думать о ней. Ему лучше иметь холодную голову, в которой по полочкам разложены факты и домыслы. А вот розовый туман сейчас несколько не к месту. Отвлекает, конечно, но как-то слишком сильно. Может на него так отсутствие личной жизни действует? С Верой — последней своей пассией он расстался еще три месяца назад и с тех пор почти поселился на работе. Нет, не с горя по утраченной любви. А скорее злясь на себя за то, что опять слишком серьезно отнесся к легкомысленной феечке. А еще было обидно. Потому что он все ей разрешал. Оплачивал ее счета и даже старался освобождать выходные, чтобы провести немного времени вместе. Но ей хотелось экстрима. Нет, если бы она просто развлеклась на стороне, он бы и слова ей не сказал. Но принимать любовника в его собственной постели — все же, перебор. Что уж… вина за это и на нем есть. Дома он почти не бывал, и времени уделял ей меньше, чем она привыкла. Но предательство это не оправдывало.

Следователь резко открыл глаза. Слишком уж сильно он углубился в собственные воспоминания. Едва не уснул. Но спать нельзя. Нужно искать. К сожалению, время сейчас работает против него. Ровно две недели назад Дарина ушла из дома и не вернулась. А ведь с каждым днем шансов найти ее становится все меньше и меньше.

Корсаков перепробовал уже все. Но взять и опустить руки он

просто не может. Ведь надежда жива, пока жив ты сам. Не больше, не меньше.

И тут он услышал сигнал служебного терминала.

— Да. Слушаю Вас, — отозвался он, активируя микрофон.

— Диспетчер, — пропел в динамиках приятный женский голос. — Господин Корсаков, с вами желает поговорить возможный свидетель преступления. Разрешите проводить его к Вам?

— Со мной? — удивился Илья. — В два часа ночи?

— Так точно. Он отказался говорить с кем-либо другим. И настаивает на срочном разговоре, — отчеканила диспетчер, и нерешительно добавила. — По поводу Дарины Эшли.

— Срочно проводить, — выдохнул следователь, оседая в кресле и боясь поверить в то, что все это не злая насмешка судьбы.

ГЛАВА 4

Вы когда-нибудь задумывались, о том, что в момент пробуждения просто знаете все, что должны о себе знать? Никто не подвергает это знание сомнению. И никогда не задумываемся о том, являет ли каждый из нас то, что думает о себе.

Мы принимаем это, как должное этот мир и свое место в нем. Просто не видим смысла поступать по-другому. Зачем сомневаться в том, что составляет оплот и стабильность нашего существования? В нашу природу заложено верить себе. И мы верим. Возможно зря…

Он не был исключением. Точнее, он не задумывался над собственным знанием о себе самом. Программа гласила:

> «Ты — андроид.
>
> Социальная модель TSA-357_683.
>
> Функциональный смысл существования — выполнение желаний владельца.
>
> Функциональные роли: спутник, слуга, компаньон, сексуальный партнер.
>
> Ты должен:
>
> 1. быть безопасным в использовании.
>
> 2. выполнять свои функции при условии, что они не представляет опасности для людей.
>
> 3. оставаться в сохранности во время эксплуатации, если только твое уничтожение не продиктовано соображениями безопасности людей или приказом владельца.
>
> Уточнение: приказы владельца не имеют приоритета перед вышеозначенными пунктами».

Все просто, ясно, логично.

Первым активизировался слух. В ушах появился непонятный гул, потом странный шум начал медленно нарастать. И через какое-то время он оформился в слова. Сначала смысл их ускользал от него. А потом андроид уловил их суть. Голоса слышались ему тихо, как будто откуда-то издалека.

— Игрушка со скидкой? Везите в третий отдел. Прямо и направо, — первый высокий и тонкий.

— О, а он проснулся, — второй мягкий и глубокий.

— Жан, не проснулся, а включился, вышел их режима ожидания. Он машина. Вечно Вам стажерам объяснять нужно, — третий низкий и хриплый.

Модель TSA-357_683 открыл глаза. Яркий свет на секунду ослепил. Но потом зрение пришло в норму, и он увидел двоих мужчин совсем молодого и довольно зрелого. Тот, что был моложе, с интересом рассматривал его.

— Интересно, его быстро купят?

— Посмотри на контейнере цену.

— Сто двадцать тысяч.

— Дешево, — без особого выражения бросил старший. — Уже сегодня.

— Сто двадцать тысяч, Мик! Это ты называешь дешево? Да я столько и за полгода не заработаю!

— Ты себя со здешними покупателями не сравнивай, Жан. Это на первых этажах «Галереи» тебе всегда найдется что-то по карману. Наверху все для богачей из Рассветного парка и Южного сквера. А для них пара сотен тысяч — ерунда, вообще не деньги. Ты, походи здесь, посмотри на цены. Аккуратно, конечно. Сделай вид, сто проверяешь, чтобы контейнеры стояли ровно. Администратор бесцельные прогулки по залу не одобряет. Так что не подставляйся, стажер, и меня не подставляй. Иди-иди. На слово ведь не поверишь. Только не удивляйся количеству нулей.

Молодой человек прошелся вдоль ряда и через пару минут вернулся.

— Мик, а это точно их цены, а не серийные номера?

— Точно, Жан, точно. Теперь понимаешь, почему этот — дешевка? И купят его уже сегодня?

— Да.

— Ты привыкай, стажер. И не смотри ни на цены, ни на самих кукол. Такие дорогие, но бесполезные игрушки обычным людям и не нужны. Это только богачам, которым деньги некуда девать. В общем, сам поймешь потом. И не пялься на посетителей!

— Ничего поделать не могу. Я таких красавиц в жизни некогда не видел.

— Эх, молодой ты. Глупый, — Мик похлопал товарища по плечу. — Ты много чего не видел. И не понимаешь стольких же вещей, если не больше. Да, они ярко и модно одеты. Да, красиво накрашены. А вот без внешнего лоска эти красотки кто? Никто. В большинстве своем дуры и высокомерные стервы. Не там ты, Жан красоту ищешь. В душе она. Понимаешь? Эх, ничего ты не понимаешь. Пошли от сюда. Отдел через пять минут открывают.

И они ушли. Наступила тишина и андроид снова закрыл глаза. Ему больше некого стало слушать. Его сознание начало гаснуть, погружаясь во тьму наполненную чем-то знакомо-незнакомым.

Разбудил его вновь щелчок открываемого контейнера и голос.

— Чудесный выбор для юной леди.

Над ним возвышались две девушки. Одна с розовыми волосами и ярким макияжем и обряженная в платье неимоверного окраса. Другая — почти бесцветная, в строгом костюме. Бейджик на ее груди гласил, что она является менеджером-консультантом.

— Это социальный андроид с модели TSA-357_683, - фальшиво улыбаясь, вещала девушка с бейджиком. — Он предназначен для того, чтобы быть спутником, компаньоном и слугой. А также сексуальным партнером, готовым воплотить в жизнь любое Ваше желание. Если у Вас таковые будут, конечно.

— Конечно, будут, — засмеялась розововолосая. — Я что похожа на фригидную идиотку, которая будет просто смотреть на его смазливую мордашку?

— Прошу прощения, — улыбка консультанта стала еще более натянутой и фальшивой. — В любом случае данный андроид является отличным решением.

Плюс ко всему в случае каких-либо неполадок, и поломок не связанных с некорректной эксплуатацией, Вам будет компенсирована стоимость покупки, либо предоставлен другой андроид аналогичной модели. Компания «Нео-инкорп», как ведущий производитель в сфере кибер-технологий, является гарантом качества приобретаемой Вами техники.

Видя, что клиентка все еще находится в раздумьях, усилила напор:

— И обратите внимание, цена на модель снижена. Это акция действует только в течение этого дня. И уже завтра цена этого андроида поднимется от каких-то ста двадцати тысяч, до двухсот. Так что стоит поторопиться. Будет очень жаль…

Драматическая пауза и тяжелый вздох.

— Чего жаль? — попалась на уловку потенциальная покупательница.

Девушка-консультант мысленно поздравила себя с удачным ходом.

— Если этот аднроид достанется какой-нибудь престарелой даме, и будет до конца срока эксплуатации читать ей сентиментальные романы и приносить чай с печеньем. Эта стильная модель предназначена для уверенных в себе, раскованных и смелых женщин. Только они способны оценить эту вещь и найти ей достойное применение. TSA-357_683 готов выполнить любое Ваше желание. Только готовы ли Вы требовать от него того, для чего в действительности он был изготовлен? В наше время так редко можно встретить ту, которая не боится признаться в своих желаниях.

Клиентка вздернула подбородок и вытащила из ультрамодной фиолетовой сумочки, расшитой бисером, пластиковую карточку.

— Я ничего не боюсь. Вы сможете оформить покупку, пока я буду обедать? Хочу непременно, забрать его с собой уже сегодня.

— Вам необходимо будет оставить свои данные и через час все будет готово.

— Отлично!

— Подойдите к стойке в конце зала и передайте этот бланк.

Покупательнице с вежливой улыбкой был вручен пластиковый лист. И она удалилась, оповещая об этом всех присутствующих, громким перестуком каблучков. А девушка в строгом костюме самодовольно хмыкнула, открывая крышку контейнера:

— Как же предсказуемы богатые девочки. Обожаю этих разряженных кукол с нулевым уровнем интеллекта. Им бесполезная игрушка, мне — премия. Модель TSA-357_683, режим активации.

Повинуясь заложенной Программой команде, он встал и огляделся. Сенсорные системы работали исправно. Он видел большой белый зал, множество стендов и два подиума. Он начал слышать голоса других людей, которые тоже находились здесь. И понимал теперь, что пластик упаковки гасил их.

В следующий час его подвергли контрольному тестированию, отдавая приказы. Модель TSA-357_683, руководствуясь программой выполнял одни и отклонял другие. Его признали пригодным и вручили Кире-Онорине Вельд.

Хозяйка приказала ему следовать за ней. Андроид подчинился. Они спустились на лифте вниз и прошли к струящемуся фонтану стоящего в середине холла «Галереи». Обошли его вокруг. Остановились.

— Этот маленький придурок исчез. Это он мне назло сделал! Он все всегда делает мне назло! Я его ненавижу! — зло прошипела девушка с, топая ножкой. — Ну, раз он ушел, а не подождал меня, как я ему приказала, пусть тогда сам домой и добирается. А мне некогда его искать. За мной!

Выйдя из торгового центра, они сели в такси и куда-то поехали. Андроид, так как других указаний не поступало, просто смотрел в окно. На другие машины, дорогу, дома, людей, на редкие деревья, свинцово-серое небо и зажигающиеся фонари. Конечно, можно было рассматривать свою новую Госпожу. Но внимание андроида самопроизвольно захватывало то, в чем есть смысл.

На простой вопрос: «В чем он видит смысл серых,

неприметных улиц, и стихийного движения людей?» — он бы не смог ответить ничего. Но у него была странная уверенность в том, что смысл у всего этого есть. А в сидящей рядом девушке, его не было. Сначала она минут пять разглядывала себя в маленькое зеркальце, поправляя платье, переливающееся всеми цветами спектра и аляпистые заколки на ярко-розовых волосах. Потом, занялась макияжем.

Дом Хозяйки оказался удивительно похожим на нее саму. Там все было таким же пестрым и вычурно-роскошным. Бросив своему андроиду короткое: «Оставайся в холле» — девушка стала подниматься по лестнице. Там ее нагнал дворецкий.

— Госпожа Кира, Вы не видели господина Ричарда?

TSA-357_683 проследил взглядом, как его Хозяйка остановилась и раздраженно выпалила:

— Я что, должна следить за этим недоразвитым существом, по какому-то недоразумению, являющимся моим братом?

— Просто его никто не видел, и я подумал, что, возможно вы в курсе, где он может быть.

— Мортимер, ты дворецкий. В твои обязанности входит открывать двери, а не думать. А Дик, как всегда, спрятался и играет. Этот отвратительный ребенок обожает создавать вокруг себя ажиотаж. Меньше потворствуйте ему в этом, и он перестанет исчезать. А если тебе нечем заняться, то лучше распорядись, чтобы в малую гостиную мне принесли чай. Это будет лучше, чем бесцельное движение по дому в поисках избалованного мальчишки. И побыстрей! Я не привыкла ждать.

— Как скажете, госпожа Кира.

И снисходительно улыбнувшись, глядя на поклон слуги, с довольным видом продолжила движение наверх. А дворецкий начал спускаться вниз, бормоча себе под нос:

— Вот стерва! Это Дик-то избалованный? Да по сравнению с этой он — чудо, а не ребенок.

Андроид, чтобы не привлекать к себе внимание и не мешать, отошел к окну. К тому же, с того места можно было рассмотреть холл целиком. Собственно, созерцанием окружающего пространства он и был занят следующие минут двадцать. TSA-357_683 собирал информацию о том месте, в котором он в данный момент находится. Ему ведь не давали приказа запрещающего это.

Внезапно его отвлек странный звук, повторившийся дважды. Дворецкий прошел мимо него, очевидно, не заметив. Остановился возле входной двери. Открыл ее. Замер на минуту, потом спросил:

— Господин Ричард?

Андроид не смог с точностью индефицировать эмоции, которые выражал слуга. Но предположил, что это удивление. Из-за двери послышался тонкий и высокий голос. Ребенок, скорее всего, мальчик, ответил:

— Ага.

— Разве Вы не дома? — снова дворецкий.

Теперь андроид слышал сильный испуг.

— А разве Вы сами не видите, что он здесь? Или глазам своим не верите? И, может, Вы, наконец, впустите нас? Ребенок устал и замерз, — вступил в разговор третий голос. Женский. Раздражение или злость.

— Я не устал и не замерз! И я не ребенок! — снова мальчик.

— А я хотела бы пообщаться с господином и госпожой Вельд, — девушка.

— Как о вас доложить? — дворецкий.

— Росс Эмма. В сопровождении Ричарда Вельда. По личному вопросу.

А потом они вошли. Это действительно оказались молодая девушка в тоненькой серой куртке и ребенок. Бросив лишь поверхностный взгляд на мальчика, андроид стал разглядывать гостью. Ведь у нее было лицо! То есть у остальных лица тоже были. Но мужские и детские он уже видел в торговом центре. А вот женские — нет. В том смысле, что сами лица за слоем косметики ему разглядеть и не удавалось. TSA-357_683 смотрел, как она говорит, двигается, как ее эмоции сменяют друг друга. И он неожиданно поймал себя на мысли, что в ней есть смысл. Поэтому продолжил наблюдение.

Самого андроида никто не замечал. Может это происходило от того, что люди были заняты друг другом, а он стоял поодаль. А может от того, что вещи в принципе не так уж и заметны. И это позволяло наблюдать за Ней. Суета и шум отвлекли внимание андроида от девушки, но ненадолго. В холле снова появилась Хозяйка. Но она не отдавала никаких указаний, не обращала на него внимания. Другая женщина, которая пришла немного раньше, лица тоже не имела. Одеты они обе были почти одинаково и большей частью говорили что-то совершенно бессмысленное. Поэтому социоборг вернулся к первоначальному объекту созерцания. И даже, было двинулся за ней, когда та начала подниматься на второй этаж. Но это действие вступило в противоречие с приказом Хозяйки, оставаться в холле. А нарушение прямых приказов неоговоренных в инструкции, неприемлемо. Поэтому он остановился возле лестницы. Так он сможет рассмотреть ее лучше, когда она будет спускаться вниз.

ГЛАВА 5

На вечерний город, лениво, почти не заметно ложился туман. Окраины давно уже были им поглощены. А центру, светящемуся миллионами огней, только он только начинал подбираться. Яркая вывеска гласившая: «Добро пожаловать в торговый центр „Галерея“» казалось, бросала вызов сумеречной дымке. И проигрывала. Неоновые буквы становились похожи на светящиеся фиолетовые кляксы.

Ледяной ветер завывая, исполнял готичный, и несколько жутковатый ноктюрн. В свою странную мелодию он вкладывал скрип металлических ставень, шуршание пластика навесных реклам, гул человеческих голосов, и что-то еще неподдающееся узнаванию. Это было так завораживающе, так печально, и так красиво. Но музыку природы никто из людей, казалось, и не слышал. Погрязшие в суете и своих мелких трагедиях, горожане не желали остановиться даже на минутку, чтобы просто прислушаться к вечернему ноктюрну осеннего ветра.

По залу огромного торгового центра неторопливо шла девушка. На вид ей можно было бы дать лет двадцать, если не меньше.

Круги под глазами, почти болезненная бледность и худоба делали ее похожей на хрупкого подростка. А висящая мешком одежда только довершала этот образ. Ее, когда-то длинные платиновые волосы, которые она любила укладывать в сложные прически, сейчас были коротко острижены и едва касались плеч. В целом, ее облик можно было назвать серым и незапоминающимся, в особенности на фоне молодежи разряженной во все цвета радуги одновременно.

Ее лицо никто и не подумал бы назвать красивым, скорее милым и необыкновенно одухотворенным. Но это если только не присматриваться, а бросить скользящий взгляд. Люди, привыкшие обращать внимание на все яркое и необычное, часто не видят совершенства простых линий. Они не замечают тех, кто не стремится выделиться. А Эмма этого вовсе к этому не стремилась. Ей не нужны были проблемы в виде уймы поклонников. Для молодой одинокой девушки, живущей не в самом благонадежном районе, выставлять напоказ свою привлекательность — крайне глупо. Более того, даже опасно. Так что образ неприметного подростка был в какой-то степени искусственным. Единственное, что врезалось в душу окружающим, когда те смотрели на нее — это не по-детски серьезный взгляд темно-зеленых глаз. И с этим девушка ничего не могла поделать. Да и особо не старалась.

Должно же быть в ее внешности, хоть что-то настоящее. А то каждый раз, ловить в зеркале собственное отражение и пугаться — это кого хочешь, до неврастении доведет.

Но сейчас ее глаза казались потухшими. Эмма не любила осень. Точнее, она не любила выходить осенью и зимой на улицу. Холодно. Грязно. Темнеет рано. Кому это вообще, может нравиться? Уж явно не тем, кто ездит на общественном транспорте и ходит пешком.

Выйдя из здания на улицу, девушка поежилась, кутаясь легкую, явно не по сезону, курточку, которая не спасала от пронизывающего ночного ветра. И предвкушая, что через каких-нибудь тридцать-сорок минут она будет дома, Эмма ускорила шаг. Ей пришлось сегодня работать почти двенадцать часов без перерыва на обед. Но за это неплохо платили, и, даже предложили прийти завтра. О постоянной работе речи, конечно, не шло. Да, и кто возьмет ее в такое место? Не та внешность, не то образование. Хотя, сезон распродаж продлится еще семь дней. И детская комната будет переполнена. А это значит, что пусть временная, но, все же, высокооплачиваемая работа у нее будет. Это было очень кстати. Потому как детский сад, в котором она работала, в связи с ремонтом закрыли на две недели. И отправили всех сотрудников в отпуск без содержания. Ну, что ж… такова доля всех государственных служащих. Минимальная зарплата и никаких социальных гарантий.

Так, предаваясь мечтам о том, на что же можно будет потратить не заработанные еще деньги, Эмма вышла на стоянку. И вовсе не для того, чтобы сесть в собственный автомобиль, а просто, чтобы сократить путь до метро. Но на полупустой площадке столкнулась с мальчиком лет семи-восьми с русыми волосами и удивительно яркими фиалковыми глазами. Он с некоторым недоумением смотрел вслед уезжающему такси. На самого хорошенького мальчика в дорогой одежде уже с каким-то плотоядным интересом поглядывали подозрительные типы.

Проще всего было пройти мимо, не замечая или сделать вид, что не заметила. Так поступали все прохожие. Это ведь чужой ребенок. Так пусть о нем позаботиться кто-нибудь другой, неважно кто. Для этого есть полиция, социальные службы и те, кому нечем заняться. А мы торопимся. У нас столько дел. И если бы не это, мы бы с удовольствием проявили заботу о бедном малыше, но нам не до этого. Мы ведь спешим.

А потом, словно бы из ниоткуда, появляются дети с поломанной психикой и затравленным взглядом. И причин этого не находилось.

Ребенок подвергся насилию? Нет, такого и быть не может.

Если бы это было так, полиция бы объявила об этом и нашла виновных. Изнасилование? Педофилия? Ну, что Вы? Эта девиация осталась в далеком прошлом. Уже больше ста лет ни одному человеку не инкриминировали данное преступление. Череда детских смертей? Не стоит преувеличивать. Это все были несчастные случаи.

А Эмма видела таких детей очень часто и в сказки, про то, что детям на улицах нечего не угрожает, не верила. Может быть, где-нибудь в элитных районах они и находятся в безопасности. Но здесь недалеко от станции метро. Толчея. Суматоха. И до одинокого ребенка никому нет дела. Пройти мимо? А потом гадать: не этот ли малыш погиб в результате очередного «несчастного случая», в котором опять окажется, никто не виноват? Тяжело вздохнув, девушка попрощалась с пирожными, которые собиралась купить в маленькой кондитерской недалеко от своего дома. В полной мере сознала, что домой попадет минимум через пару часов. И смирившись с тем, что поесть в ближайшее время не получиться, подошла к мальчику.

— Привет, чудо. Ты чей? — обратилась к нему Эмма, присаживаясь на корточки.

— Папин и мамин, — с серьезным видом ответил малыш.

— И где твой папа и мама?

— Дома.

— А с кем ты сюда пришел?

— Сам. Я же уже большой. Я с Кирой гулял. Но она в «Галерею» пошла, а мне сказала за ней не ходить и где-нибудь погулять. Я и гулял. Вот. А потом пришел сюда. Мы же на такси приехали. А Кира уехала без меня. Но она же вернется?

Эмма чего-то подобного и ожидала. Малыш потерялся, но не успел еще в полной мере это осознать. Ласково, чтобы не испугать и не насторожить, она продолжила расспросы:

— Меня зовут Эмма. А тебя?

— Ричард Доминик Вельд. Но можно, просто, Дик.

— А где ты живешь, Дик?

— Дома.

— Да, конечно, а знаешь адрес?

— Рассветный парк, улица Ива Корнера, дом 310/45. А что?

— Ничего. Мне просто интересно, где живет такой милый молодой человек. А мне как раз нужно посетить Рассветный парк. Давай мы пойдем к тебе домой? Я тебя провожу? Ты ведь, наверное, замерз, устал и хочешь есть?

— Неа. Не хочу. У меня шоколадка есть. Хочешь, я с тобой поделюсь? Она вкусная.

— Дик, если мы пойдем к тебе домой, то по дороге будет

очень много интересных вещей. А здесь ведь на самом деле очень скучно. Мы сейчас сядем в такси и поедем в Рассветный парк. Но поедем не просто по трассе, а через «Звездный мост»… я, когда была в твоем возрасте, очень любила гулять по нему. Там так красиво столько всего интересного! Ты там был? Как, не был? Не может быть. Любой взрослый человек должен хоть раз побывать там! Или ты еще маленький? Ну, если маленький, то, конечно…

А «Звездный мост» был, действительно, довольно красивым местом с сотнями светящихся витрин и небольшими деревцами в декоративных кадках. К тому, же это было очень светлая аллея, являющаяся самой короткой дорогой к Рассветному парку.

Дик немного подумал, и согласился. Эмма самодовольно ухмыльнулась. В общении детьми девушка предпочитала принцип: «Не можешь подавить восстание — возглавь его». Гораздо проще было перенаправить энергию ребенка в необходимое русло, предложив конфетку, нежели заставлять, используя грубую силу. Главное, эту правильно предложить. И все! Никакого мошенничества — только знание законов маркетинга и возрастной психологии.

И чтобы малыш конфетку брать не передумал, придется активно убеждать его, в том, что она действительно вкусная.

— Хочешь, я расскажу тебе про «Звездный мост», Рассветный парк и… про наш округ?

— Да!!! — с восторгом откликнулся на предложение Дик.

А Эмма тяжело вздохнула. С детьми так мало разговаривают. Им так мало рассказывают, что за крупицы внимания, они готовы пойти с кем угодно и куда угодно. И это ужасно.

— Ну, что ж, Дик, слушай. Когда-то мир был безопасным. И не было куполов. Да, человечество не смогло бы выжить без защитных сооружений. И не такая уж высокая цена нашей безопасности — не видеть настоящего неба. Ведь настоящего мы (те, кто родились после) никогда и не видели. К тому же, говорят, силовой щит не так уж искажает цвета. Приходится верить на слово. Проверить все равно довольно проблематично. Около ста лет назад на нашу планету обрушилось несчастье. Тебе, кстати, не скучно?

Мальчик удивленно вскинул брови и покачал головой. Ему было интересно. Очень. Он и понятия не имел о том, что простой рассказ может быть настолько увлекательным. Это было даже лучше мультиков, которые он так любил. Девушка удовлетворенно улыбнулась. Ей удалось заинтересовать этого малыша. А значит, продолжаем в том же духе:

— На Землю упал метеорит. И все бы ничего, но в нем было что-то… ученые до сих пор не могут понять, что именно.

Радиация? Вполне возможно. Выдвигалась даже гипотеза о том, что все происходящее — вышедшее из-под контроля биологическое оружие. Знаешь, что такое биологическое оружие? Нет? Ну… это очень плохая вещь. В общем, Дик, природа сошла с ума. Растения мутировали, животные тоже. И чтобы спастись люди, основали пять полисов-округов: Северный, Южный, Западный, Северо-Восточный и Юго-Восточный. Они скрывают наш полис от внешнего мира энергетическим щитом, не позволяя ядовитым растениям и диким животным попасть внутрь. Мы живем в Северо-Восточном округе. Но ты ведь это и так знаешь?

Ребенок неуверенно кивнул, всем своим видом показывая, что почти ничего из вышесказанного он до этого момента не знал. И удивился: почему не знал? Ведь должен же был. Такие вещи все должны знать. Даже дети. А он (Дик) уже большой.

— Рассветный парк расположен в восточной части нашего полиса. А знаешь, как определить где находится восток, а где запад? Нужно посмотреть на солнышко утром и вечером. Там, где оно встает утром — восток, а там, садится вечером — запад. Запомнил? А улица, на которой ты живешь, названа в честь одного человека. Он был героем. Смог сплотить вокруг себя людей, отыскал ученых и запустил первый купол. Позже стал он губернатором Юго-Восточного округа. Его звали Ив Корнер. И он был отчаянным храбрецом.

— Почему?

— А ты думаешь, что герои могут быть трусливыми?

— Нет, — засмеялся мальчик. — А он был один? Он единственный герой?

— Нет, конечно. У него были друзья, союзники и подчиненные. В одиночку против всего света не устоишь. Но он вел их за собой очень многих. И каждый из них был героем. Кстати, по материнской линии я являюсь прямым потомком Ива Корнера.

— Правда? — пришел в восторг от этой новости мальчик. — Честно-честно?

— Да.

— А другие есть? В смысле потомки? Может я тоже его потомок? А если нет, то чей?

— Не знаю, малыш. Но, думаю, если ты расспросишь родителей, то узнаешь об этом.

Девушка грустно вздохнула. Она действительно являлась потомком этого удивительного человека. Единственным из ныне живущих. Сам же род прервался спустя восемь поколений на ее дедушке. А мать Эммы Изабелла стала последней урожденной Корнер.

— Хотя, вполне возможно, что ты потомок Рихарда Вельда — первого помощника Ива Корнера, — чтобы сменить тему начала она. — В своих дневниках пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-дедушка писал о нем, как лучшем снабженце, что ему доводилось встречать. Он отзывался обо всех своих людях с теплотой. Но Вельда, считал не просто подчиненным — другом.

— Так может меня назвали в его честь? Ведь имена «Рихард» и «Ричард» похожи.

— Возможно, — улыбнулась Эмма.

— А он был храбрым, как Ив Корнер? — Дик сиял восторгом.

— Конечно! А еще он был честным и благородным человеком. Так что носить его имя нужно с гордостью, стараясь быть достойным его.

Мальчик резко приосанился. Ах, как же мало нужно ребенку, чтобы почувствовать себя особенным. И постараться стать лучше. Детям нужны кумиры, герои на которых можно ровняться. Так почему бы не подарить этому малышу легенду о славном предке? И плевать, что настоящий Ричард Вельд был пьяницей, бабником и дебоширом. А Ив Корнер в своем дневнике называл его исключительно «старым маразматиком» и «редкостнейшей сволочью». Все равно о нем никто уже и не помнит. Поэтому Эмма с чистой совестью сделала из этого не слишком хорошего, но давно почившего с миром Ричарда Вельда, человека достойного, пример для подражания. Ей не жалко.

— А вот и «Звездный мост»! Его назвали «Звездным» потому что там нет обычных больших фонарей. А аллея освещена миллиардами маленьких фонариков. Вон! Видишь! Они вплетены в кроны деревьев, вмонтированы в стены зданий. Когда я была в твоем возрасте, мы с мамой часто гуляли по нему вечерами и…

На самом деле в детстве Эмма никогда не гуляла по этой аллее. Она родилась и выросла в Юго-Восточном округе. И ее мама никогда не гуляла с ней по вечерам. Но это в данном случае не имело никакого значения. Кому плохо от этой ее маленькой лжи?

К дому 310/45 по улице Ива Корнера они подошли минут за сорок. За это время девушка успела рассказать все, что знала об истории основания полисов, их географии экономике и социальной политике. Дик слушал эти рассказы, открыв рот, лишь изредка выдавая восторженные восклицания.

«Скромная» обитель семейства Вельдов поражала воображение своей помпезностью и полным отсутствием у владельцев художественного вкуса. Нет, снаружи все выглядело вполне пристойно — никаких излишеств во внешней отделке, но стоило переступить порог, как от обилия цветов и расцветок

начинало слепить глаза. Красная ковровая дорожка, портьеры цвета индиго, лепнина покрытая позолотой и инкрустированная стразами.

Открывший им дверь дворецкий, вежливая улыбка которого самопроизвольно трансформировалась в отвисшую челюсть, чуть не упал в обморок, при виде Дика.

— Господин Ричард? — спросил он упавшим голосом?

— Ага, — улыбнулся мальчик.

— Разве Вы не дома? — последовал не слишком логичный вопрос.

— А разве Вы сами не видите, что он здесь? — начала раздражаться Эмма. — Или глазам своим не верите? И, может, Вы, наконец, впустите нас? Ребенок устал и замерз.

— Я не устал и не замерз! И я не ребенок! — из чувства противоречия выпалил Дик.

— А я хотела бы пообщаться с господином и госпожой Вельд, — игнорируя данное высказывание, подложила девушка ледяным тоном.

— Как о вас доложить?

— Росс Эмма. В сопровождении Ричарда Вельда. По личному вопросу.

За прошедшие пять минут с момента появления Эммы в доме 310/45, она уже сотню раз успела пожалеть, что решила отвести Дика именно сюда, а не в ближайшее отделение полиции. Но малыш так доверчиво смотрел на нее, что бросить его одного среди совершенно незнакомых ему людей, было просто невозможно. Ведь, пока бы в полиции установили, что данный ребенок действительно является Ричардом Вельдом, а не кем-нибудь другим. Пока бы они связались с его родителями. Пока те бы приехали, и только заполнив уйму бумаг, смогли забрать сына. Гораздо лучше для Дика считать все это веселым приключением. Для ребенка шести лет будет тяжелым ударом: понять, что ты остался один на один с чужим, враждебным тебе миром, почувствовать себя брошенным и никому не нужным.

Эмма просто пожалела его, захотела оградить от всего этого. И вот теперь приходилось расплачиваться за эту мягкосердечность. Правильно говорят, что ни одно доброе дело не окажется безнаказанным. Мать Дика смотрела на девушку так, будто та пришла в их дом за милостыней, а госпожа Вельд не знает, как бы поделикатнее отказать. Ведь стоит один раз проявить слабость, и их дом начнут осаждать всякие подозрительные личности в надежде чем-нибудь поживиться. Это была смесь брезгливо-презрительного сочувствия и нежелания даже лишней минуты находится в столь неподобающем обществе.

Сестричка, та самая, что забыла ребенка в торговом центре, кривила лицо и обмахивалась надушенным платочком, как если бы от Эммы дурно пахло. А еще «золотая» девочка картинно закатывала глаза, разглядывая одежду гостьи. Эмма подавила волну раздражения. Да, на ней не брендовые вещи, а очень скромная одежда, но это же не повод так демонстративно показывать свое отвращение. Отец семейства или был настроен более лояльно, или просто лучше контролировал свои эмоции. На лице господина Вельда невозможно было прочесть ничего.

Настроение Эммы портилось все стремительнее. И когда Мать Дика сквозь зубы предложила проследовать в гостиную, и выпить чаю, в душе молясь, чтобы эта ужасная особа вспомнила, наконец, свое место и отказалась. И девушке вдруг ужасно захотелось сделать ей гадость. Выпить чаю, например, посидеть на дорогом диване и поговорить о погоде. Интересно было бы посмотреть, как почтенная дама покрывается пятнами, подсчитывая, во сколько ей обойдется выброшенный сервиз, диван и ковровая дорожка, которых посмела коснуться «мерзкая плебейка».

Госпожа Вельд, перед тем, как все чинно проследовали за ней в малую гостиную, вызвала горничную и потребовала, чтобы та вымыла и продезинфицировала Дика. Эта любящая и заботливая мать именно так и выразилась: «Вымыть, продезинфицировать, а потом привести, чтобы я могла обнять моего дорогого сына». Желание Эммы сделать ей гадость стало практически нестерпимым, и девушка решила ему поддаться. Она подхватила малыша на руки, крепко прижала к себе и поцеловала в пухленькую щечку. Дик заразительно засмеялся. Все равно его дезинфицировать будут. А потом шутливо потребовала, чтобы он рос хорошим мальчиком, и больше нигде никогда не терялся.

Мамочка Дика, после этого поменявшись в лице, умирающим голосом потребовала, чтобы сначала ей принесли сердечные капли, а уже потом вымыли ее ребенка.

За чаем, глава семейства пространно выразил признательность Эмме за помощь его сыну. Потом он перевел глаза на дочь, и ласково поинтересовался у нее: как Дик, мог остаться совершенно один в торговом центре? На что, это чудное создание, наивно хлопая накрашенными глазками, ответило:

— Ну, папочка, там объявили специальную акцию! Андроида модно было купить почти за бесценок. У всех моих подруг есть такие. А этот одновременно является и слугой и телохранителем. В общем, я так закрутилась, что совершенно потеряла Дика из виду. А он, ведь, совершенно невозможный ребенок. И часу не способен оставаться на одном месте. А в зал социоборгов с

детьми нельзя. Вдруг он бы что-нибудь сломал.

— И поэтому ты оставила его одного в главном зале, где с ним могло случиться все, что угодно?

— Ой, да что с ним могло случиться? Привела же его эта милая девушка. И, вообще, почему я должна была с ним гулять? У него что, няни нет?

Мужчина даже побагровел от злости.

— Напоминаю, дочь, что у няни твоего младшего брата сегодня выходной. Один единственный раз я попросил тебя о маленькой услуге. И ты обещала мне погулять с Диком. Это было так сложно, погулять с ним пару часов? Как будто тебя просят этого каждый день! Кира, ты понимаешь, о чем я? Привести его домой должна была именно ты! Ты, а не случайная прохожая.

Эмме было очень неприятно находиться при этих семейных разборках, но уйти прямо сейчас, прервав главу семейства, справедливо отчитывающего дочь, было невежливо. К тому же, малыш действительно мог пострадать. Только СМИ вещали о нулевом уровне преступности и абсолютной безопасности улиц мегаполисов. Жизненные реалии говорили совсем об ином раскладе вещей. И одинокого ребенка на улице могло ждать, чего угодно. Но понимание этого факта на холеном личике «золотой» девочки не отражалось совершенно. Раскаянье и чувство вины она не посчитала нужным даже изобразить. Зато возмущение оскорбленной в лучших чувствах невинности было почти осязаемым.

— Я не понимаю твоего раздражения, папочка. Тебе что, жалко мелочи на чаевые этой милой услужливой девушке? Так, не беспокойся, у меня осталась немного с обеда в торговом центре.

Кира скользнула насмешливым взглядом по фигурке Эммы, и с фальшивой улыбкой поинтересовалась, будет ли ей достаточно десяти кредитов да доставку Дика домой.

— Не нуждаюсь, — коротко и зло бросила Эмма, подскакивая с мягкого кресла.

«Золотая» девочка обидно расхохоталась и издевательски протянула:

— Ну, конечно. Это заметно.

Эмма сделала глубокий вдох, и металлическим голосом произнесла:

— Благодарю за гостеприимство, но мне необходимо идти, — Вбитые с детства правила вежливости не желали сдавать свои позиции даже под натиском такого откровенного хамства. Все-таки воспитание — великая вещь.

Повисла неловкая пауза. Господин Вельд, казалось, не мог

сообразить, что ему следует сделать в первую очередь: осадить Киру, или извиниться перед гостьей? Его супруга не одобряла вульгарных высказываний дочери. Но тот факт, что благодаря этому, их дом будет избавлен от общества неблагонадежной особы, заставлял закрывать на все глаза. Кира торжествовала, сияя от самодовольства. Эмму затрясло от бессильной ярости и обиды. Проявляя человечность и сострадание, она менее всего могла подумать, что ее сочтут услужливой нищенкой. Да, у нее была маленькая зарплата. Да, на дорогие вещи ее не хватает. Но в принципе, жила девушка не так уж и плохо. По крайней мере, она не настолько нуждалась в деньгах, чтобы рассыпаясь в благодарностях брать милостыню.

Медленно, с достоинством девушка развернулась, и высоко держа голову, направилась к выходу, не обращая внимания на хозяев.

Отец семейства нагнал ее на лестнице и прямо, без обиняков спросил, сколько с него за оказанную услугу. Девушка глухо застонала. Она, вообще, была из той породы романтиков, которые до самого конца верят в человеческое благородство, и надеялась, что ей все-таки не станут предлагать ей деньги на полном серьезе. Кира — избалованная дура, и она не в счет.

— Вы серьезно? — грустно вздохнула Эмма, оборачиваясь к отцу Дика.

Господин Вельд подтвердил, что, да, он абсолютно серьезен. Ведь понимает, что могло приключиться с его сыном, не окажись поблизости человека, готового помочь ему.

— Платят за доставку товара. Да, Ваша дочь забыла о том, что Дик — не вещь, а ребенок, но Вы-то должны это помнить. Я его не доставляла. Я его привела. Домой. Просто потому, что не смогла пройти мимо беззащитного ребенка в одиночестве бродившего по нашим, не самым безопасным улицам. В мои цели входило защитить его, а не заработать. То, что я не наряжена в дорогие тряпки, вовсе не означает, что нуждаюсь в Ваших подачках. Иными словами, мне от Вас ничего не надо. Хотите меня отблагодарить — не позволяйте больше этой эгоцентричной идиотке гулять с Диком. В следующий раз на его пути может не оказаться «милой, услужливой девушки». И оставьте меня в покое. Выход я найду сама.

Почти выкрикнув последнюю фразу, девушка опрометью бросилась вперед. Сделала она это слишком быстро, чтобы сохранить равновесие. Она оступилась. Вместо изящного перила, руки ее поймали пустоту. Девушка, испуганно вскрикнула и зажмурилась. Но удара не последовало. Эмму подхватили чьи-то сильные руки. А их обладатель тихим вибрирующим шепотом,

щекоча дыханием основание ее шеи, поинтересовался:

— Вы в порядке? — Замолк на секунду, а потом продолжил, добавив в голос вежливой укоризны. — Необходимо быть аккуратнее на лестницах. Вы могли пострадать.

Околдованная этим низким тембром, девушка повернулась лицом к своему спасителю и на секунду утонула в его черных глазах. И этого было достаточно, чтобы перевернуть весь ее мир.

ГЛАВА 6

Есть мгновения, которые длятся дольше, чем вечность, которые меняют нашу жизнь и нас самих. И приход любви — это всегда взрыв твоего микрокосмоса.

Кто-то говорит, что ее не существует в природе, иные утверждают, что вот она — только руку протяни. Но ей безразлично, что мы говорим или думаем. Она решает сама, не спрашивая нас. Любовь может долго стучаться в твое сердце, терпеливо ожидая, когда ты впустишь его, а может ворваться, выбивая все замки и запреты. Прятаться и бороться с этим бесполезно. Это чувство всегда оказывается сильнее нас, как бы мы ему не сопротивлялись.

Эмма считала любовь, как таковую, чем-то, что жизнь ее, и без того нелегкую, только усложнит. Поэтому девушка этого чувства всячески избегала. И это было не так уж сложно. Достаточно симпатичную, но холодную Эмму Росс мужчины в большинстве своем избегали. Оставшееся меньшинство — не привлекало саму девушку. Так что она, не прилагая к этому ровным счетом никаких усилий, дожила до своих двадцати трех лет, так и не переболев вирусом первой любви (смесью юношеского максимализма, наивного романтизма и любопытства пополам с глупостью). Если честно, она уже начала сомневаться, в своей способности влюбляться и любить. Эмма убедила себя, что в этом чувстве нет ничего особенного и интересного, что от любви глупеют и ведут себя неразумно, и что она, конечно же, влюбится. Но, только, для того, чтобы понять природу этого процесса. И будет это когда-нибудь потом. Сейчас у нее и без того уйма проблем.

Поэтому для нее и было таким шоком осознать, что любовь может незваной гостьей нагрянуть в сердце, не спрашивая разрешения у его хозяйки. Это было похоже на удар в солнечное сплетение, выбивающий кислород из легких, как разряд тока по оголенным нервам. И бороться с нахлынувшим чувством можно было с тем же успехом, что человеку попытаться остановить прорвавшую плотину, просто став на пути водного потока. Однажды потерявшись во вселенной чужого взора, мы либо остаемся там навсегда, либо возвращаемся, но уже с совершенно другим сердцем.

Такой поворот событий в целиком и полностью распланированной жизни не вызвал у девушки бурю восторгов. Особенно же болезненно сжалось ее сердце, когда она поняла две вещи. Первое: она хочет его. Причем хочет всего целиком. Тело,

душу сердце. Просыпаться и засыпать рядом с ним, разговаривать, шутить, смеяться, и многое, многое другое. Можно было сказать, что она поддалась той девичьей глупости, на которую способна не каждая дурочка. В общем, она возжелала выйти замуж за первого встречного, точнее за впервые встреченного ей парня. Второе: он оказался не человеком. Расфокусированный взгляд, штрих-код, приклеенный у основания шеи, серый комбинезон с надписью: «Продукция Нео-инкорп». А на запястье выбит серийный номер.

Эмму внезапно затопила волна гнева и зависти. Ну, почему Он не мог оказаться обычным парнем? Или необычным? Или хотя бы просто парнем, а не секс-игрушкой этой идиотки?

И, почему все достается таким вот безголовым курицам, неспособным ни на что кроме заботы о своих удовольствиях. Эмму раздражало, что девица, не работавшая ни дня своей жизни, с презрительным сочувствием рассматривает ее одежду. Но мысль о том, что «золотая» девочка, стоит только Эмме выйти за порог, потащит свою новую игрушку в спальню и будет там с ней развлекаться, просто сводила с ума.

Девушка слегка отстранилась от своего спасителя, выскальзывая из кольца его рук, и тряхнула головой. Ну не могла же она влюбиться в машину. Да, этот андроид вполне привлекателен, и даже, можно сказать, красив, и отличает от человека только крошечная татуировка на левом запястье — серийный номер модели. Но он ведь не человек, а вещь, которая Эмме не по карману. Так что лучше не поддаваться эмоциям. Не хватало еще страдать по поводу безнадежной любви к машине. Вот если бы к человеку, то это было бы не слишком приятно, но хотя бы нормально. Вот только андроид не человек и любые эмоции к нему можно рассматривать, только как патологию. Прикинув в уме, сколько денег ей понадобится на лечение у психотерапевта, она пришла ужас, решила выбросить всякие глупости о каких-либо чувствах из головы, и забыть о том, что, вообще, имела несчастье увидеть эту игрушку «золотой» девочки.

— А… причина конфликта интересов моей дочери. Ну, симпатичный, согласен, но не до такой, же степени, чтобы настолько терять голову, — хмыкнул господин Вельд. — Я разочарован.

С лестницы послышался истеричный вопль разъяренной фурии.

— Убери свои грязные руки от моих вещей! И я еще хотела тебе заплатить! Да, это ты теперь станешь платить мне всю оставшуюся жизнь за нано-чистку моего андроида. Не хочу, чтобы на его коже остался даже один-единственный твой атом, дрянь!

Эмма опешила настолько, что даже с места сдвинуться не смогла, так и, продолжая стоять в шаге от новомодной игрушки. Чем разозлила его хозяйку еще сильней. И та в свою очередь с удвоенной скоростью понеслась по лестнице вниз. Происходящее до безобразия стало напоминать сцену из дешевой мыльной оперы, где недостаток бюджета компенсируют кошмарной в своей неправдоподобности мелодраматичностью. Хотелось плавить и смеяться одновременно. Но когда расстояние между Эммой и Кирой сократилось до пары метров, инстинкт самосохранения все-таки сработал, и девушка скользнула за спину андроиду, выставив его перед собой на манер щита. Мало ли что этой припадочной в голову взбредет? Кинется еще.

Положение спас глава семейства, схватив дочь за локоть и притянув к себе. Та попыталась вырваться, но хватка у господина Вельда была железной. А вот выражение лица ничего хорошего этой истеричке не предвещало, при этом оставаясь сдержанно-спокойным. Такое самообладание, даже против воли внушало уважение. В общем, Эмма осталась под впечатлением, даже слегка огорчилась, что сама так не умеет.

— Кира, — елейным голосом обратился Господин Вельд к дочери, — Я тут подумал об одной вещи. Разве ребенок, который в погоне за собственным удовольствиями забывает о своем долге перед семьей и недостойно себя ведет, должен иметь дорогие игрушки? Такие дети ведь должны быть наказаны. Милая, ты со мной согласна?

— Конечно, папочка. Я всегда говорила, что Дик совершенно ужасный и его следует наказать.

— Но провинился сегодня не Дик, а ты. Так что можешь считать, что этого андроида у тебя никогда и не было. А другой появится, только, когда ты правильно расставишь приоритеты между вещами и людьми, когда обязанности для тебя будут важнее желаний, и когда ты научишься вести себя, как подобает.

— Я не ребенок, и ты не можешь у меня его забрать, — Дерзко отчеканила девушка в полной уверенности, что так оно и есть. — Он куплен на мои деньги.

Ее отец недобро усмехнулся:

— Ошибаешься. Ты несовершеннолетняя, не работаешь, и соответственно, деньги, которые тратишь, твоими быть не могут. Так что будь хорошей девочкой и уйди в свою комнату. С тобой я поговорю позднее. Теперь к вам, милая барышня. Вы оказали нам неоценимую услугу, а моя дочь так безобразно себя повела. И раз вы отказываетесь от денег, то, возможно, примите подарок? А Кире это станет хорошим уроком. По крайней мере, я на это надеюсь. Вам ведь понравился этот андроид. Вот и забирайте его

себе. Не отказывайте мне в этой мелочи. Позвольте порадовать вас и хоть как-то загладить вину моей дочери перед вами. И я считаю, что ей противопоказаны дорогие игрушки. А мне доставит удовольствие знать, что ваше благородство было вознаграждено.

Ошарашено кивнув, Эмма снова посмотрела на андроида, который теперь принадлежал ей. Она понимала, что нужно отказаться, пока еще не поздно. И понимала, что уже поздно.

Перед глазами возник список Международной классификации болезней: Класс «F63.9 — Стойкое изменение личности, неуточнённое». Жаль только, что не уточненное. Хотя интересно, как бы светила медицины это явление уточняли? Но с таким диагнозом можно жить. У большей части планеты — это хроническое. И ничего. Даже лечиться не пытаются. Зовут это любовью, и даже не жалуются. Но ведь кроме достаточно невинного заболевания, Эмма предположила у себя наличие, еще как минимум двух.

«F65.0 — Фетишизм». Хотя, если вещь внешне неотличима от живого человека, то фетишем ее назвать сложно. Значит F65.0 стоит под вопросом. И этот факт не может не радовать.

Но есть еще: «F65.9 Расстройство сексуального предпочтения неуточнённое». Так что в любом случае набирается полный комплект.

Невесело усмехнувшись, девушка сдержанно попрощалась с семейством Вельдов. Госпожа Вельд поджав и без того тонкие губы неодобрительно глядела то на мужа, то на наглую плебейку. Кира билась в истерике, то угрожая всем и вся страшными карами, просто рыдая от бессильной злости. Маленький Дик, ускользнувший от няньки, стоял у основания лестницы и махал на прощание рукой. А глава семейства смотрел на удивительно гармоничную пару. На красивую светловолосую девушку с упрямым подбородком и открытым взглядом. И на не менее красивого черноволосого мужчину, который во всем был под стать ей. И что-то подсказывало Майклу Вельду, что перед ним именно молодой мужчина, а не андроид, ну, или уж совсем не обычный андроид. И это его сильно настораживало. Ведь него была отличная интуиция, которой он привык доверять. И сейчас она говорила ему, что он поступил единственно верно. Этим двоим лучше быть вместе, а ему и его семье, подальше от них обоих. И все равно, красивая из них получилась пара. Черное и белое.

Слишком уж много огня в глазах этой парочки. У девушки — понятно. Ее он узнал. Копия матери. Подумал: может характер отцовский? Но быстро осознал свою ошибку. От Станислава Эмма

не взяла ничего. С виду тихая забитая скромница. Поначалу господин Вельд подумал, что отец все же сумел сломить ее. Ведь смерть первой жены сломала его самого. И Стас превратился в холодного деспота. Порвал со всем, что связывало его с Изабеллой, и замкнулся в собственном горе. Но девочка, все же выросла, настоящим потомком Корнеров бунтаркой с чистым сердцем и железной волей. Члены этой семьи могли довольно долго не проявлять революционных наклонностей. Но рано или поздно горячее сердце и мятежный дух брали свое. Когда-то даже ходила поговорка про них: «Встать на пути кого-то из Корнеров может либо сумасшедший, либо тот, кто уверен в своей правоте. На действия первого они не обратят ни малейшего внимания. А с последними — станут плечом к плечу».

Майкл перевел взгляд на молодого человека рядом с ней. Тихо выругался. Напомнил себе, что это андроид. Посмотрел еще раз, более внимательно. И снова увидел парня лет двадцати шести. И ведь действительно он под стать девочке. Типичный красавчик с обложки глянцевого журнала. Но он — не пустоголовая кукла. Слишком уж цепкий взгляд у его умных глаз. Слишком гордая осанка. Плюс ко всему, андроид до боли напоминал кого-то. Но господин Вельд, как не старался, не мог вспомнить кого именно.

ГЛАВА 7

Каждый день, возвращаясь, домой, Эмма заходила в крошечную гостиную, садилась на старый продавленный диван и протягивала руку к журнальному столику. В ее ладонь, словно бы сам ложилась пластиковая фоторамка. С ее поверхности на девушку, улыбаясь, смотрел двойник. Вечно юная Изабелла Росс нежно улыбалась своей взрослой дочери.

— Здравствуй, мама, — тихо, почти шепотом произносила девушка.

Ответом ей всегда была тишина. А так хотелось бы услышать произнесенные ее мамой слова: «Здравствуй, милая». Но Изабелла только молча улыбалась.

Этот ежевечерний ритуал Эмма свято соблюдала, что бы ни случилось, каждый день. Началось это давным-давно, когда она, будучи еще совсем крохой, поняла, что иного способа побыть с матерью, у нее попросту нет. И ей до сих пор казалось, что стоит хоть один раз не сделать этого, как, и без того тоненькая нить, связывающая их прервется. Хотя, была ли эта связь?

Она не смогла бы ответить с уверенностью. У нее вообще не было ни в чем уверенности. Как можно скучать по человеку, которого ты никогда не видел, не слышал голоса и не ощущал тепла рук? Эмма скорее тосковала по тому теплу, что недополучила в детстве. А еще по чему-то, чего она сама до конца не понимала.

Женщина на фотографии умерла сразу после родов, навечно оставшись двадцатилетней. Она не растила свою дочь. Она даже не узнала, что о рождении своего ребенка. И сейчас Эмма была старше той близкой и в то же время далекой женщины, которую она звала мамой. Девушка совсем не знала ее. Но любила. Ей просто некого было любить.

Ее отца не слишком интересовала маленькая одинокая девочка. Он вообще не любил детей, считая их назойливыми и глупыми. Станислав Росс искренне верил, что обеспечив дочь материальными благами, он автоматически становится хорошим отцом. К тому же он снова женился, когда Эмме исполнилось девять, и она особенно нуждалась в женской заботе, а значит, сделал самое важное — дал ей новую мать.

Эмма могла бы любить мачеху, если бы та уделяла ей, хоть немного, своего драгоценного времени. Но Ева предпочитала другое времяпрепровождение. И чужой ребенок ей был в тягость. Нет, она не была злой или испорченной и никогда не стремилась навредить падчерице. Просто Девятнадцатилетняя Ева была не

готова к роли матери вообще, а к роли матери взрослой дочери — в особенности. И она старалась держаться от навязанного ребенка как можно дальше. А вынужденное общение она старалась держать в безлично-непринужденном русле. Возможно, если бы муж, которого Ева любила, поддерживал ее, помогал наладить контакт с девочкой, все сложилось бы иначе. Но Станислав предпочитал делать вид, что все прекрасно, и не замечать холодности между женой и дочерью.

Бабушки и дедушки жили в других полюсах. Они присылали ей подарки на день рожденья, звонили по праздникам, и даже пару раз приехали в гости.

Как-то ее отец как-то начал читать статью по педагогике, где было сказано, что привыкание к наемным работникам, которые могут в любой момент уволиться, на психике ребенка сказывается очень плохо. Дети, пережившие стресс становятся капризны, раздражительны, а иногда агрессивны. Такого поворота событий господин Росс, привыкший, что дочь не видно и не слышно, очень испугался. И няни стали меняться каждые три месяца. Дело в том, что чтение его кто-то прервал, и он так и не узнал, что не привязываться, ни к кому ребенок не может. А главное, что необходимо для развития ребенка — это безопасность и стабильность. И «исчезновение» кого-то из близкого окружения (здесь имелось в виду увольнение няни), малышом воспринимается, очень тяжело.

Но хоть какой-то прок от этой статьи все же был. Там было сказано, что детям полезно общение с животными. И Эмме был подарен маленький черный котенок. Она звала его Риэль. На самом деле в родословной пушистого аристократа было сказано, что он Габриэль Антуан Родерик фон Визенберг XVI. Слишком пафосно для крохи, способной уместиться на ладошке семилетнего ребенка. Поэтому котенок тотчас же был переименован сначала в Габриэля, а потом и вовсе в Риэля.

Это был очень дорогой подарок. И девушке всегда было интересно, почему ее отец сделал его. Ведь малыш стоил дороже бриллиантового браслета Евы. И хотя Станислав Росс не был скупердяем, такой щедрости по отношению к дочери, от него никто не ожидал. Ведь Риэль не украшение, которое хранилось бы в надежном сейфе, а живое существо. И забота о нем целиком ложилась на маленькую девочку. Эмма посчитала это актом доверия со стороны отца, и за этого котенка готова была простить ему все. Все, за исключением Марка. Но такое и не прощается. Никогда.

Девушка иногда задумывалась, решилась бы она бросить самое близкое ей существо и уехать? Смогла бы оставить Риэля

одного в родительском доме? А потом чувствовала себя предательницей. Потому что не смогла бы. Это она понимала вполне отчетливо. То, что ее лучшего друга не стало, развязало ей руки. Ветеринары разводили руками. Еще не слишком старое, и вполне здоровое животное однажды утром не проснулось. Его сердце просто перестало биться. И Эмме иногда казалось, что ее питомец так в последний раз позаботился о своей хозяйке, позволяя ей сбежать. Девушка ненавидела себя за это, но ничего не могла с собой поделать. Она была благодарна ему за этот его последний подарок. Потому что оставаться там она не могла. И пусть это звучит громко и пафосно, но пребывание там ее бы убило. И Габриэль умер за нее. Прошло уже довольно много времени, но Эмма все еще продолжала по нему тосковать. И сейчас ей так не хватало кого-нибудь, кто любил бы ее, и кого могла бы любить она сама.

Девушка тяжело вздохнула. Она не любила вспоминать Риэля. Это до сих пор было слишком больно. Она сделала еще пару крошечных шагов вперед, и хотела было уже сесть на старый диван. Потом оставалось протянуть руку к журнальному столику, и сказать два, привычных с самого детства, слова: «Здравствуй, мама». Так было всегда.

И все было, как всегда. Ее квартира ни капельки не изменилась. Мягко падал свет, окрашивая крошечную гостиную в золотисто-коричневые тона. Почти неслышно шелестел вентилятор обогревателя. Белые жалюзи привычно скрывали непрезентабельный вид из окна. Персиковые обои казались немного темней, чем днем. На полу лежал старый выцветший ковер. Ровесник ковра — диван прикрыт истрепавшимся пестрым пледом, прячущим убогий вид его обивки. На колченогом журнальном столике солнечно улыбалась с экрана электронной фоторамки изображение Изабеллы Росс. Все лежало на своих местах.

Но сегодня в ее квартире был еще и незнакомый парень. Он стоял в центре крошечной комнатки, от чего та казалась еще меньше. Эмма понимала, что никакой он не парень, а просто компьютер в органической оболочке. Что это не человек. Но он так походил на молодого красивого мужчину, что любой бы запутался. И девушка хотела бы воспринимать его, как искусно сделанную игрушку, которой нужно пользоваться и нельзя по-настоящему любить. Так было бы лучше для нее. Так было бы правильно, разумно.

«Вещь. Это всего лишь вещь», — попыталась сделать себе внушение Эмма. Но мозг категорически отказывался воспринимать черноглазого гостя стоящего в крошечной

гостиной, как неодушевленный предмет.

Эмма сняла курточку и бросила ее на кресло, а затем тяжело упала на диван. Сил дойти до шкафа и переодеться, просто не было. Голова ее шла кругом. Хотелось зажмуриться. И хотя бы на секунду поверить, что когда она их откроет, то окажется, что этот чертов андроид ей просто приснился. Но чертов андроид не спешил исчезать, а невозмутимо стоял в дверях.

— Проходи. Садись, — Девушка указала на место рядом с собой.

Он несколькими шагами преодолел комнату. На секунду застыл, словно бы вспоминая что-то. А затем медленно и по-кошачьи грациозно опустился на край старого дивана.

В том, как он сидел, было нечто странное. Неестественно прямая спина, слишком высоко поднятый подбородок, взгляд направлен в пространство. Эмма положила ему на плечо ладонь. Это было невероятно, но она почувствовала, как его мышцы конвульсивно сжались. Чтобы проверить, не показалось ли ей, Эмма кончиками пальцев коснулась его шеи. То же самое. Только теперь она почувствовала еще и учащенный пульс.

Это обескураживало. Ведь социоборги не должны так реагировать на прикосновения. И будь он человеком, девушка с уверенностью сказала бы, что ему страшно. Все признаки были на лицо: учащенное сердцебиение, мышечный тонус, легкая паника в расфокусированном взгляде.

Но он же — машина. Все его поведение, до малейших деталей — результат работы программы. И если гипертонус можно было хоть как-то объяснить, то остальное объяснению поддаваться решительно не желало. Но, словно бы опомнившись, девушка покачала головой и иронично усмехнулась. Откуда ей знать, что для него нормально? Он же не человек. Хотя, все это было странным.

Андроид заговорил первым:

— Будут ли какие-нибудь распоряжения, Госпожа Росс?

Его обращение к ней неприятно резануло слух девушки. И она, поморщившись, ответила:

— Да. Не называй меня так. Мое имя — Эмма. И может быть мы перейдем на ты?

— Как… хочешь… Эмма.

Он ответил ей неровным, немного хриплым голосом как если бы эти давались ему с трудом. Его волнение было почти очевидным. Но ведь эмоции — особая форма психического отражения, свойственная людям и уж никак не андроидам. И испытывать их они не могут. Ну, или, по крайней мере, не должны.

— Тебе страшно? — вдруг неожиданно для самой себя спросила девушка.

Ее визави удивленно посмотрел на нее. Им совершенно игнорировался тот факт, что удивление — тоже эмоция. И он ее активно проявляет. А затем, противореча сам себе, тихо ответил:

— Я не понимаю вопроса. В основе страха лежит инстинкт самосохранения. У машин нет, и не может быть инстинктов. Их заменяет Программа. Я не могу бояться, но если ты хочешь…

— Не хочу! — резко оборвала его девушка. Она еще не знала, что он собирается предложить, но ей это заранее уже не нравилось. — Скажи лучше: у тебя есть имя?

— Да. Модель TSA-357_683, - следовал четкий и лаконичный ответ.

— Классное имя! Но как на счет другого, более человеческого? — Наиграно жизнерадостным тоном спросила Эмма, и беспомощно улыбнувшись, начала рассматривать его.

А молодой человек продолжал безучастно сидеть на самом краю дивана, не проявляя никаких эмоций. Ему все это было глубоко безразлично. Другое — так другое. Какая разница?

Минута, вторая, третья… а взгляд Эммы все блуждал по его лицу. Сама она была сосредоточена и собрана, будто пытается запомнить каждую его черточку.

Бывший ученый и сам не понял, как начал разглядывать ее в ответ и утонул в мутно-зеленых глазах. Бледная кожа, почти болезненная худоба, серебристые волосы до плеч, нежно розовые губы, маленький курносый носик с россыпью едва заметных веснушек. Нет, девушка не была ослепительно красивой, скорее симпатичной.

— Ты очень красивый. И тебе нужно особенное имя, — вдруг сказала она тихо. — У тебя удивительные глаза. Я таких ни разу еще не видела. Мне кажется, что ты похож на заколдованного принца из старого стереофильма. Я смотрела его, когда была совсем маленькой. И уже и не помню точно, как он назывался. Кажется «Каменное сердце». Или нет? Ах, вот! «Алмазное сердце». Главного героя звали Деймоном. У него злая ведьма похитила сердце, чтобы он не смог любить свою принцессу. И глаза его стали черными, как ночь. Но кончилась эта сказка все равно свадьбой. Потому что даже без сердца он продолжал ее любить. И злые чары развеялись. Мне кажется имя Деймон лучше, чем «Модель TSA»? Как думаешь?

Он неопределенно пожал плечами.

— Тебе не нравиться? — тихо, с некоторой долей обиды спросила девушка.

Молодой человек немного растеряно посмотрел на нее. Как

ему что-то может нравиться, или не нравиться? Особенно, если речь идет о приказах или пожеланиях владельца.

— Я не запрограммирован на это, — решил пояснить он. — Модель TSA не имеет личных симпатий или антипатий. Но если тебе так будет проще, мне нравится абсолютно все, что, так или иначе, связано с тобой.

А потом он мягко улыбнулся.

— Ты встревожена. Мои сенсорные системы улавливают твое напряжение и беспокойство. Причина этого — мое поведение?

— Деймон, не мог бы ты говорить: «я чувствую» вместо «мои сенсорные системы улавливают»? А то такие обороты мне немного непривычны.

— Я чувствую твое напряжение и беспокойство, — покорно повторил он, и добавил. — Причина этого — мое поведение?

— Ты меня нервируешь. Я не сталкивалась до этого с социоборгами. Мне сложно воспринимать тебя не как человека. Так что причина не в твоем поведении, а скорее в самом твоем существовании.

За секунду его лицо совершеннейшим образом преобразилось и стало напоминать застывшую маску. И он заученно, немного монотонно проговорил:

— Если Вас не устроила данная Модель, Вы можете заменить ее в любом из центров продаж «Нео-инкорп» на аналогичную в течение двадцати одного дня с момента покупки. Так же вы можете в течение четырех дней с момента покупки вернуть назад данную Модель и получить назад заплаченные Вами деньги.

— Мне сложно объяснить тебе, но дело не в том, что меня что-то не устроило. И мне не нужна другая модель. Я, наверное, просто устала и перенервничала. День выдался сложным. А тут еще ты… и я… и все это… у меня голова идет кругом.

— Тебя это беспокоит?

— Да, меня это беспокоит! А что, не должно? Потому что, на мой взгляд, это все очень даже должно меня беспокоить!

«Истерика», — промелькнуло в голове парня.

— Тебе нужно расслабиться. Тогда нервное напряжение уйдет. Я могу помочь? Массаж? Или, возможно, ты хочешь чего-нибудь другого?

Он, вопросительно глядя на нее, протянул руку и провел кончиками пальцев по ее щеке. Это, казалось бы, невинное действие произвело на девушку эффект противоположный расслаблению. Она испуганно отпрянула от него. Ее щеки запылали, а в глазах появилось непонятное Деймону выражение.

— Не нужно, — севшим голосом произнесла Эмма, — Ничего такого я не хочу.

— Ты уверена? — спросил он, не понимая, причины столь категоричного отказа.

— Абсолютно!

Девушка вскочила с дивана и испуганно затараторила:

— Не беспокойся. Я хочу спать. Очень! Спокойной ночи, Деймон.

— В таком случае, я тоже могу отдыхать?

— Как хочешь. Еще раз спокойной ночи.

Такая формулировка ответа была Деймону в новинку, и ввела в некоторое замешательство. Как он может что-то хотеть? Поэтому подобного рода команды некорректны и не должны использоваться владельцами. Так сказано в инструкции. Он подумал, что необходимо просветить его Госпожу на этот счет, причем немедленно, но девушка уже скралась за межкомнатной дверью.

Захлопнув за собой дверь, Эмма не в силах дойти до постели, медленно опустилась на пол. Ее трясло, ноги подкашивались, а сердце готово было вот-вот вырваться из груди. Это все было ужасно, неправильно! Он не должен был так действовать на нее! А она не должна была так на него реагировать. Ей хотелось плакать и смеяться одновременно. Смеяться от того, что невинное прикосновение отозвалось такой вспышкой удовольствия, что у нее закружилась голова. А плакать потому, что для него это ничего не значило.

Любовь — это не чувство, любовь — это состояние, обусловленное… Эмма понятия не имела, чем было обусловлено ее состояние. Наверное, чем-то все же было, но ее это интересовало мало. Перед ней стояли другие вопросы. Почему это все приключилось именно с ней? Что сделать, чтобы было не так плохо? И так ли все ужасно, как кажется на первый взгляд? А напоследок, как сделать из андроида человека? Ведь, несмотря на то, что она влюбилась страстно, безумно, окончательно и бесповоротно, быть безнадежно и безответно влюбленной ей совсем не хотелось.

Сложно сказать, было ли это с ее стороны защитным механизмом, или моментом инсайта. Но она решила подумать обо всем этом завтра, а сейчас действительно лечь спать. Потому что ничего толкового ей в голову все равно не шло. Мысли путались, рисуя картины безрадостного будущего, которое ее непременно ждало. И это нужно было срочно прекращать. Ей только депрессии для полного счастья не хватает. Мысли о том, что ее жизнь ужасна и беспросветна — не то, что может помочь в данной ситуации. А что может помочь? Отдых. Нет, наутро Деймон, конечно, не проснется обычным парнем. И, вообще,

ничего не изменится. Но у нее хотя бы будут силы пережить это все. Нужно встать. Подойти к шкафу. Снять вещи. Сделать четыре шага до кровати. Лечь на прохладные простыни. Не думать. Ни о чем. Хотелось бы конечно, принять душ. Но для того, что бы осуществить это, придется дважды пройти мимо Деймона. А это черноглазое искушение… Так. Стоп. Не думать! Не думать ни о нем, ни о чем другом. Просто спать. И завтра, в свете нового дня, все будет выглядеть не так уж и страшно.

А утром Эмма проснулась с готовым решением ее проблемы. И оно было простым, как и все гениальное. Она решила игнорировать тот факт, что объект ее нежных чувств, не является человеком. И раз он напомнил ей зачарованного принца с украденным сердцем, то почему бы не начать обращаться с ним так, будто он и впрямь заколдован. Почему бы не попробовать вернуть ему душу? Пусть это бессмысленно, пусть глупо. Но ведь хуже, чем есть от этого не станет. Потому что хуже уже не может быть.

И девушка, грустно улыбнувшись своим мыслям, поднялась с постели. Все стало на свои места. И ее душа обрела шаткий, но все-таки мир.

— Доброе утро Деймон, — жизнерадостно провозгласила она, входя в гостиную. Видимо провозгласила она это слишком громко и слишком жизнерадостно. Бедный парень, который до этого спал на не слишком удобном диване, испуганно подскочил. И сейчас он не мог понять, что произошло, чего от него хотят, и почему у него что-то так колотится в грудной клетке.

— Доброе утро Деймон, — повторила девушка уже совсем тихо, глядя в его испуганные глаза.

— Доброе утро Эмма, — прозвучало в ответ.

— Пойдем завтракать. Что ты будешь? Выбор, правда, не богат: либо кукурузные хлопья с молоком, либо овсянка. Больше ничего приготовить я не успею. Так что ты хочешь?

— Мне не нужна еда, — удивленно ответил он. — Таблеток, которые предназначенных для питания андроида продаются в наборе с ним.

Девушка нахмурилась, словно бы обдумывая что-то.

— А есть обычную пищу, ты можешь?

— Да, но это неэкономично.

— Хорошо. Дай мне свои таблетки, — впервые приказала ему Эмма.

Получив желаемое, она подошла к утилизационной кабине и бросила в нее массивную упаковку энергетических стимуляторов. И, словно бы объясняя произошедшее, сказала:

— Они вредны для здоровья. Так чем ты предпочитаешь

завтракать?

Деймон предпочел то, что дали. Молча съел на завтрак овсянку, поджидая подходящий момент для того, чтобы рассказать Госпоже о существовании в природе инструкции по его эксплуатации. Но подходящий момент все не подворачивался.

— Для обеспечения адекватного функционирования андроида, владельцу необходимо прочитать инструкцию по эксплуатации данной модели, — тактично уже в шестой раз начал Деймон.

И снова его перебили:

— Да-да, конечно, — ответила девушка, не особо вслушиваясь в смысл сказанного. — Потом. Когда-нибудь. Кинь ее в нижний ящичек тумбы.

Выполнив указание, молодой человек на секунду остановился. Такая реакция ее была не совсем адекватна. Точнее, она была совсем неадекватна. Решив, что возможно, Эмма испытывает трудность в самом прочтении текста, Деймон предложил прочитать инструкцию вслух.

— Да-да, конечно, — снова ответила она, подкрашивая ресницы. — Давай, только потом. Ты не против?

Когда молодой человек сообразил, что он очень даже против, и уже собрался высказать это, за девушкой уже закрывалась входная дверь.

— Я на работу. Вернусь в семь. Веди себя хорошо, — напоследок решила добить его хозяйка, лучезарно улыбнувшись.

Деймон ошарашено оглядевшись по сторонам, медленно опустился на диван. С одной стороны стала ясна причина неадекватной реакции на предложение: изучить инструкцию. У Эммы не было на это времени. Но с другой стороны, ее указания стали еще более… непонятными. Что значит: «Веди себя хорошо»? Что нужно делать? Чего не нужно?

Через пару минут на смену этим вопросам пришли следующие. Он был против того, чтобы его неправильно эксплуатировали. Правда, почему он понять не мог. И ему от чего-то хотелось донести эту мысль до хозяйки. И важен был ему не только и не столько результат, сколько сам факт данного уведомления. Хотя это и входило в серьезный резонанс с Программой. Ведь андроид не должен не только противоречить своему владельцу, но и даже иметь такое желание.

Все это было странным, нелогичным и в корне неправильным. Ведь еще вчера он убеждал Эмму, что не имеет собственных желаний и эмоций. А сегодня они откуда-то появились. А еще ему без нее было… не так, как с ней. Когда она была рядом, было лучше.

Переизбыток вопросов без ответов. Странные ощущения, не имеющие ровным счетом никакого смысла. Они возникали сами по себе и мешали простой и понятной логике андроида. Хотелось… да, его пугала сама мысль, что ему чего-то хотелось. А то, что он мог испытывать это неприятное ощущение, которое он индифицировал, как страх, пугало его еще сильней. Так вот ему хотелось сжать ладонями виски и громко застонать. Но это являлось бессмысленным, неадекватным ситуации действием.

И тут в голову Деймона пришла потрясающая идея. Себя нужно занять действием адекватным. Госпожа ведь дала соответствующую инструкцию: «Веди себя хорошо». Да, инструкция была некорректной, но если применить метод логического анализа, можно выявить следующее:

«Вести» — значит делать.

«Хорошо» — что-то не деструктивное, созидательное, имеющее смысл.

«Веди себя хорошо» — значит выполнять действия, которые интерпретируется как приносящие пользу.

Вечером Эмма, зайдя в свою квартиру, застала там идеальный порядок, стерильную чистоту и симпатичного парня хозяйничавшего на кухне. Дей что-то варил. И судя по запаху, донесшегося до девушки, это что-то представлялось ей вполне съедобным. Хотя и имело вид несколько странный. Но повара-энтузиаста это абсолютно не смущало.

Он был так увлечен процессом, что не заметил ее приход. И Эмма, устало привалившись к дверному косяку, могла наблюдать за ним. Подглядывание оказалось неожиданно увлекательным занятием. Деймон же постоянно помешивал булькающую массу и каждые 20 секунд сверялся с поваренной книгой. При этом выражение его лица было столь сосредоточенно-торжественным, что она не сдержалась и прыснула от смеха.

ГЛАВА 8

Неожиданный звук заставил Деймона вздрогнуть.

— Привет, Дей.

Парень вытянулся по струнке и отрапортовал:

— Добрый вечер Эмма. Я занимался уборкой и в настоящий момент готовлю тебе ужин. Твои указания на счет моих действий в твое отсутствие не имели конкретной формы. Поэтому я делал то, что моя программа посчитала наиболее приемлемым и логичным в данной ситуации.

— Дей, я очень тебя прошу, вместо «моя программа» говори «я». Ладно? И я не давала тебе никаких приказов, указаний, распоряжений. Делай, что хочешь, или считаешь нужным, пока меня нет.

Молодой человек с какой-то скучающей обреченностью теперь уже окончательно понял, что эксплуатировать «адекватно» его не будут. А как на это реагировать, он не знал.

— И… у тебя наш ужин подгорает.

Деймон испугано повернулся к кастрюле с булькающей массой и снова принялся за помешивание, теперь сверяясь с поваренной книгой каждые 10 секунд. В общем, парень, погрузившись в работу, снова выпал из пространства и времени.

Прежде чем выйти из кухни, Эмма бросила последний взгляд на занятого готовкой парня. Сейчас он казался ей таким близким и родным. А еще юным и наивным. В общем, Дей был признан очаровашкой и одарен умильной улыбкой. Но сам молодой человек этого не заметил. Он был полностью погружен в процесс создания кулинарного шедевра. И состояние это ему нравилось. Да, именно так он охарактеризовал это ощущение увлеченного спокойствия. О том, как спокойствие может быть увлеченным он старался не задумываться. Потому что любые не сенсорно-обусловленные ощущения вообще были невозможны. По-определению. Но они были. И логичнее всего их просто принять. Ведь эмоции (реакции на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющихся как в субъективных переживаниях, так и в физиологических реакциях) не нарушают основных принципов функционирования модели TSA-357_683:

1. быть безопасным в использовании.

Ведь все ощущения носят субъективный внутриличностный характер и не могут причинить вреда. А появляющиеся желания и потребности не несут деструктивного характера. Поэтому их можно назвать безопасными.

2. выполнять свои функции при условии, что они не

представляет опасности для людей.

Все переживания так же носят субъективный внутриличностный характер и не мешают выполнению приказов. Пока не мешают. И раз прецедентов еще не было, их можно считать приемлемыми.

3. оставаться в сохранности во время эксплуатации, если только твое уничтожение не продиктовано соображениями безопасности людей или приказом владельца.

А к последнему пункту они вообще никак не относятся. Так что все было в порядке.

Девушка убедившись, что ужин в надежных руках, отправилась в душ. Она и предположить не могла, какие мысли бродят в голове ее… гостя (Эмма не сразу нашлось с определением его статуса). Ведь по большому счету, кто он? Не вещь. Это она решила для себя еще вчера. Не друг, и не приятель. Они же совсем не знакомы. Да, проживают в одной квартире, но у слова «сожитель» есть подтекст не слишком адекватный данной ситуации. Обзывать же парня «возлюбленным», ввиду отсутствия взаимности, просто не хотелось.

Эмма любила принимать душ. Ей казалось, что она может стоять под струями горячей воды часами. Это помогало снять напряжение и усталость, расслабиться и не думать.

Но отбросить абсолютно все мысли отчего-то не получалось. Они все равно возвращались к Деймону. Нет, она определенно больна им и не знает, что с этим делать. Не успел парень появиться в ее жизни, как занял все ее мысли, кухню и диван в гостиной. Наверное, виной всему затянувшееся одиночество. Правы были подружки, говоря, что ничего хорошего из ее воздержания нее выйдет. Так и получилось. Но раз с этим ничего не поделаешь, то нечего и страдать по данному поводу. Тяжело вздохнув, Эмма выключила воду и вышла из душевой кабины.

В кухне стоял просто умопомрачительный запах. А разложенная по тарелкам и присыпанная зеленью «непонятная субстанция», выглядела теперь вполне аппетитно. А вкус! Эмма уже давно не ела ничего подобного. Она обычно питалась полуфабрикатами, которые были скорее съедобными, чем вкусными. Но это экономило много времени. Да и готовить исключительно для себя ей не очень хотелось. Для того чтобы готовить для кого-то, нужно, чтобы этот кто-то имелся в наличии. А до вчерашнего дня ни один парень даже порог ее квартиры не переступал.

Девушка даже и не заметила, как ее тарелка опустела.

— Дей, ты — гений. У тебя просто кулинарный талант.

Парень несколько растерялся. И не зная, как реагировать,

осторожно ответил:

— Я точно следовал рецептуре и соблюдал пропорции. Ты довольна?

— Спасибо. Было очень вкусно.

— Могу я чем-нибудь еще быть полезен?

Деймон всем своим видом показывал готовность прямо сейчас подорваться из-за стола и исполнить любой ее каприз. Но ложку из руки не выпустил, и тарелку не отставил. Тарелка, кстати говоря, была почти полная. И последний взгляд, брошенный на нее парнем, говорил о том, что наесться он не успел. Но раз долг зовет…

— Ешь. Я чай сама заварю.

А потом за кружечкой чая, они вели непринужденную беседу о том, как прошел день. Если, конечно, непринужденной беседой можно назвать монолог Эммы, разбавленный допросом Деймона. Но для первого раза и это было неплохо. Они ведь только начинали привыкать друг к другу, и только учились контактировать между собой. В целом же вечер прошел тихо и мирно. А в одиннадцать эти двое разошлись по разным комнатам и легли спать.

Утро следующего дня началось так же, как и предыдущее. Девушку помог проснуться будильник, а она в свою очередь разбудила сладко спящего на диване парня.

— Доброе утро Дей, — жизнерадостно провозгласила она, входя в гостиную.

Видимо она снова сделала это слишком громко и слишком жизнерадостно. Дей опять, испуганно подскочил. Он, как и вчера, примерно с минуту не мог сообразить, что произошло, чего от него хочет его Госпожа, и зачем было так кричать.

— Доброе утро Деймон, — повторила девушка уже совсем тихо. — Пойдем завтракать?

— Доброе утро, — прозвучало в ответ. — Как скажешь.

— Я не утверждаю, а спрашиваю. И, вообще, ни к чему принуждать тебя не хочу. Понимаешь?

— Я понял. Ты не желаешь отдавать приказы.

— Ничего ты не понимаешь, — отозвалась Эмма тихо, почти шепотом.

А парень почувствовал себя странно. Как будто бы он повел себя неправильно или нарушил прямой приказ. Но ведь ничего подобного не происходило. Его поведенческие реакции полностью соответствуют норме. По крайней мере, в данном конкретном случае. Так почему же горло сжал спазм, руки стали холодными, а сердце заколотилось в два раза быстрей? А еще появилась иррациональная потребность подойти к хозяйке и… Он не мог

понять, что конкретно захотел сделать. Наверное, просто прикоснуться, почувствовать тепло ее кожи. Пробежаться кончиками пальцев по ее щеке, шее, волосам, нежно очертить контур алых губ, чтобы на них заиграла солнечная улыбка. Зачем? Просто так, без особого повода. И он почти поддался этому безумному порыву, но девушка вдруг резко развернулась и направилась в кухню.

— Мне приготовить что-нибудь?

— Давай, ты овсянку, а я чай?

Деймон тяжело вздохнул. Его легкомысленная хозяйка, похоже, вообще не знает, что такое повелительное наклонение. Никаких приказов — только просьбы. И объяснять, что применять такие формулировки по отношению к андроиду, некорректно, кажется, бесполезно. Потому что она не хочет этого понимать. Но именно это и делает ее особенной. А это важно — быть не таким, как все. Молодой человек еще раз вздохнул. Для него уже что-то стало важным. А это неприемлемо. Хотя, может он просто подстроился под поведение хозяйки. Эмма ведет себя несколько эксцентрично. Вот и он… нет, она здесь совершенно не причем. Ему и до встречи с ней были интересны разные вещи. Интересны?! Нет, он точно ненормальный социоборг. Нормальные — безэмоциональны. А ему постоянно чего-то хочется, что-то интересно. Может быть он поломан? Или все андроиды такие, но никто об этом не знает? Кто же будет интересоваться у компьютера его ощущениями, если их быть не должно в принципе?

— Дей, ты заснул? — прозвучал ехидный голосок из кухни.

— Нет, — попытался, как можно более бесстрастно ответить он.

— Ну, тогда не стой столбом посреди комнаты, иди сюда. Или завтрак готовить ты передумал?

— Нет. Прошу прощенья.

— Прощаю, — великодушно кивнула девушка. — Только давай быстрей, у меня времени мало.

— Хорошо. Будут ли какие-либо указания на сегодня?

— Нет, — беспечно ответила Эмма.

Парень тяжело вздохнул и попробовал переформулировать вопрос:

— Что я могу сделать для тебя сегодня?

— Ужин.

Обрадованный тем, что ответ Хозяйка был хотя бы немного похож на конкретный приказ, он продолжил допытываться:

— А что бы ты хотела на ужин.

— То, что ты приготовишь. Главное, чтобы оно уже было

готово к моему приходу.

Съев свой завтрак, девушка быстро оделась и убежала на работу, отдав на прощание еще две «некорректные» команды:

— Дома буду поздно. Так что не скучай без меня. Квартира и комп в твоем распоряжении. Развлекайся.

Как андроид может развлекаться? И как можно не скучать? Ведь стоило только ей скрыться за дверью, в квартире моментально стало невероятно тихо и холодно.

Эммы не было рядом. Парень особенно отчетливо почувствовал это спустя минут пять-десять после ее ухода. Ему стало почти физически плохо. Пусть бы отдавала «некорректные» команды в каких угодно количествах, молчала бы или не обращала на него внимание, но была рядом. Живая. Настоящая. Особенная. Но ее рядом не было. А раз она просила не скучать, то нужно занять себя чем-нибудь. Вчера ведь получилось. Он и не заметил, как пролетело время. К тому же Эмме понравилось. И тут Дей поймал себя на мысли, что у него появилось еще одно желание. Ему хотелось еще раз увидеть ее улыбку. Потому что она красивая.

Поняв, что этим самым он еще раз расписался в собственной «ненормальности», парень тяжело вздохнул и принялся за стирку-уборку-готовку. Ведь его Хозяйка просила не скучать.

День пролетел для Деймона совершенно незаметно. Он научился готовить жаркое из курицы с грибами, чинить проводку и чистить фильтр в стиральной машине. И его даже удивило, как легко и комфортно ему было одному. Хотя временами он и чувствовал щемящую тоску по хозяйке. Но Эмма должна была скоро вернуться. И это его несколько успокаивало. По крайней мере, молодой человек находил в себе силы то, что его увлекало, и не думать. Ему совершенно не хотелось думать. Ведь андроиды не должны думать. Их главная функция — выполнение приказов. Но приказы должны быть прямыми, четкими.

Деймон странно себя чувствовал. Хотя, если честно, он последние два дня чувствовал себя именно так. В нем зарождалось осознание, неправильности происходящего. Как будто бы сам мир не такой, каким ему видится. И в этом мире нет ни стабильности, ни простоты. Он гораздо сложнее, чем должен казаться андроиду. И гораздо интереснее.

И все же некая постоянная в этом человеческом мире у Деймона была. Его хозяйка. Эта нелогичная, непоследовательная девушка, не умеющая отдавать приказы. Пусть не здесь и не сейчас, но она у него была. Ему нужно только немного подождать и Эмма откроет дверь, войдет в их маленькую квартиру и улыбнется ему. Он знал, верил, что так будет. Потому что так

должно быть.

Но ни в шесть, ни в семь, ни в восемь часов девушка так и не появилась. Ужин безнадежно остыл, а молодой человек начал беспокоиться. Он сам до конца не понимал причин собственной тревоги.

Ему хотелось встать с дивана и начать мерить шагами крошечную комнату. Хотелось выйти в коридор и стоять там, прислушиваясь к шагам на лестнице. Но так как такие действия были абсолютно бессмысленными, Деймон подавил в себе это желание. Он продолжал сидеть на диване. Но взгляд его все же был прикован к входной двери. И молодой человек ничего не мог с собой поделать. Возможно, разумнее было бы занять себя чем-нибудь. Но Дей не хотел. Ему вдруг стало сложно сосредоточиться на выполнении какого-либо действия. Мысли его раз за разом возвращались в Эмме. И он вдруг понял, что она ему особенно важна. Возможно, так и должно было быть. Владелец, точнее исполнение его команд являются функциональным смыслом самого существования андроида. И, следовательно, можно сделать вывод, что он (Деймон) нуждается не в хозяйке, а в ее приказах. Такое предположение было логичным, но в корне неверным. Молодой человек четко ощущал в себе именно потребность в своей хозяйке, потому что… нет, просто ощущал. И в основе этого понимания не лежало никакой внятной причины. Оно просто имело место быть.

И вдруг, дверь распахнулась и в коридор влетела Эмма. Она раскраснелась и тяжело дышала, но вместе с тем улыбалась. В ее руках была небольшая сумочка и объемистый пакет.

— Привет, — улыбнулась она еще теплее, когда Деймон вышел ей на встречу. — Я замерзла.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Да. Поставь чайник. Пожалуйста. На улице похолодало. Нужно было одеть свитер. Кстати, это тебе.

Девушка вложила ему в руки пакет и попыталась раздеться. Заледеневшие пальцы отказывались слушаться. И если расстегнуть молнию на куртке еще получилось, то снять обувь вообще не представлялось возможным. Это было до боли обидно. Помощь пришла неожиданно. Дей грациозно опустившись на колено, расстегнул сначала один сапожок, потом другой, а затем снял их. Он делал это нарочито медленно. Можно даже сказать, чувственно. И от его нежных, почти невесомых прикосновений Эмму бросило в жар. Пробормотав смущенное: «Спасибо», — девушка опрометью бросилась в свою комнату.

Ей понадобилось минут пять, чтобы прийти в себя, и выровнять сбившееся дыхание. А это было очень сложно. Ее

мысли то и дело возвращались к Деймону. И из-за этого девушка очень сильно злилась на себя. Ну, почему она так реагирует на него? И почему он такой особенный? Хотелось плакать. Этот чертов андроид снова смог вывести ее из равновесия! Хотя ничего особенного он и не сделал. Но справедливости ради нужно отметить то, что он все-таки сделал, было приятно. Очень. Сердце Эммы до сих пор сладко замирает, а по телу проносится волна неги, стоит только вспомнить тепло его рук. В ней боролись желание и смущение. Ей хотелось, чтобы Дей прикоснулся к ней еще раз, и чтобы не делал этого больше никогда.

Молодой человек, в это время ставил чайник и разогревал ужин. Он казалось, и не заметил смятения Эммы. Ему было важнее само ее присутствие рядом. А какие она при этом испытывала эмоции, его интересовало мало. Ведь что такое эмоции? Что-то абстрактное, еще совершенно ему непонятное. Социоборги — последовательны и функциональны. Они созданы мыслить, а не чувствовать. Тогда как эмоции лишены абсолютной логики, а подчас и смысла. Андроиды способны их классифицировать, определять динамику, интенсивность, и улавливать причинно-следственные связи эмоциональных реакций. Но понять могут только люди. Или не только? Потому что он (Деймон) может. А это значит… нет, это ничего не значит!

Когда девушка зашла на кухню, ужин уже стоял на столе, распространяя просто умопомрачительный запах. Эмма зажмурилась и тихо застонала, а потом весело произнесла:

— Очередной шедевр? Дей, у тебя определенно талант. Все, как в дорогом ресторане. И я только сейчас поняла, насколько голодна!

«Я скучал», — не сказал молодой человек. Хотел. Но не смог. Ему было трудно подобрать нужные слова. Как рассказать о щемящей пустоте в груди, если он остается в одиночестве? Как объяснить ей, что только, когда она рядом он чувствует тепло и уверенность? Правда, в чем заключается эта уверенность Деймон и сам пока не понимал. Все это было так сложно. И легко. Потому что ему и не нужно было подбирать слова. Зачем андроиду описывать чувства и эмоции? Ведь он их лишен. И Эмма не будет ждать от него такой способности. Или будет? От нее можно ожидать чего угодно.

Молодой человек улыбнулся своим мыслям. Его хозяйка, судя по всему, такая же ненормальная, как и он сам. Хотя, нет. Она — особенная!

— О чем ты думаешь, Дей?

— Я? — растерялся молодой человек.

— Да. Ты. Так о чем?

— О тебе.

— И что же ты обо мне думаешь? — Девушка кокетливо улыбнулась.

— Что ты — это ты. Единственная…

— И неповторимая? А ты, оказывается льстец. И садись за стол. Я бы хотела поскорее попробовать то, что ты приготовил. Умираю от голода.

Покончив со своей порцией, девушка расслабленно откинулась на спинку стула и прикрыла глаза.

— Ты — гений, Дей! Я такой еды в жизни не ела. А о том, чтобы приготовить — вообще молчу. Как у тебя это получается?

— Я могу пересказать тебе технологию приготовления данного блюда, — самым серьезным тоном объявил парень. — Мне сделать это сейчас или позже?

— Не надо! — Эмма засмеялась. — Пощади! Я устала. И я терпеть не могу готовить.

— Тогда зачем ты спрашивала, как я приготовил это блюдо? — Растерялся Деймон.

— Это был риторический вопрос. На него совсем не обязательно отвечать.

— А зачем задавать вопрос, если ответ на него не нужен?

Девушка беспомощно пожала плечами. А затем сквозь полуприкрытые веки стала рассматривать своего «заколдованного принца». Потратив на это минуты три, она постановила, что он изменился. Он стал более человечным. Или менее механическим. Это нельзя было назвать разительной переменой, скорее, едва заметной. Но Эмму радовало даже малое. Ей что-то подсказывало: все идет своим чередом. Да и торопиться-то ей по большому счету некуда.

— Кстати, куда ты положил тот пакет, который я принесла?

— На комод в коридоре. Принести?

— На кухню? Нет, конечно. Пойдем в гостиную? Там будет удобнее разбирать где — чье. Я растратила почти половину зарплаты. Но никуда от этого не деться. Не можешь же ты ходить в одном комбинезоне. Да и мне давно пора было обновить гардероб.

— Ты купила мне одежду? — молодой человек даже растерялся от такого заявления хозяйки. — Но зачем?

— Чтобы ты не ходил в одном и том же. Не тормози. И пойдем скорее. Мне не терпится посмотреть на тебя в чем-нибудь не таком сером. Ультра-модные вещи, мне, конечно, не по карману, но мне и не нравится пестрые вещи. Я так воспитана. Юго-Восточный округ вообще является оплотом пуританской морали и просто-таки патологической нравственности. Яркую

одежду носят только маленькие дети. Мужчины — исключительно деловые костюмы темных тонов, а женщины — строгие платья. Представляешь, там даже появление девушки на улице без шляпки считается проявлением дурного тона. Единственное исключение из правил — званые вечера. Дамам на них предписывается являться в открытых платьях, а их спутникам — в светлых костюмах и без галстуков. Но то, что принято здесь… Бусы, стразы и блестки, жуткая мешанина цветов… Там, где я родилась, даже сотрудники «интимной сферы развлечений» одеваются скромнее, чем добропорядочный граждане здесь. Ну, и почему ты гипнотизируешь футболку вместо того, чтобы примерить ее? Это не картина. Не надо на нее любоваться. Бери первый комплект и марш в ванную — переодеваться.

Деймон чувствовал себя очень странно. Он, казалось, привык уже к этому состоянию, но оно постоянно изменялось. Парню вдруг стало ясно, что гамма его эмоций не умещается в это понятие. С каждой минутой его маленький мир становился все сложнее и сложнее. И в то же самое время проще.

Глупое, иррациональное желание — рассказать об этом, было безжалостно подавлено. Потому что Дей не знал двух вещей: как на это отреагирует Эмма, и какими словами можно выразить бурю в его душе. Второе, что, в принципе, странно, беспокоило молодого человека намного сильнее, чем первое. Ведь андроид должен руководствоваться предпочтениями хозяина. Но то, что он должен, его уже мало волновало. По крайней мере, сейчас. Потому что слишком уж много свалилось на него того, что он не должен был, но получил в полном объеме. За этими не слишком веселыми мыслями, Деймон переоделся в черные джинсы и белую футболку. Посмотрел на себя в зеркало. Поправил на себе одежду и вышел в гостиную.

— Тебе идет, — тихий нежный голос разбил несколько гнетущую тишину.

Эмма сидела на диване и грустно улыбалась, глядя на него.

— Так и знала, что в этом ты будешь великолепен. Черное и белое. Жаль я не обладаю способностью в любых вещах выглядеть столь же сногсшибательно.

— Но ты прекрасна…

Девушка резко вскинула голову и изумленно уставилась на молодого мужчину, стоящего в нескольких шагах от нее. «Нет, не может быть», — промелькнуло у нее в ее голове. Да, определенно, показалось. Лучше всего решить для себя, что это следствие усталости и ее собственных желаний. Ведь как глупо будет она выглядеть, спросив: «Деймон, не сказал ли ты пару минут назад, что я прекрасна? А то знаешь, мне показалось, что сказал». И

подхватив свои вещи, девушка, молча, ушла в свою комнату.

Как только за ней открылась дверь, парень на негнущихся ногах подошел к месту, где она только что сидела. А потом с тихим стоном опустился на пол возле дивана. Он чувствовал опустошение и глухую боль в груди. Не нужно было этого говорить. Если бы он сдержался, то Эмма не ушла бы. Его хозяйка не собиралась уходить. Но он все испортил. Потому что не может вести себя как все андроиды. Потому что он — вещь. Вещи индифферентны по отношению к своим владельцам. Но он не может так. И бессмысленно задаваться вопросом: Почему? Просто он такой. Неправильный и иррациональный. И ему без нее плохо.

Тихий всхлипы за тонкой перегородкой стены полночи сводили его с ума. И он ничего не мог с этим поделать.

Этой ночью Деймон и Эмма почти не спали. Не могли уснуть. По разным причинам. Точнее, причина была у них одна, но видели ее эти двое по-разному. А вот проснулись они одновременно. Рано утром от рева пожарной сигнализации. И последующего уведомления, о том, что это была учебная тревога.

— В шесть утра! Какая может быть учебная тревога в шесть утра? — возмущалась девушка, сидя на кухне. — Дей, ну скажи, что это за безобразие? Я спать хочу! Мне плохо! И все это в шесть утра!

Деймон в новых брюках и красной футболке спокойно делал бутерброды. После вчерашнего разговора о риторических вопросах, он эти самые вопросы стоически игнорировал. И это было не так уж и сложно. Эмма пыталась дать выход эмоциям. И диалог ей для этого был не особо нужен. А молодому человеку вполне достаточно было лишь изредка кивать, выражая согласие и понимание.

— Представляешь, у меня же сегодня выходной. Впервые за две недели. Думала, посплю подольше. А тут такое… Я испугалась и начала паниковать. Даже одеться не смогла толком. Ненавижу такие вещи.

— Что тебе нужно, чтобы успокоиться? — серьезно спросил Деймон. — Что ты хочешь? Сейчас. Не задумывайся. Просто скажи.

— Глупость, — немного смущенно проговорила она.

— Просто скажи и я это сделаю.

— Хочу чай, шоколадку и на ручки.

Молодой человек мягко улыбнулся:

— Пять минут и все будет. Чай сейчас заварю. Шоколадка где-то была. Я ее видел. Вчера.

Эмма и опомниться не успела, как оказалась у него на коленях с чашкой горячего чая в руке. Шоколадку Дей не нашел.

Но решил заменить бутербродом с шоколадным маслом. И с самым невинным видом пытался ей его скормить. А уговоры и заверения девушки в том, что это ужасно не вкусно и практически несъедобно, молодой человек будто бы и не слышал. Ведь пока он не получил запрета на свои действия, они формально считались допустимыми. Поэтому парень делал, что хотел, а Эмма лишь слабо сопротивлялась его натиску. Ей, от чего-то, трудно было отказывать ему по-настоящему. Она могла, но не хотела. В ее душе теплилась надежда… на что? Девушка и сама не отдавала себе отчета в полной мере. Скорее всего, на чудо.

А Деймон просто наслаждался ее близостью. Зарывшись носом в ее волосы, он улыбался. И впервые за все это время его не интересовало ничего кроме мимолетного мгновения отделяющего прошлое от будущего. Он наслаждался этим «Сейчас» и был счастлив. А собственные переживания, сомнения и прочие проблемы он решил игнорировать. Ведь прошедшей ночью он не просто сходил с ума от бессилия. Он еще и думал. Обо всем. И пришел к выводу, что ничего не может поделать со сложившейся ситуацией. А раз так, то нужно ее просто принимать. И получать удовольствие от всего, что не противоречит желаниям хозяйки. Потому как, его программа быть критерием не может. Ввиду ее неадекватности. К тому же, у молодого человека созрел план, который был прост, как все гениальное. Раз андроид хочет быть рядом со своей хозяйкой, необходимо устроить так, чтобы она сама захотела быть рядом с ним. А для этого нужно сделать ее счастливой. Очень счастливой, чтобы уж наверняка. И в тот миг, когда Деймон приступил к выполнению поставленной задачи, на него снизошли покой и абсолютная уверенность. Его мир не стал от этого простым и понятным. Где-то в глубине души парень осознавал, что это и есть единственно верный путь. И Дей уже по нему шел. Пока что к новой цели. А потом… потом можно будет придумать что-нибудь еще.

ГЛАВА 9

Эмма Росс поняла, что пропала. Окончательно и бесповоротно. Нет, собственно это все произошло еще три дня назад, когда она утонула в демонических глазах одного очаровательного андроида. Но еще вчера у нее была хотя бы слабая надежда, что все не так страшно, как кажется. Теперь же на нее навалилось осознание масштабов трагедии. И тот факт, что переболеть вирусом первой любви быстро и безболезненно не удастся, оптимизма, скажем так, не внушал.

Нет, все-таки длительное воздержание вредит здоровью, в том числе и психическому. Но тем не менее. Это же смешно. Влюбиться в андроида. Точнее не смешно, а страшно. Очень. Но и сопротивляться нет. Что делать, когда таешь от одного взгляда, что уж говорить про прикосновения? И сейчас, находясь в кольце сильных рук, ощущая тепло его тела, Эмма понимала, что пропала. Ей сложно было определиться, счастлива она от этого или несчастна. Но пока это и не имело особого значения. На повестке дня стоял вопрос: «Гормоны или нравственность?» Моральные установки пока держали позиции, считая вполне невинные объятья, стратегическим отступлением. Природа пыталась настоять на своем, но не слишком активно. Ведь главной потребностью в шесть утра она считала сон, а не общение с противоположным полом. Может именно из-за этого по телу девушки разливались, именно, тепло и нежность, а не жар и желание.

Эмма и не заметила, как уснула на его руках. А он нежно обнимал ее и улыбался. Первые полчаса. После того, как у парня затекло все тело, он решился перенести свою спящую хозяйку на диван. Бережно уложил, укрыл собственным пледом и сел на пол рядом. Он облокотился спиной о диван и тяжело вздохнул. Спать ему не хотелось, а заняться было, собственно нечем. Но сейчас тишина не давила, а скорее помогала сосредоточиться и думать. А размыслить стоило о многом.

Правда ход его мыслей иногда сбивала спящая девушка. Деймон то и дело оборачивался, чтобы взглянуть на нее. Трудно было объяснить причину, по которой он это делал. Возможно, ему просто нравилось смотреть на ее тоненькую фигурку и нежное личико. Потом он недовольно нахмурился, отмечая ее несколько болезненную хрупкость. Но в то же самое время именно это и притягивало его к ней все сильней и сильней. Сейчас, когда он смотрел на нее, у него перехватывало дыхание. Такой трогательно-нежной она ему казалась. И с каждым разом отвести

взгляд становилось все сложнее. Было в этом действе что-то завораживающее, интимное. То, что заставляло его почувствовать особенным себя самого. Хотя, от чего так происходило, молодой человек сказать не мог. Да и не хотел ломать голову еще и над этим. Вопросов без ответов у него и так хватало. И даже то, что уже было, могло свести его с ума. Веселенькая перспектива! Спятивший андроид. Интересно: о таком вообще кто-нибудь слышал?

Парень тихонько засмеялся, будто бы найдя собственные мысли весьма остроумной шуткой. А потом похолодел. Вдруг на него накатило осознание того, что произошло. Он смеялся. И до того, как обратил на это внимание, считал чем-то естественным, непроизвольным. И это уже было не «странно», а «невозможно». Андроиды никогда не смеются. Они не испытывают эмоций и не имеют желаний. Это безличные машины, в которых нет ничего, что даже навскидку можно было окрестить, как индивидуальность.

— Что же я такое? — простонал Деймон, схватившись за голову.

Ответом ему был тихий шепот:

— Ты — мой заколдованный принц.

Парень удивленно обернулся, ожидаю увидеть проснувшуюся хозяйку. Но к своему удивлению обнаружил ее мирно спящей.

— Здорово. Я уже слышу то, чего никак не могу слышать. Но это же невозможно, — простонал он.

— Невозможно спать, когда ты впадаешь в мелодраму. И когда так громко задаешь риторические вопросы, — пробормотала Эмма, укрывшись пледом с головой.

Немного поворочавшись, девушка выглянула из-под покрывала и сладко зевнув, поинтересовалась:

— Ну и зачем нужно было меня будить? Молчишь? Вот и молчи! Потому как совершенно не нужно было. И, кстати, как ты думаешь, можно ли свести андроида с ума? А то мне бы этого очень хотелось.

— Достаточно достоверной информацией по данному вопросу я не располагаю. Но, исходя из последних событий, могу сказать, что тебе это по силам. И, даже более того, твое желание уже исполнено. Я, кажется, нахожусь не совсем в здравом рассудке. Если у андроидов вообще есть рассудок.

— Это хорошо, Дей. — Эмма грустно вздохнула. — Тогда мы в одной лодке. Потому как я потеряла голову, только увидев тебя.

На это признание молодой человек почти никак не прореагировал. Только тяжело вздохнул. Он все также сидел на полу возле дивана. И его взор был устремлен в пол. Ему на самом

деле было непонятно, о чем говорит девушка. Но что-то на краю сознания, подобно тихому отзвуку воспоминаний шептало: «Это важно… важно… важно… запомни… прими…» — и не желало замолкать.

А еще, ему было непонятно с какой стати это хорошо? Потому как все происходящее на его взгляд было плохо. Очень плохо. Его мир рушился, как один из тех карточных домиков, что он любил строить в детстве. Деймон мысленно застонал. Какой домик? Какое детство? Этого же не может быть! Андроиды не бывают детьми. Но перед его глазами стоял четкий образ маленького мальчика с горящими от азарта черными глазами и робкой улыбкой. Ребенок постоянно поправлял челку цвета воронова крыла, которая лезла в глаза всякий раз, стоило ему наклонить голову.

Чтобы хоть как-то отвлечься и перевести свои мысли в более адекватное русло молодой человек присел на край дивана и посмотрел на Эмму. Хозяйка, точка отсчета и центр мироздания в одном лице. Ее умиротворенное лицо словно бы светилось. И это сияние делано практически неважным то, что сводило с ума еще минуту назад.

— Ты хочешь еще поспать?

— Нет. Можно сказать, я уже выспалась.

— А чего ты хочешь?

Эмма лукаво посмотрела на него и выдала:

— Хочу плед, интересный фильм и на ручки.

— Хорошо. Сейчас организую. А какой фильм включить?

— «Алмазное сердце». Я его смотрела, наверное, лет десять назад. Вот и поглядим: действительно ли ты похож на принца демонов?

Часы пролетели незаметно. Двое, уютно устроившиеся в обнимку под толстым пледом наслаждались теплом и покоем. К этому, правда, примешивалось тревожное ощущение, что это не всерьез и ненадолго. И эти сладкие минуты близости будто бы украдены у судьбы. Но они были. А это лучше, чем ничего.

Дей, как оказалось, на главного героя не был похож абсолютно. Нет, если смотреть со спины боковым зрением без очков и с расстояния в десять метров от экрана, можно было уловить определенное сходство. Но Эмма сей факт признавать отказалась. А на резонный вопрос молодого человека: «Почему?» — осчастливила его примером женской логики. Раз глаза и волосы одинаковые, и оба красивые, значит похожи. Где здесь логика, Деймон так и не понял, но уточнять не стал. Он опасался, что дальнейшие объяснения запутают его еще сильней.

А потом они отправились гулять. И это оказалось неожиданно

интересно. Бродить по улицам, разглядывать дома и прохожих. А еще они зашли в супермаркет и застряли там на три часа. Хотя судя по дикому восторгу в глазах парня, будь его воля — он бы оттуда не уходил вовсе. Столько нового и интересного в одном месте!

Эмма все время улыбалась. Дей вел себя, как ребенок, получивший на день рождения новую игрушку. С любопытством разглядывал, брал в руки, задавал вопросы. Чаще всего интересовало, что это вообще такое и зачем оно нужно? В душе девушки с каждой минутой крепла уверенность, что все будет хорошо. Возможно, это и глупо. Но иногда надежда на чудо — это все, что у нас остается.

Особенно весело прошел поход в продуктовый отдел. Точнее, желание Деймона скупить его полностью. Он бегал от одной полке к другой безо всякой системы, пытаясь охватить все и сразу, а также сообразить, что можно приготовить из этого невообразимого множества продуктов? Один раз к ним даже подошла пара консультантов. Их, видимо, насторожил бегающий по залу парень совершенно неадекватного вида. И девушка прекрасно их понимала. Поведение ее спутника со стороны, действительно, выглядело подозрительно. Но ему самому это было глубоко безразлично. А консультанты уже через две минуты пожалели о том, что предложили помощь этому странному клиенту, через три — поняли, что их квалификация не выдерживает никакой критики, а через пять — дружно решили уволиться. А ведь парень задавал вполне логичные и закономерные вопросы. Например, почему в состав «Натурального меда» входит все: и сахар, и загустители, и усилитель вкуса, и даже соль, а вот самого меда нет? Или как можно приготовить соевый соус без сои? И наконец, чем отличаются приправа для мяса от приправы для рыбы, если их состав идентичен?

Через шесть минут сотрудники супермаркета, не выдержав, признались, что ответов на данные вопросы не знают, и знать не хотят. И, вообще, они — не энциклопедия. Еще через пару минут после последнего вопроса Деймона: «В какой конкретно энциклопедии он может все это узнать?» — к ним подбежал администратор зала — невысокий шарообразный мужчина в очках. Он слезно умолял не устраивать скандал и обещал разобраться с поставщиками и производителями. И тут Эмма поняла, что больше смеяться уже не может.

— Не беспокойтесь, — улыбнулась она. — Просто мой друг любит готовить. И к продуктам у него особый подход. От выбора ингредиентов во многом зависит вкус блюда. Вы ведь понимаете?

Администратор выразил свое согласие с такой горячностью, что даже у Деймона не возникло сомнений в том, что мужчина не понял ничего из сказанного Эммой. Исключение составило лишь их нежелания идти на конфликт. И этот факт его обрадовал настолько, что он решил действительно выполнить обещание разобраться с производителями. По крайней мере, с теми, кто выпускает вышеозначенные мед и соус. А-то действительно непорядок выходит.

А девушка, побросав в корзинку, то, что обычно покупала, не особо заморачиваясь изучением состава, и потащила парня к кассам. Тот, не сопротивлялся, и казался немного потерянным. Тем не менее, в упаковку со специями, он вцепился, как утопающий в спасательный круг. На него разом навалились усталость и невеселые мысли. И половину пути до дома он не проронил ни слова. А потом спросил:

— Я вел себя не правильно?

— Что? — Эмма непонимающе уставилась на него.

— Задавал неправильные вопросы, которые люди не задают. Но в них был смысл. Я не понимаю. Это плохо, что я говорил с этими людьми? Я не спросил у тебя разрешения. Это не разрешено и не запрещено программой. Но я должен был.

— Стоп. Дей, давай по порядку. Ты не должен спрашивать у меня разрешения на то, чтобы с кем-то поговорить. Понял? И разговаривать с людьми — это хорошо. И ты можешь делать это когда захочешь. А вопросы ты задавал правильные. Просто, люди действительно их почти не задают. Разучились. Так что все хорошо. Не беспокойся. Ладно?

Услышав это сбивчивое объяснение, молодой человек улыбнулся. А потом поймал себя на мысли, что сделал это неосознанно. Просто потому, что захотелось. И через минуту молодой человек, отобрав у Эммы пакет с покупками, потащил домой уже ее. В своих мыслях он был уже на кухне и листал поваренную книгу, пытаясь выбрать между «Мясом по-французски» или «Рыбой запечной с сыром». Но закрыться в кухне и выпасть из реальности на пару часов у парня не получилось. Дома их ждал неприятный сюрприз. Отказала система отопления. Причем у половины жилого комплекса. А это целых пять домов.

— Неужели снова? — простонала Эмма. — Второй раз за месяц! И когда это починят?

— Завтра, — ответил мужчина в униформе.

— Почему завтра? Вы ведь здесь, — попыталась достучаться до него девушка.

— А сегодня нерабочий день. Ремонтная бригада ради каких-то трущоб в выходной выезжать не станет. В мои обязанности

входит только зафиксировать факт поломки. Я это сделал. Ждите очереди.

— Но сейчас ведь зима. Холодно. И что нам делать? Мы же можем заболеть.

— А это мои проблемы? Меня, вообще, ваша судьба не волнует. Хоть подохните все тут. Наш округ без вас только чище станет. Жалкое отрепье.

И тут на Деймона нахлынула волна негодования. И из него вырвалось что-то, чему он не мог дать названия. Но это являло собой реакцию настолько естественную, что Программа нервно курила в сторонке. И контролю данная реакция не поддавалась совершенно.

— Сер, Ваше поведение недостойно! К леди нельзя обращаться так. Извольте немедленно извиниться!

— Эй, южанин, ты себе последние мозги отморозил? Где ты тут увидел леди? И, вообще, иди отсюда и феечку свою с собой забери.

— Извольте немедленно извиниться! — уже прорычал Дей.

Их обступила жадная до сплетен толпа жителей их дома. Представитель органов жизнеобеспечения ухмылялся, уверенный в полной безнаказанности. Ведь с жителями подобных районов церемониться не принято. А парня в прямом смысле трясло. Эмма схватила его за локоть и потянула в сторону подъезда, расталкивая вставших на ее пути зевак.

— Успокойся, Дей. Успокойся, — тихо приговаривала она. — Все хорошо. Пойдем. Пойдем домой.

— Но так нельзя, — тихо, почти шепотом отвечал ей молодой человек. — Мужчина не должен так вести себя с женщиной. Это неправильно. И он должен извиниться.

— Не должен. То есть, конечно, должен. Но не станет. Ждать уважения по отношению к женщине от него — верх наивности. К феечкам с почтением не обращаются. А в эту категорию входят все женщины, которые живут здесь. Такие, как он нас за людей не считают. И ничего ты с этим не сделаешь.

— А кто такие феечки? — нахмурился Деймон. Он начал приходить в себя и попытался выстроить логическую цепочку.

— Ну… как бы тебе объяснить? Это, скажем так, дамы, которые неразборчивы в вопросе выбора… половых партнеров, и оказывают услуги интимного характера. Примерно так. Эй, дыши! Вдох-выдох. Вдох-выдох. Это, конечно, оскорбление, но лично мне безразлично, что думают обо мне всякие придурки. Так что забудь.

— Эмма, а почему он назвал меня южанином?

— Ты назвал меня «леди». Такая форма обращения к

женщинам принята только в Южном округе. А фраза: «Извольте немедленно извиниться» — вообще визитная карточка южанина. Они любят выстраивать замысловатые словесные конструкции. А еще вежливы до крайности. А к дамам такое трепетное отношение! Юг был бы раем на земле, если бы не их слабый пол. Обратная сторона менталитета их мужчин привела к тому, что почти все местные жительницы напоминают пустоголовых фарфоровых кукол. Ох, как же тут холодно! Мне кажется, или на улице было теплее?

— Не кажется.

— И что же нам теперь делать?

— А поломана только система отопления или еще что-то? Просто, если работает электричество или кухонная плита, то мы можем сейчас выпить чай и согреться. А после что-нибудь придумаем.

Результатом совместного творчества стал собранный стол и перенесенный на его место диван из гостиной. Так как плита оказалась единственным источником тепла, было решено обосноваться на кухне. Правда с мечтами о рыбе или мясе пришлось попрощаться. Потому что без рабочей поверхности Дей не мог сделать ничего. Ни один из известных ему рецептов не предполагал такого экстремального минимализма. В малогабаритной кухне теперь невозможно было не то что готовить, но и ходить. И то и другое вдруг стало опасно для здоровья. Но парень не унывал. Благодаря этому новому для него опыту, он понял, зачем нужны полуфабрикаты. Правда, он не совсем понял, как это можно есть.

А потом они приглушили свет и одетые забрались на диван под одеяла. Деймон лежал на спине, глядя в потолок. Девушка устроилась рядом, укрывшись с головой. Она ненадолго задремала, уткнувшись носом в его плечо. Сейчас Эмма казалась такой нежной и хрупкой, и такой безгранично близкой, что у парня перехватило дыхание. Ему вдруг подумалось, что в словосочетании: «Моя хозяйка» главное слово: «Моя». Но, что делать с очередным озарением он не знал. Да и не имело это на данный момент никакого значения.

— День был таким насыщенным, — шепотом произнесла девушка и потерлась щекой о ткань его рубашки.

А Деймон в свою очередь медленно перевернулся на бок и нежно обнял, притягивая ее к себе еще ближе. Это шло в разрез с требованием программы «избегать несанкционированных тактильных контактов». Но ничего более естественного и правильного молодой человек даже представить себе не мог.

Ночью его разбудила Эмма. Она трясла его за плечи и звала.

— Что? Я…

— Дей, тебе снился кошмар. И ты кричал во сне.

— Я кричал во сне?

— Да. Сначала ты звал Дарину, просил остановиться и не убивать ее. А потом сказал: «Кристиан, ты, поэтому назвал свой проект именно так? Потому что научился красть души? Ведь „Anima“ — это „жизненное начало“, душа». Это было очень страшно.

— Но откуда я это взял? Я же…

— Я не знаю, Дей. Но не возникло, же это на пустом месте. А это значит, что ты не просто андроид.

— Я — что-то другое?

— Ты — кто-то другой. Не андроид уж точно. Им не снятся по ночам кошмары.

— Это может быть сбой системы.

— А может и не быть. Я не верю в случайности и совпадения. Но ни доказать не опровергнуть наши предположения мы не можем. По крайней мере, сейчас. Поэтому давай спать.

— Я могу быть человеком? — хрипло спросил Деймон, но ответом ему стала лишь давящая тишина.

Такое вообще возможно? Это абсурдно. Глупо. Смешно. Но вполне логично. И многое объясняет. Парень был потрясен. Такая мысль ему еще в голову не приходила. Он ведь точно знал, что является кибернетическим организмом, вещью. Его создали. У него даже хозяйка есть. Вот она сидит рядом, сжимая ледяными пальцами его запястье, на котором набит серийный номер. И человеком он быть не может. Люди не продаются в супермаркетах. Или нет?

ГЛАВА 10

Утро у молодых людей выдалось бурное. Эмма пыталась собраться на работу и позавтракать. Деймон старался по мере сил и возможностей ей в этом помочь. А в экстремальных условиях почти минусовой температуры и невозможности передвигаться по кухне, не спотыкаясь о диван, или друг друга, это было особенно весело.

Ночные страхи и догадки не покинули их насовсем, но в свете нового дня немного поблекли, и как-то сгладились. Жизнь продолжалась и шла своим чередом. Эмма все также целыми днями пропадала на работе. А Дей развлекался, как хотел. Он учился делать ремонт, готовить новые блюда и общаться с людьми. Потому что ему нужно было покупать продукты для кулинарных опытов. Эмма делать это отказалась наотрез. Так как по ее утверждению она хорошо умела выбирать только полуфабрикаты, и уж никак не сырые овощи или мясо. А из специй знала лишь укроп и паприку. Первое отлично сочеталось с картофелем, второе — со всем остальным. Поэтому Молодой человек сразу после завтрака одевался и шел в ближайший торговый центр. Проводил там около получаса, и шел домой. Сам того не ведая он устраивал целое шоу на которое сбегались как сотрудники, так и простые покупатели. И вроде бы ничего особенного он не делал, ничего экстраординарного не спрашивал, но каждый его поход в продуктовый отдел оканчивался аншлагом. Черноволосый южанин за несколько дней стал местной достопримечательностью и любимцем дам.

Его считали немного странным, но чаще всего это списывали на особенности менталитета. И у него не всегда получалось общаться с этими людьми, которых он не всегда понимал. Но никто из них не догадывался, что он — андроид. Его звали по имени и говорили: «Смотрите, этот парень снова здесь». И это ему нравилось.

А вечерами они с Эммой разговаривали о том, как прошел день и о многом другом. И Деймон каждый вечер стремился почувствовать ее близость. Ему нравилось лежать на диване, положив голову на ее колени переплетать их пальцы, наслаждаться ночной тишиной, ощущением тепла и нежности. Девушка не возражала, но никогда не прикасалась к нему первой. Ей будто бы что-то мешало. И однажды он спросил, почему она так себя ведет. Она тихо с нотками грусти в голосе ответила:

— Потому что люблю тебя.

Это было как удар в солнечное сплетение. Странно.

Волнующе. И отчего-то больно.

— Не надо так говорить, — неожиданно резко оборвал ее он. — Это неправильно любить компьютер. Пусть даже я и выгляжу, как человек. От этого я не перестаю быть грудой железа в органической оболочке, с материнской платой вместо мозгов и процессором вместо души.

— Деймон…

Эмма положила руку ему на плечо, но он оттолкнул ее и встал. Девушка выглядела подавленной, и Деймон едва не поддался желанию обнять ее, утешить, и заверить в своих чувствах. Правда, на данный момент он не совсем понимал, какие конкретно чувства к ней испытывает. Это было слишком сложно. А его очень скудный эмоциональный опыт не позволял ему в этом разобраться. Наверное, поэтому он и продолжил свою обличающую речь:

— Я не Деймон. Я Модель TSA-357_683. Эмма, пожалуйста, прошу тебя, не нужно. Компьютер не сможет полюбить тебя в ответ. Этого нет в программе. Чувства машине ни к чему. Вот эмоции, да. Мы же игрушки. А игрушки, видимо, должны правильно себя вести. Иначе с нами будет не интересно. Я не хочу видеть, как причиняю тебе боль. День за днем. Понимать, что ты проводишь со мной время, когда могла бы найти человека, который смог бы любить тебя так как ты того заслуживаешь. Или просто мог любить Эмма, мне страшно!..

— Ну, вот. А говорил, что не можешь испытывать чувства. Хотя, совсем недавно ты что-то подобное говорил и про эмоции.

— Это не важно.

— Важно!

— Страх — это одна из базовых эмоций.

— Но ты боишься не столько за себя, хотя и это присутствует, сколько за меня. А это уже полноценное чувство. Нет, а ты все-таки хорошо поддаешься техникам эмоционального влияния. Всего-то две недели прошло, а у тебя уже кризис личности назрел, иррациональные страхи появились. Еще пару месяцев и ты станешь обычным человеком. В смысле обзаведешься парой фобий, тройкой маний и полноценным неврозом или психозом. Думаю даже, в самом ближайшем будущем ты будешь способен на истерики с криком на всю квартиру и битьем посуды.

— Эмма, ты используешь закрытые техники?

— Почему нет? Я что зря три года училась?

— Это же незаконно.

— Глупости! Ведь если ты не человек, да-да, я, наконец, признала, что ты андроид. Только не зазнавайся. Я это сделала лишь потому, что мне это выгодно. Так вот, если ты андроид, то

все просто. Эти техники нельзя использовать только по отношению к людям. Про кибернетические организмы в постановлении ООН ничего сказано не было. И вообще, компьютеры не поддаются никаким техникам влияния. Потому что тут идет работа с подсознанием. А у машин его нет. У них имеется программа и все. Но ты-то поддаешься. Вывод сделай сам.

— Я боюсь за тебя. И боюсь тебя потерять. Ты — весь мой мир.

— И после этого ты можешь утверждать, что у тебя вместо души процессор? Балбес ты, Дей. В тебе больше человечности, чем в ином десятке людей. И, да, ты определенно южанин. Много благородства и мало здорового эгоизма, а здравого смысла так вообще нет. Я правильно понимаю: ты боишься потерять меня, но, в то же самое время, предполагаешь, что мое место рядом с другим мужчиной? Кстати, рада тебя поздравить. Одна фобия у тебя уже имеется.

— ЭММА!!! — заорал парень.

— Вот это темпы социальной адаптации! Только посуду не бей. У нас ее и так мало. И лбом о стенку не бейся. А-то, смотрю, уже примеряешься. Я это тебе как дипломированный психолог заявляю: мозги на место от этого не становятся. А сотрясение почти гарантировано. Хотя, если очень хочется… стены у нас все равно гипсокартонные. Так что, скорее всего, отделаешься ты лишь легким ушибом.

— Эмма, я не понимаю. Ничего. Ни что происходит, ни как это возможно. Но почему ты меня любишь? Я же…

— Люблю и все. Глупый, разве любят почему-то или за что-то? Нет, любят просто так. И ты это поймешь. По крайней мере, я в это свято верю.

— Но я…

— Тише, — девушка приложила пальчик к его губам. — Разве речь о тебе? Я люблю тебя. Сможешь ли ты полюбить меня, покажет время. А сейчас давай остановимся на том, что ты — мой мир, а я твой. Сейчас нам большего и не надо.

Девушка улыбнулась и провела кончиками пальцев по его щеке. А Дей поддавшись какому-то необъяснимому порыву, накрыл ее губы своими. Очень нежно. А через секунду Эмма оплела руками его шею, прижимаясь к нему все плотней и плотней. Их сердца стучали в унисон, и им не хватало воздуха.

— У твоего поцелуя вкус вересового меда, — шепчет парень, отрываясь от ее губ и глядя на подругу затуманенным взором. Девушка улыбается и обнимает его крепче.

— Почему ты так решил?

— Помню. Нет, не помню. Не знаю. А если я постучусь головой о стену, легче не станет?

— Нет, милый. К сожалению.

— Жаль, — тяжело вздохнул он, а потом, лукаво улыбнувшись, сказал. — Мне нравится вкус верескового меда. И это того стоило.

— Ты сведешь меня с ума! Нет, уже свел. И радуешься. А это не справедливо!

Парень, самодовольно улыбнувшись, снова склонился к ее лицу. Они смогли оторваться друг от друга только спустя несколько минут. И это не было заслугой Деймона. Он был готов провести за этим интереснейшим занятием остаток ночи. Но Эмма мягко отстранилась и жалобно посмотрела на него. А потом спешно ретировалась в собственную спальню. Снова ничего не объяснив. Она прекрасно понимала, что прячется не столько от Деймона, сколько от собственных желаний. Но что еще ей оставалось делать? Она прекрасно понимала, как действует на нее этот черноглазый мальчишка. Еще немного и она попросит его не останавливаться. С ее губ почти сорвалась просьба-приказ: «Продолжай». И ей стоило огромных усилий удержаться. Потому что это все было неправильно. По ее мнению.

По мнению Деймона все было непонятно, и лишено какой бы то ни было логики. Ведь ей нравилось то, что он делал. Он чувствовал это. Потому что она отвечала на поцелуй, обнимала его. Так зачем же было отстраняться и убегать?

«Собака, как известно, друг человека. А кошка — священное животное. Выбирая себе питомца, не забывайте об этом. Это поможет сберечь нервы и здоровье. Подумайте, кем вам хотелось стать для вашего нового друга. Если хозяином, то выбирайте собаку. Кошке совершенно безразличны ваши желания. И помните, что скорее уж она выдрессирует вас, чем вы ее», — вспомнилось Эмме статья, прочитанная много лет назад. И она не знала смеяться ей или плакать. Потому что Деймон начал вести себя, как кот и сейчас очень напоминал Риэля. В смысле, он также обнаглел и активно демонстрировал, кто именно в доме хозяин. Ненавязчиво и почти незаметно этот неправильный андроид менял ее жизнь. Он на самом деле становился для нее всем миром и центром вселенной в одном флаконе. Но противиться ему она не могла. Это было сильнее ее. И даже более того, ей это нравилось. Деймон целовал ее, обжигал страстными взглядами и повадился носить на руках. Девушку бросало в жар от его прикосновений. От поцелуев она почти теряла голову. Почти. Это ее и спасало. Дальше они не заходили, продолжая спать на

разных кроватях. Эмма крепко держала оборону. А Деймон, услышав решительное «нет» отступал. Он вообще ни на чем не настаивал, но в один прекрасный день выдал:

— Я буду встречать тебя по вечерам.

Эмма удивленно приподняла брови. Она стояла в дверях, готовая умчаться на работу. И ожидала услышать привычное: «Удачного дня» или «До вечера». Девушка улыбнулась:

— Ты же и так встречаешь меня.

— Нет, — жестко отчеканил парень. — Я буду встречать тебя на станции. Ходить одной опасно.

— Дей, я уже несколько лет тут хожу и ничего. Что со мной может случиться?

Это было бравадой. Эмма прекрасно понимала, что молодая девушка, которая бродит по неосвещенным улицам их не слишком респектабельного района искушает судьбу. И всегда есть вероятность, что она не дойдет до собственного дома. Но если думать об этом постоянно, можно сойти с ума. Да, многих из живущих тут женщин по вечерам встречают их мужья или братья. А ее будет встречать Дей? Его ведь самого защищать нужно. Может, конечно, и не нужно. Он сейчас активно демонстрирует самостоятельность, и даже определенную самодостаточность. Но она боится за него. И гораздо больше, чем за себя.

— Только за последний месяц пропали две девушки. Бесследно. А полиция даже не пытается их искать. Говорят, что у них не было жилья, только съемные квартиры. Не было постоянной работы. И они могли просто уехать. Эмма, ты — мой мир, мой свет и моя жизнь. И я хочу исключить любую возможность того, что ты окажешься в опасной ситуации. Я хочу быть рядом. Всегда.

— Всегда? Дей, это невозможно.

— Понимаю. Но я и не прошу этого. Просто позволь мне быть с тобой тогда, когда я нужен тебе. Буду ждать в семь на станции.

— Не надо.

— Ты меня любишь? — неожиданно серьезным тоном спросил он.

Такого финта девушка от него не ожидала. Она тяжело вздохнула, сообразив, что ее сейчас будут шантажировать. А Деймон с какой-то затаенной болью смотрел в ее глаза. Дождался несмелого кивка и пошел в наступление. Сделал шаг навстречу. Переплел их пальцы, и, склонившись к ее лицу, с придыханием произнес:

— Тогда не спорь. Поверь. И прими. Так должно быть.

Дождавшись еще одного кивка, он самодовольно ухмыльнулся, а затем приник к ее губам. Властно и одновременно

очень нежно. А потом чмокнул на прощание в нос, помог надеть куртку и развернул в сторону двери. Девушка послушно развернулась и пошла. Дверь. Лестничная клетка. Улица.

Эмма двигалась на автомате, механически. Она была несколько удивлена поведением своего… как же его теперь называть? Приятелем? Другом? Возлюбленным? Последнее подходило лучше всего, но звучало как-то пафосно. Непривычно. Так вот, этот ее… возлюбленный начал ею манипулировать, подавлять. Причем делал это с невероятной легкостью, будто играя. Он, вообще, с каждым днем становиться все увереннее. И сильнее.

Чертов андроид и в самом деле сделался всем ее миром, ее светом и воздухом. Хотя, какой он андроид? Бездна! Бездна! Бездна! Андроиды не диктуют условий своим хозяевам и не испытывают эмоций. А еще им не снятся по ночам кошмары.

Это было и хорошо и плохо. С одной стороны любить того, кто способен ответить тебе взаимностью не в пример проще. А девушка отдавала себе отчет в том, что ее чувства к этому странному парню с каждым днем становятся все ярче и острее. Он ведь особенный. И он рядом. С другой стороны именно исключительность Деймона и пугала ее. Мы ведь боимся всего непонятного.

У Эммы было два более или менее логичных объяснения «странностям» ее андроида. Нет, даже три. Первое. Он — человек, потерявший память и по каким-то причинам (не будем уточнять каким) считающий себя кибернетическим организмом. Это, правда не объясняет, почему кибернетическим организмом его посчитали в «Нео-инкорп» и продали в торговом центре. Теория, конечно, бредовая. Но имеет право на существование. Хотя, кто бы в здравом уме согласился сделать с человеком такое? Но ведь Деймон той ночью упоминал какого-то Кристиана, который «научился красть души». Второе. Деймон — действительно андроид. Но бракованный. И виной всему системная ошибка. А это значит, что он такой (способный мыслить и чувствовать) может быть и не один. А третье: она сошла с ума. На почве сильных стрессов, долгого одиночества, или еще чего. И ей это все кажется. А видит она в своем друге человека, только от того, что хочет видеть. На самом же деле он — тупая жестянка, не более.

Девушка все еще находилась во власти не слишком веселых мыслей, когда дошла до своей работы. Разделась в холле и направилась в свою группу. Там уже сидели две ее коллеги блондинка Стела и шатенка Лора. Две подружки-сплетницы о чем-то увлеченно шептались, но увидев ее, смолкли.

— Доброе утро, — сдержанно поздоровалась Эмма.

— Доброе утро, — растягивая гласные, пропели девушки.

— О! Эмми, — фальшиво улыбаясь, начала Стела. — Мы тут слышали, что ты теперь съехалась с красавчиком южанином. Вас видела вместе Роза. Ах, когда это было? Вчера? Или позавчера?

— Да, — подхватила Лора. — Неужели наша ледяная дева решила оттаять и впустить в свою постель мужчину? Но мы, конечно, не поверили. Так низко пасть, вступив в добрачную связь… нет, это мог быть кто угодно, но не ты.

Эмма стиснула зубы, а эти две очаровательные особы подленько захихикали. Но девушка знала, что показывать им свою слабость нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Иначе станешь жертвой постоянных насмешек. Поэтому изобразила на лице вежливую улыбку и со скучающим видом обвела помещение. Стервятницы приуныли. Жертва отказывалась реагировать, поэтому Стела попробовала еще раз вывести ее из равновесия:

— Или мы все же ошиблись, и ты можешь рассказать нам о своих ночных приключениях?

Такие высказывания находились уже за чертой, которую можно было переступать в светской беседе между коллегами. И Эмме вдруг очень захотелось жестко поставить подружек на место. Что привело бы к скандалу. А это было нежелательно, ведь через несколько минут начнут подходить дети. Спасла ее Хелена — миниатюрная девушка с ангельским личиком, пшеничной косой до пояса и стервозным характером. И хотя Нене никогда не упускала случая кого-нибудь подколоть, человеком она была в целом неплохим.

— Девочки-девочки, не надо завидовать. Понимаю, южане народ красивый. А здесь они, вообще, экзотика. На всех не хватает. Мы вам сочувствуем. Но не настолько, чтобы делиться столь интимными подробностями. И завидовать не надо. А если и завидуете, то завидуйте мне. Я все-таки за своего южанина вышла замуж, тогда, как вы сидите в старых девах.

Нене обвела двух сплетниц презрительным взглядом, незаметно подмигнула Эмме и с независимым видом удалилась. И тут в группу зашел первый малыш. А за ним еще один, и еще, и еще. Разговоры на посторонние темы тут же стихли. Эмма облегченно выдохнула. Она очень не любила всякого рода свары. И ее очень обрадовало, что одна прошла стороной.

* * *

Деймон осторожно прикрыл за подругой дверь. Да, именно

подругой, а не хозяйкой. Сейчас он понимал это особенно отчетливо. Победа в утреннем споре кружила голову. А при воспоминании об этом ему хотелось улыбаться. Она его послушалась, подчинилась. Приняла его право заботиться о ней. И теперь он будет это делать.

«Мужчина должен заботиться о женщине» — так говорил его отец.

— О, Бездна, — застонал парень. — Что же это такое?

Он тяжело опустился на свой диван и спрятал лицо в ладонях. Это случилось снова. На него накатило так же, как и той ночью. Непонятные образы, незнакомые лица. Ну что за мысли бродят в его голове? Какой отец? У андроида не может быть отца и воспоминаний о нем.

Усилием воли Дей отнял руки от лица и сделал глубокий вдох. Нельзя скатываться в истерику. И не потому, что это идет в разрез с требованиями Программы. Ведь по большому счету на Программу и ее требования он наплевал на второй день собственного существования. В тот день, когда задумался над тем, как можно было бы интерпретировать фразу: «Веди себя хорошо». Мужчина должен держать под контролем собственные эмоции. Безусловно, было бы легче, если бы этих самых эмоций у него не было вовсе. И раз они имеют место быть, нужно учиться владеть ими. Иначе они будут владеть тобой.

Парень потряс головой, словно отгоняя наваждение. Поднялся и пошел в кухню. Нужно срочно прийти в себя. Выпить чая и позавтракать. Сегодня он это сделать не успел. А потом сходить в торговый центр и докупить кое-каких продуктов. Сегодня он собирался освоить духовку. Эмма ведь любит сладкое. А заварные пирожные на картинке выглядели очень и очень аппетитно.

Через три часа Деймон сел за стол, поставив по правую руку от себя свой очередной кулинарный шедевр, а рядом положил поваренную книгу. Критически оглядел горку эклеров. Еще раз перечитал рецепт. Нет, все правильно. Но почему тогда они не такие красивые? И не расстроится ли Эмма, увидев их? Молодой человек тяжело вздохнул и потянулся к подносу. Вытянув самое маленькое пирожное, он еще раз оглядел его. Как оказалось, по отдельности они смотрелись еще хуже. Дей снова тяжело вздохнул. Откусил кусочек. Задумчиво прожевал. А потом широко улыбнулся и потянулся за вторым.

ГЛАВА 11

Так началась их новая жизнь. Точнее она не была такой уж новой. И ничего не изменилось, кроме того, что Дей по вечерам начал встречать свою подругу у станции метро. Они шли по холодным улицам и разговаривали. Обо всем на свете начиная от погоды, заканчивая историей мировых религий. Суть последнего от молодого человека постоянно ускользала. То есть он способен был осознать, что есть такие понятия, как «Бог», «вера», «религиозное учение», но не понимал, кому и зачем они нужны. Деймону нравилось гулять, держаться за руки, и разглядывать пестрые витрины. У молодого человека даже была любимая. Он всегда останавливался на пару минут возле кондитерской лавки и разглядывал выставленные на лотке пирожные. Пока создать нечто подобное ему не удавалось, но он отчаивался. А Эмма не могла пройти спокойно мимо модного бутика, в витрине которого было выставлено белое платье, расшитое изящным кружевом и жемчужным бисером. Легкое, будто сотканное из миллиарда снежинок. Оно было необыкновенным. И девушка думала: «Вот бы примерить его и посмотреть на себя в зеркало». За эти годы она отвыкла от дорогих вещей. И не слишком страдала от того, что не может их покупать. Местное понимание моды было выше ее собственного. Но по простым, и в то же время, изысканным платьям она скучала.

— Почему ты не купишь его? — спросил ее однажды молодой человек.

Эмма вздрогнула, будто он разбудил ее своим вопросом. Потом еще раз посмотрела на белоснежное чудо и тяжело вздохнула. На подставке рядом с платьем стояла карточка-ценник. Вот в него все и упиралось.

— Оно слишком дорогое.

— И что? Ты ведь хочешь это платье. Я вижу: оно тебе нравится. Так почему ты не купишь его?

Эмма только покачала головой и грустно улыбнулась. Иногда ее друг был так сущим ребенком. Нет, она не имела ничего против. Это ведь вполне нормально. Жизненный опыт — дело наживное. Но иногда она не знала, как реагировать на его наивные высказывания.

— Дей, я не могу себе позволить это платье. Да, я хотела бы его купить. Оно очень красивое. Но слишком дорогое. Понимаешь о чем я? У меня просто нет достаточного количества денег.

— Почему? Почему у тебя нет денег?

— У меня маленькая зарплата. Ее хватает, чтобы более или

менее нормально жить. А о таких нарядах мне остается только мечтать. Дей, ну что ты загрустил? Не в деньгах счастье. И не в платьях тоже. Так что я переживу. Пошли лучше домой. Я ужасно замерзла.

Этот разговор от чего-то запал Деймону в сердце. Он постоянно возвращался к нему. Эмма сказала тогда: «Я не могу себе этого позволить». И слышать это было отчего-то очень неприятно. А еще, теперь, он начал замечать тихую тоску, с которой она оглядывала витрины магазинов. И это казалось ему неправильным. Ведь Эмма должна улыбаться, а не грустить. Ему захотелось сделать так, чтобы его девочка могла себе позволить и красивые вещи, и все-все-все что она хотела. И парень решил сделать для этого все, что в его силах. Оставалось только понять, что конкретно он должен будет сделать.

Деймон половину ужина ерзал на своем стуле, отвечал невпопад и смотрел исключительно в свою тарелку. Эмма сначала не замечала этого, потом делала вид, что не замечает. Но через десять минут не выдержала и спросила:

— Дей, ты ничего не хочешь мне сказать?

Парень резко подобрался и настороженно посмотрел на подругу. Но промолчал. Потому, как он ничего не хотел сказать. Понимал, что придется, но желания общаться на эту тему у него пока не было. Он не знал, как его подруга отреагирует на его решение. Боялся, что она будет против. Но в то же самое время понимал: он не отступится, даже если она запретит. Потому, что это правильно.

— Ты нервничаешь, и мнешься, не находя себе места. Из этого я могу сделать вполне закономерный вывод о том, что ты хочешь мне что-то сказать, но не знаешь, как это сделать. Я права?

— Нет… да… Эмма, я… — И снова пауза, сопровождающаяся тяжелым вздохом.

— Дей, не томи.

— Эмма, я могу устроиться на работу?

Девушка на секунду задумалась, нахмурившись машинально и запустив пальцы в волосы. Она попыталась ответить на поставленный вопрос максимально честно и беспристрастно:

— Теоретически, можешь. Но выбор у тебя невелик. Только те профессии, которые не требуют специальной подготовки и ID. Это будет сложно.

Деймон раздраженно дернул головой и с некоторым осуждением посмотрел на подругу. А потом сделал глубокий вдох и отчеканил:

— Эмма, я могу устроиться на работу? ТЫ не против?

— Дей, я когда-нибудь была против? — флегматично ответила вопросом на вопрос девушка. Помолчала пару минут, а, затем, не меняя тона, продолжила. — Ты свободен. Хочешь работать — пожалуйста, работай.

— И ты не хочешь узнать, зачем мне это нужно? — несколько сконфуженно проговорил молодой человек.

— Я это и так знаю. Тебе просто это нужно. Не заморачивайся по пустякам. И сам для себя реши: действительно ли это нужно Тебе? А дальше действуй. Если хочешь, конечно.

— Спасибо.

— Не за что, милый. Но для начала реши, чем ты хотел бы заниматься.

— Мне нравится готовить.

— Только те профессии, которые не требуют специальной подготовки и ID. Дей, ты чудесно готовишь, но…

— Хорошо. Я подумаю.

Но сколько молодой человек не думал над этим, решения не приходило. Парень без образования ID и страховки никому не был нужен. Ему отказывали. Когда мягко, когда в очень грубой форме. Часто просто смеялись и не воспринимали всерьез. Это было неожиданно больно. И обидно. Иногда хотелось бросить все, вернуться домой и больше не выходить из квартиры. Но он не мог себе позволить этого. Нельзя опускать руки. Нельзя сдаваться. Никогда. Но это так сложно. Эмма понимает. Поэтому старается не мешать ему и поддержать, насколько это возможно. Но получается не всегда.

— Как прошел твой день?

— Нормально.

— Тогда почему ты такой грустный?

— Этот мир несовершенен. Грустно.

— Нашел из-за чего расстраиваться! Дей, это нормально.

— Но почему тогда в сети говорят об обратном. Внушают…

Парень запнулся. И не то, чтобы ему не хватало слов, скорее наоборот. Слов было слишком много. И они набегали друг на друга, путались и терялись.

— Что у нас идеальное государство, идеальное правительство? Нет преступности, нет нищеты? А есть неиссякаемые возможности для развития личности… и можно заработать состояние, не имея за душой ни гроша. Это такая политика.

— И этому верят.

Эмма тяжело вздохнула. Она посмотрела на понурые плечи своего друга и отвела взгляд. Ей совершенно не хотелось видеть его потухший взгляд, направленный в пространство. Сейчас

Деймон напоминал ей потерявшегося ребенка. Причем ребенка, который уже не верил, что его найдут. Хотелось успокоить его, объяснить, что все нормально. Но подобрать нужные слова все никак не получалось.

— Верят. До тех пор, пока не столкнутся с суровой действительностью. А у некоторых так хорошо промыты мозги, что даже это не помогает. Я и сама была такой же. Глупой. Наивной. Думала, что смогу сама получить образование, устроиться на хорошую работу, и ни о чем не беспокоиться. Я закончила три курса — первую ступень, только потому, что у меня были кое какие сбережения (подарки на дни рождения, деньги, которые мне давали на карманные расходы). Одновременно учиться и работать было весьма проблематично. А того, что я зарабатывала, едва хватало на съемную квартиру и еду. Непомерные нагрузки, бессонные ночи… к концу третьего курса я была похожа на призрак самой себя. Именно поэтому я и не смогла продолжить обучение. У меня не было ни денег, ни сил. Да, и желания тоже. Слишком тяжело это все.

— И твоя семья не помогала тебе? Ведь родители помогают своим детям.

— Не все и не всегда. Хотя, отец и мог бы. Он не бедствует. И для него дать образование единственной дочери не составило бы труда. Он на шмотки Евы в месяц тратит больше, чем стоит целый курс в моем институте. Но это был вопрос принципа. Он был против того, чтобы я, вообще, училась. Зачем образование девушке из хорошей семьи? Я должна была, по его мнению, выскочить замуж и в двадцать уже нянчить детишек. Мой отец не упускал случая это подчеркнуть подчеркивать мою зависимость от него. Он считал правильной позицию превосходства мужчины над женщиной. Издевательски интересовался: как бы я оплачивала свои счета, если бы он не давал мне денег? На все доводы, что, как только я получу образование, смогу устроиться на работу и сама себя обеспечивать, он просто смеялся. Как будто бы я рассказывала невероятно забавный анекдот! По его мнению, женщина должна украшать мужчину на публике и ублажать в постели. Ну, и рожать детей, конечно. Более ни на что противоположный пол был неспособен. И он не желает выбрасывать деньги в никуда. Ведь овладеть профессией по-настоящему я не смогу. Следовательно, работать все равно не буду. Потому что он, как сознательный гражданин не позволит этого. Ведь рабочие места должны занимать профессионалы, а не те, кто себя ими мнит. А я, как порядочная дочь, должна не о всяких глупостях думать, а к свадьбе готовиться. Мне он и жениха подыскал. Не поленился.

— Этот «жених», — Дей выделил последнее слово. — Он был плохим? Не нравился тебе?

— Не знаю, насколько он был плохим, но уж хорошим, точно, не был. Но мне он очень не нравился. Индюк самовлюбленный. Марк не желал тратить время на меня, и прямо заявил об этом. И еще, что узнать друг друга лучше мы сможем и после свадьбы. Все, что ему нужно обо мне знать, он знает и так. А сейчас ему не до капризов глупой девчонки. И, конечно, он мне не нравился. Слишком уж тот напоминал отца. Да и как может нравиться человек, который считает тебя почти вещью? Ты сам подумай, Дей.

— Мне безразличны люди, которые считают меня вещью. Я не понимаю, из-за чего нужно непременно испытывать по отношению к ним антипатию.

— А я понимаю. И ты поймешь. Со временем, конечно. Так вот, меня он бесил. Причем настолько, что я с ним в одной комнате находиться не могла. Моим личным рекордом были четыре с половиной минуты мирного сосуществования в гостиной. У него был ларингит и все эти четыре минуты он молчал. Но этот тип умудрился достать меня мимикой и жестами. Хотя, помолвка, даже с таким отвратительным парнем, как Марк — не самое страшное, что может случиться в жизни. А вот свадьба — совсем другое дело. Дей, если бы мы поженились, мне бы пришлось не только гостиную с ним постоянно делить, но и постель. От одной этой мысли, мне хотелось что-нибудь с собой сделать. А даже попыталась. Не знаю, было ли это отчаянной попыткой привлечь к себе внимание, или же избежать брака любым путем. Я действительно не знаю. Не уверена, даже, что в полной степени понимала возможные последствия своих действий. Все произошедшее слилось для меня в серую дымку непроглядного отчаяния. И я наглоталась таблеток. Глупо, конечно. Меня откачали. Доктор говорил отцу, что это попытка самоубийства, что мне нужна помощь, лечение. А он дал ему денег и сказал: «Доктор, ну, вы же понимаете, что если поместить ее в клинику, то репутации моей семьи будет нанесен ущерб. К тому же, моя дочь всего лишь перепутала дозировку и все. Не было никакого суицида. Она просто, не слишком умна, как и все женщины. Вы же читали статью доктора Эрика Винора об особенностях женского мозга. Кстати, моя дочь выходит замуж за его старшего сына».

А когда отец забрал меня домой, то пообещал, что если я, хоть словом обмолвлюсь, что это была не случайная передозировка, он до конца моих дней запрет меня в клинике для душевнобольных, а всем скажет, что я умерла. А пустой гроб

хоронят, потому что разбилась в автокатастрофе и от меня ничего не осталось. Я сбежала на следующий день.

— А у тебя не было другой семьи? Тети? Дяди? Бабушки или дедушки?

— Родители моего отца живы и здоровы, если ты об этом. Но они, ни за что не стали бы мне помогать. Скорее уж, первыми засунули бы в психушку. Эти люди отчего-то всегда были мне чужими. Может, я и не права, но мне кажется, они с радостью забыли о моем существовании. А родители матери умерли, когда я была еще совсем маленькой. Мне некуда было идти, но оставаться на Юго-востоке было неразумно. Решила не рисковать. Кто знает, насколько далеко отец решился бы зайти? Так я и оказалась здесь.

— Жалеешь?

— О чем ты, Дей? Я жива, свободна, нахожусь в здравом уме и твердой памяти. А еще немаловажный момент: рядом со мной ты. И я никогда в своей жизни не была так счастлива, как сейчас. А что бы меня ждало там? Поверь, ничего хорошего.

— Но это же не правильно! Не справедливо.

— Да. Жизнь не всегда справедлива. Но это не повод впадать в уныние. Это — причина, по которой сдаваться как-раз-таки и нельзя.

ГЛАВА 12

Алан Грей недоверчиво хмурился. Он был крепким поджарым мужчиной, которому нельзя было дать больше пятидесяти. В его серых глазах светился ум. А легкая седина у висков лишь прибавляла ему шарма.

Алан вот уже десять лет успешно управлял маленькой гостиницей и прилегающей к ней ресторанчику. И в людях он разбираться умел. С первого взгляда мог определить чего стоит тот или иной человек, и каким будет работником. Точнее, Алан так думал до встречи с этим странным парнем.

Деймон Росс, так он назвался, на первый взгляд казался идеальным хостесс. И на второй. И на третий, кстати, тоже. Красивый, вежливый, спокойный и невероятно обаятельный. В этом-то и была проблема. Идеальных людей просто не бывает, и они редко являются тем, чем кажутся. А этот мальчишка казался настоящим сокровищем.

— Ну, что ж, Деймон, как на счет того, чтобы попробовать себя в качестве хостесс? Если справишься, милости просим к нам. Если нет — не обессудь. За тобой закреплено пять столиков. Принимает и приносит заказ официант. Ты же должен будешь встретить гостя или гостей, проводить к столику, помочь даме снять верхнюю одежду и повесить ее. Будь внимателен: номер каждого ящичка соответствует номеру столика. И выполнять просьбы гостей. Позвать официанта, принести салфетки, или стакан воды или что-то в этом роде. В общем, ты должен сделать так, чтобы посетители были всем довольны. Понял?

— Да.

— Ну, тогда приступай.

Алан недоверчиво хмурился. Новичок справлялся идеально. И придраться к его работе нельзя было, даже при желании. Он все делал безукоризненно. И это настораживало. Молодые люди редко бывают столь старательны и выдержаны.

— Парень, ты, что же совсем не устаешь?

— Нет.

Некоторое удивление в голосе. И незаданный вопрос в глазах: неужели я должен был устать, отработав четыре часа без перерыва?

— И капризы клиентов тебя не раздражают?

— Нет.

Снова невысказанный вопрос: «А меня должно было это раздражать?» Алан за всю свою жизнь еще ни разу не видел ничего подобного. Старый Мартин Стокер — завсегдатай этого

ресторанчика и головная боль всех хостесс третировал парня больше двух часов. А тот даже виду не подал, что его хоть немного вывели из себя придирки этого маразматика. Даже самые стойкие не выдерживали его больше получаса. Парень мало того, что не сорвался на капризного старика, он еще и находил в себе силы ему вежливо улыбался. А это было за гранью понимания Алана.

— Ты вообще живой человек?

Деймон на секунду замялся. Он не знал, как ответить на этот довольно простой вопрос. И не только потому, что довольно глупо с его стороны рассказать о том, кто он. Но еще и от того, что сам молодой человек не был в этом так уж уверен в собственной природе.

— Если я скажу, что мне очень нужна работа, это будет достаточным ответом на ваш вопрос?

— У тебя железная выдержка, безукоризненные манеры и приятная внешность. Но нет ID. Мальчик, что ты натворил?

— Ничего противозаконного. Действительно. Не беспокойтесь. Полиция меня не разыскивает. Но рассказать Вам, почему у меня нет документов, я не могу.

— Ладно, будем считать, что я тебе поверил. И последний вопрос. Не против? Зачем тебе нужна эта работа?

— Деньги. Мне просто нужны деньги. Не имеет особого значения, что я при этом буду делать. Ненавижу ощущение беспомощности, когда она с тоской смотрит на витрины магазинов. Ненавижу, когда она говорит: «Мы не можем себе этого позволить». Я хочу, чтобы у нее было все. Или хотя бы то, что я могу ей дать.

— Жена?

Молодой человек едва заметно покачал головой. Но пояснять не стал. Мужчина нахмурился. М-да… этот паренек снова умудрился удивить его. Алан ожидал чего угодно любого ответа от грубой лести в адрес его заведения или его самого, до какой-нибудь глупости, вроде «захотел попробовать себя в новом деле». Но не такой обезоруживающей откровенности. А потом неожиданно для самого себя сказал:

— Ты принят в штат. Жду завтра к восьми утра. Не опаздывать.

Деймон кивнул, а потом солнечно улыбнулся. У него получилось. У него действительно получилось! На губах улыбка, а в горле неожиданно появляется ком. И единственное, что удается сказать:

— Спасибо, шеф.

* * *

Это утро было особенным. И Деймон ужасно гордился тем фактом, что сегодня не он провожает Эмму, а она его. Чтобы успеть на работу вовремя, Дей должен был выйти намного раньше нее. Она беспокоилась. И молодой человек видел это. Но так было нужно. Дей был абсолютно уверен в правильности своего решения. Он хочет заботиться о ней. Потому что больше некому. У Эммы кроме него никого и нет. Так что это не просто желание, но и его святая обязанность — помогать ей. А для начала он должен научиться заботиться о себе. Обеспечивать себя, в конце концов.

Возле служебного входа его ждал худощавый светловолосый паренек лет двадцати на вид. В его голубых глазах светился ум и озорство. А лукавая улыбка и очаровательные ямочки на щеках лишь подтверждала, что перед ним шутник и неисправимый оптимист. Деймон отчего-то сразу понял: характерами они сойдутся, и может быть, даже подружатся. И дело было не в их схожести, а как раз наоборот.

— Привет, новичок!

— Привет.

— Ты ведь Деймон. Верно? Сократить можно? Отлично! Итак, Дей, я — Шпилька. Нет, ну на самом деле мое имя Ярослав. А Шпилька — это прозвище. Звать меня можешь и так и так. Мне фиолетово. И я твой напарник на ближайшие пару недель. А дальше — как получится. Меня в основном дольше двух недель никто не выдерживал. Итак, работаем в паре. Страхуем друг друга. Помогаем по мере сил и возможностей. Делаем все то, что ты вчера, только вдвоем. И улыбаемся. Это первое правило хостесс. Одному очень тяжело. В паре легче. Алан всегда так делает. На прочность так проверяет. В стрессовой ситуации ярче проявляются основные черты личности. Вот он и устраивает ее претенденту, а потом смотрит. Но ты □- молодец. Справился. Кстати у тебя подружка есть? Это хорошо, что есть. Потому как я в сравнении с тобой слегка проигрываю. Потому что девчонкам нравятся томные брюнеты. А голубоглазые блондины в сравнении с ними вообще не котируются. Мы нынче не в моде. Так что меня очень радует, что ты занят, и за внимание наших девочек соперничать со мной не будешь. Ты же не будешь?

— Эй, ты всегда такой общительный? — усмехнулся Дей.

— Нет. Я просто устал сильно. Вторую неделю без выходных работаю. У нас трое хостесс уволились. А шеф все никак замену подобрать им не мог. Вот и пришлось работать на пределе сил и возможностей.

Деймон недоверчиво изогнул бровь, а его новоявленный напарник несколько виновато улыбнулся.

— Потом поймешь. Эта работа выматывает. И не столько физически. Тяжело улыбаться десять часов в сутки. Тяжело быть воплощением идеала. Ну, и временами нас всех начинает заносить. Я еще относительно безобидный.

— Ключевое слово в этой фразе «относительно» или «безобидный»?

— Первое. Знаешь, что-то мне подсказывает, что мы поладим.

— Надеюсь на это.

— Нет, точно поладим. Кстати, сейчас у нас по плану экскурсия. Пойдем, я тебя с ребятами познакомлю. Они классные. И шеф у нас самый лучший. Ты не подумай, что я так говорю, потому что он мой дядя. Нет, Алан действительно неплохой начальник, да и человек хороший. Невозможного не требует, своих не бросает, зарплату вовремя платит. А это очень важно. Ну, ладно, пойдем.

И они вошли. Тепло уютного ресторанчика тотчас окутало их, разливаясь негой по телу. Деймон с любопытством огляделся. Здесь было очень красиво. Пластиковые панели, имитирующие дерево. Круглые светильники в стиле ретро. Красная ковровая дорожка. Приятный полумрак. Нежная тягучая мелодия, доносящаяся из главного зала. Нет, здесь не просто красиво, а еще и изыскано. Вчера Деймон не обращал внимание на интерьер. Не до того было. Но сегодня…

— «Астра» и тебя очаровала? — неожиданно раздался над ухом парня голос Ярослава.

— Что?

— Я тебя напугал? Извини. Не хотел. Просто у меня возникло такое чувство, что ты меня поймешь. «Астра» — особенное место.

— Что за «Астра»?

— Дей, ты откуда свалился? И сколько раз при этом головой ударился? Так гостиница называется и ресторан заодно. Нет, что-что, а скучно мне с тобой точно не будет. Это же надо было даже не поинтересоваться названием места, в котором будешь работать.

Шпилька засмеялся. Но как-то по-доброму, необидно. И Деймон засмеялся в ответ:

— Да, вот такой я оригинал.

* * *

Это утро было особенным. Сегодня Дей был очень счастлив.

Он просто светился. Улыбка не сходила с его губ. И Эмма старалась радоваться за него. Но получалось это у нее, скажем так, не очень. Ей казалось, что все слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком хорошо. Девушка, не вполне осознавая это, старалась быть к нему, как можно ближе, постоянно касалась его и не спускала с него глаз. Она понимала, что стоит ей сказать хотя бы слово, Деймон останется дома, не высказав даже толики неудовольствия. Он будет встречать ее вечерами, и готовить ужин. Только другом ее он быть перестанет, превратившись в андроида. Именно это заставляло Эмму натужно улыбаться и молчать.

Обеденный перерыв стал настоящим спасением. Больше всего на свете Эмме хотелось взять в руки чашку с горячим чаем и хотя бы немного расслабиться. Крошечная кухонька для персонала встретила девушку неожиданным теплом. Обычно там было не очень уютно. Сквозняки и вечно сбоящее отопление создавали ощущение, что на улице, какая бы там погода не была, намного теплее. Но сегодня, было совсем не холодно. И очень тихо. Кто-то уже пообедал, а кто-то еще только собирался подойти. Кроме Эммы там было человек пять или шесть. И все они сидели за одним столиком, что-то бурно обсуждая. Девушка села возле окна. Поближе к свету и подальше от шумной компании. И сидела, удерживая в руках тяжелую чашку, наполненную горячим чаем уже несколько минут. Но, все еще не сделав ни единого глотка. Она словно бы пыталась отогреть заледеневшие пальцы, только сейчас почувствовав, насколько ей холодно.

Эмма весь день не находила себе места. Она беспокоилась за Деймона. Очень беспокоилась. И ничего не могла с собой поделать. Этот мир жесток и опасен. Особенно для таких, как он невинных, ранимых, неприспособленных к жизни. Девушке было бы намного спокойнее, если бы он сидел дома, раз в день, прогуливаясь до торгового центра и обратно, а не стремился защитить ее. Потому, как Эмма в большей степени беспокоилась за него, нежели за себя. Да, это чистой воды эгоизм. Дей, кем бы или чем бы он ни был, заслуживает полноценной жизни. Со всеми ее горестями и радостями, победами и поражениями. А навязывать ему роль домашнего любимца просто не честно. И не справедливо. Потому что он не котенок и не игрушка. Он ее заколдованный принц. Вот только она сама не принцесса.

В этом и заключалась вся сложность. Девушка очень боялась потерять его, остаться одной. Ведь кроме него у нее никого и нет. И Эмма была не уверена, что когда-нибудь будет. Ведь до этого она никому не была нужна. С сего бы вдруг ситуации измениться? И с каждым днем страх потерять его все больше и больше

поглощал ее душу. Это было глупо и в высшей степени нелогично. Потому что она не хотела любить бесчувственную куклу. Для нее было важным его отклик. Но чем более эмоциональным и независимым становился Деймон, тем сильнее пугало ее то, что в один прекрасный день она станет ему не нужна.

— Эмма, ты не заболела? — выдернул девушку из собственных мыслей голос Хелены.

— Привет, Нене. Я в порядке.

— На тебе лица нет. Что-то случилось?

— Нет, все хорошо. Просто нервы. И усталость.

Хелена присела рядом с растерянной девушкой и нахмурилась. Ей совершенно не нравилось то, что творилось с Эммой. Они не были подругами. И яркая жизнерадостная Нене, признаться, не горела особым желанием дружить с ледяной девой. Уж слишком они были разными. Но сделать вид, что ничего не заметила, Хелена не могла. Не имела права. Потому что когда-то давно, еще до появления в ее жизни Франца, она также сидела на этой скамейке бледная и растерянная. Только у нее не интересовались, что с ней произошло. Никто не предлагал помочь, а у кого попросит защиты она не знала. Это почти сломало ее, если бы не Франц. Она отвела взгляд, словно бы раздумывая, стоит ли это говорить, но потом все же решилась:

— Скажи, твой приятель… он тебя не обижает? Потому что если он… Мы с мужем не оставим тебя одну. Ты не должна бояться говорить об этом. И стыдиться того, что нуждаешься в помощи, тоже не нужно.

— О, нет, Нене. Спасибо за участие. Правда, Нен, я очень благодарна за то, что ты предложила помощь. Но ты все не так поняла. Дей замечательный. Он милый, добрый и, по-моему, готов луну с неба снять, только бы я была счастлива. Просто мне иногда кажется, что он слишком хорош для меня.

Эмма немного смутилась. Это было непривычно делиться собственными переживаниями с чужим человеком. Хотя, близких, с которыми она могла чем-либо поделиться у нее тоже не было. Так что какая, собственно, разница?

— Я боюсь сделать что-то не так. Боюсь, что уйдет или станет меня ненавидеть. Я боюсь снова остаться одна.

— То, что ты чувствуешь абсолютно нормально, — Нене старалась подобрать правильные слова, но это было очень сложно. — Мы все этого боимся. Потому что не хотим терять тех, кого любим. Все будет хорошо.

— Да, — Эмма несмело улыбнулась. — Все будет хорошо. Разве может быть иначе?

ГЛАВА 13

Деймон успел в последний момент. Думал, не сможет добежать к станции вовремя, и она уйдет домой одна. Без него. Просто потому, что не захочет ждать. Но увидел ее среди толпы пассажиров, выходящих из а метро. И успокоился. Не опоздал. А потом, повинуясь не совсем понятному порыву подбежал к подруге и заключив ее в объятья жарко поцеловал. А что? Он не раз и не два видел, как подобное проделывали другие. Так почему бы не попробовать самому?

Эмма медленно отстранилась с недоверием уставилась на парня. Тот данный факт решил проигнорировать и снова потянулся к ее губам. Но девушка увернулась, выдав смущенное:

— Дей, ты чего?

— Соскучился. Сильно, — состроил парень самую невинную мордашку и недоуменно захлопал глазками. Мол, а что я такого сделал?

— А-а-а… понятно.

— А ты? Соскучилась?

— Конечно, милый.

— Это хорошо. Кстати, что ты хочешь на ужин? Как на счет супа?

— Отличная идея! Я помогу тебе его приготовить.

— Зачем?

— Вдвоем быстрее. И это будет нечестно. Ты ведь устал не меньше меня.

— Я не устал.

— Попробуем по-другому. Я хочу побыть рядом с тобой. Можно?

— Побыть — можно. Готовить — нельзя, — отрезал парень.

— Почему?

— Я сам! Я так хочу!

— М-да… меня выгнали из собственной же кухни. Ну, и ладно.

Деймон схватил подругу за руку и потащил за собой. Причем делал он это с такой скоростью, что девушке приходилось, чуть ли не бежать за ним. Но он этого не замечал. В нем клокотали раздражение и обида. Как будто бы Эмма пыталась отобрать у него то, что принадлежит ему. Это было не так. Его подруга не хотела обидеть его. Но его кухня — то, что он привык считать своей территорией, действительно принадлежит ей. Да что там? Парень прекрасно понимал, что он сам принадлежит ей. Целиком и полностью. Но как раз это и не вызывало у него никаких особых

эмоций. А вот кухня…

— Никто тебя не выгоняет. Просто готовить буду я. Всегда. И не спорь. Пожалуйста.

— Как будто бы с тобой можно спорить? Это же нереально. И с тобой что спорь, что нет — все равно. Ты делаешь, что хочешь и как хочешь.

Деймон немного сбавил шаг и с тоской посмотрел на девушку. Да, он делает, что хочет. Но только до тех пор, пока не получил четкого приказа. Или нет? Или он сможет сломать программу и проигнорировать приказ?

— Эмм, прикажи мне что-нибудь.

— Дей, ты чего?

— Прикажи мне сделать что-нибудь. Сейчас. Очень нужно.

— Поцелуй меня.

Парень даже с места не сдвинулся и, нахмурившись, бросил недовольное:

— Прикажи сделать то, что я не хочу.

— Поцелуй.

— Эмма, ну неужели это так сложно? Прикажи мне сделать то, что я делать не хочу.

— Поцелуй меня!

— ЭММА!

— Не кричи на меня! Вот что тебе не так? Ты просил приказать тебе то, что ты делать не хочешь? Я трижды приказала меня поцеловать. И судя по тому, что ты так этого и не сделал, тебе совершенно этого не хотелось. Иначе давно поцеловал бы. Вот что тебе не так? Какие ко мне претензии?

И тут до него дошло, что он не просто проигнорировал четкие односложные приказы, а вообще их не заметил. Перед его глазами потемнело.

— Дей, что с тобой?

— Что?

Молодой человек с трудом узнал собственный голос.

— Ты весь побледнел. У тебя даже губы стали белыми. Тебе плохо? Прости, я не хотела на тебя кричать. Я больше не буду. Только не падай. Ладно? Может, ты постоишь пару минут, а потом мы пойдем домой?

— Эмм, все хорошо. Не переживай. Я дома тебе расскажу одну интересную вещь. А теперь пойдем. Нечего стоять посреди улицы, привлекая к себе внимание.

— Стоя посреди улицы? Милый, привлечь к себе внимание сильнее, чем уже сделали это, мы вряд ли сможем.

— Почему?

— Потому что, позволь тебе напомнить, мы пару минут назад

довольно громко друг на друга кричали. В сравнении с этим, остальное просто теряется.

— Ну, тогда тем более не стоит оставаться здесь и привлекать еще больше внимания. Пойдем. И прости меня. Я неправильно вел себя.

— Но что на тебя нашло?

— Не здесь, любимая. Я все расскажу тебе дома. Пойдем скорее. Холодает. Ты замерзла и можешь простыть. А мне бы этого не хотелось.

Парень снова схватил подругу за руку и с крейсерской скоростью потащил по направлению к дому. То есть он просто очень быстро шел, а девушка снова бежала за ним, проклиная каблуки и ужасные дороги. Но Деймон, казалось, этого и не замечал вовсе. И даже после того, как Эмма чуть не упала в третий раз, поскользнувшись на какой-то луже, снизить темп, молодой человек не соизволил. А зачем? Он ведь удержал ее, и она не пострадала.

Но дома их ждал неприятный сюрприз. Здание встретило их, не святящимися окнами квартир, а темнотой. Единственными источниками света были немногочисленные фонарики аварийной службы. Но и они гореть долго не собирались. Их в спешном порядке выключали и выносили из здания. Рабочий день был окончен. А то, что работа на данный момент не завершена не была, никого не волновало. Кроме жителей злополучного дома, конечно. Но их мнением по традиции никто и не интересовался.

Эмма глухо застонала. А Деймон почувствовал вздымающуюся волну раздражения, которую даже не попытался сдержать.

— Неужели опять?! — прорычал молодой человек. — Эмм, скажи, что я все не так понял и мне все это только кажется.

— Тебе все это только кажется, — послушно сказала девушка, а потом, криво усмехнувшись, продолжила — Легче стало? Нет? Я почему-то так и предположила. Ладно, Дей. Пойдем домой. У меня есть фонарик. И часа три-четыре он продержится. Я его недавно заряжала. Ну, не стой же ты столбом! Ты тоже замерз. Я замерзла, устала и очень хочу есть. Правда, суп на сегодня отменяется. Жаль, конечно. Но в морозилке должно быть что-нибудь, что не обязательно готовить, а можно просто разогреть. Именно за это я и люблю полуфабрикаты. Быстро. Вкусно. Правда, не уверена, что полезно. Но быстро.

— Быстро — да. Вкусно — нет. Съедобно, в лучшем случае.

— Я не такой гурман, как ты. И не вздумай вступать с ними в «конструктивный» диалог. Вижу: тебя прямо так и подмывает к ним подойти чтобы высказать все, что ты о них думаешь. Не

нужно. Во-первых, это бесполезно. Им на нас плевать. Сверхурочно никто из них работать не станет. Проверено. Свет здесь гаснет не в первый раз. А во-вторых, проблем не оберемся. Оба. И я в первую очередь. Не упрямься. Пойдем.

Деймон тяжело вздохнул и позволил подруге увлечь себя в темноту подъезда. В конце концов, она права. Конфликт с аварийной службой для них ничем хорошим не кончится. И в первую очередь для самой Эммы. Ведь де-юре он был то ли над законом, то ли вне его. Андроиды не имеют собственной воли. А всю же ответственность за их действия несут законные владельцы. И проблемы с властями — это последнее, чего Дей хотел бы для нее.

Приготовление ужина при свете небольшого фонарика было неожиданно приятным. Нет, это было трудно, неудобно и молодой человек повторить подобное желанием не горел. Но в полумраке маленькой кухни Эмма казалась ему необыкновенно прекрасной. Ее волосы сияли серебряным нимбом, а губы казались еще притягательней.

Они поужинали. Деймон еще раз подтвердил звание кулинарного гения, приготовив овощи, которые больше полугода валялись у Эммы в морозилке. Было очень вкусно, но молодой человек остался собою чуть-чуть недоволен. И вроде бы все было хорошо. Но напряжение не желало его отпускать. Его будто бы что-то тревожило. Возможно, во всем была виновата усталость. Возможно что-то еще. Да и какая разница? Главное, ему было плохо. И девушка не могла этого не замечать.

— Знаешь, Дей, тебе нужно расслабиться. Могу предложить массаж? Или ты хочешь чего-нибудь погорячее?

Парень аж поперхнулся. Чего-чего, а двусмысленных предложений Дей от нее ждал в самую последнюю очередь. Сначала на землю должно было упасть небо, то есть купол. Нет, он был совсем не против. Скорее, очень даже за. Но как-то это все было неожиданно! А сегодня был и без того насыщенный день. Недоуменно поглядев на девушку, молодой человек тяжело вздохнул. Эмма в свою очередь с самым невозмутимым видом смотрела на него.

— Душ? Чай? Кофе? Хотя, нет. Кофе на ночь пить не стоит. Горячий шоколад? И что такого смешного я сказала? Хотя смех — тоже эмоциональная разрядка.

— Эмм, а давай спать?

— Ты устал?

— Да. День был тяжелым. Но я хочу попросить тебя… побудь со мной. Хочешь, мы посмотрим какой-нибудь фильм? Можем просто поговорить. Только не уходи. Мне холодно без тебя.

— Почитаешь мне? Я в книжке подсветку включу.

— Конечно. Только что?

— Одну очень интересную книгу. Знаю, это противоречит модным тенденциям. Я люблю старые книги. Как-то пыталась прочитать то, что пишут современные авторы, но не осилила ни одно из этих «гениальных» творений. Мне чужд девиз новой эры: «Мы смотрим в будущее без оглядки на прошлое». Но я так не могу. Не получается. Я слишком Корнер для того, чтобы делать вид, что этого самого «прошлого» у нас не было. Наверное, именно поэтому все в моей жизни так сложно. Но что-то меня занесло в философствования. Давай перебираться в гостиную?

Молодой человек сел на диван, подложив под спину подушку. А Эмма легла, используя в качестве подушки ноги парня. Тот не возражал. Одной рукой Деймон ласково перебирал ее короткие пряди, а второй держал книгу. Он читал, медленно, с выражением, получая от этого процесса ни с чем не сравнимое удовольствие:

> «Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену.
>
> Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть как на законную добычу той или другой соседской дочки.
>
> — Дорогой мистер Беннет, — сказала как-то раз миссис Беннет своему мужу, — слышали вы, что Незерфилд-парк наконец больше не будет пустовать?»[1]

Девушка заснула на второй главе, но Деймон этого не заметил. Его поглотил странный мир под названием «прошлое». В нем он смеялся над мистером Коллинзом, жалел милую и добрую Джейн, пылал негодованием и раскаивался вместе с Элизабет. А еще он сочувствовал мистеру Дарси. Ведь молодых девушек он понимал примерно так же, как и этот достойный джентльмен. То есть не очень хорошо. Потому, как юные мисс того времени представляли собой существ нелогичных, непредсказуемых, а порой и неадекватных.

Так, наверное, было во все времена. Две такие разные половинки единого целого. Мужчины и женщины всегда находятся на разных баррикадах в бесконечной войне под названием «взаимоотношения полов». И любовь для них была одновременно победой и поражением, светом и болью. Так было, и так будет. Так природа позаботилась о том, чтобы род людей не

прервался.

Но он ведь не человек. Органическая оболочка не делает его человеком. Для этого ведь нужно нечто большее, чем просто внешнее сходство. Но что? Нервная система? Душа? Эта непонятная субстанция, которую никто никогда не видел, но в существование которой, многие просто верят? Он не человек. Но почему же, тогда ему так хочется любить? Зачем ему вообще эта любовь? Чтобы еще больше осложнить его и без того не простую жизнь? Глупое, иррациональной чувство. Оно пугает своей глубиной, неотвратимостью и притягивает, как ничто. Но ведь именно любовь движет этим миром уже не одно тысячелетие. Да, он не человек, но он — часть этого мира.

Эмма проснулась в чудесном расположении примерно за час до рассвета. И она чувствовала себя вполне отдохнувшей и полной сил, несмотря на то, что все ее тело ломило, будто бы она провело ночь не в своей постели, а на чем-то ужасно неудобном. И тут постель под ней зашевелилась, притянула обратно и пробормотала: «Спи. Рано еще».

— О, Бездна, — прошептала девушка. До нее внезапно дошло, где она заснула вчера вечером.

— Эмм, ну дай хоть немного поспать, — протянул парень, обнимая ее. — Не вертись.

— Деймон, что я тут делаю?

— Спать мне мешаешь.

— А почему я не в своей постели?

— Ты уснула. Фонарик разрядился. А ты была такой милой, что я просто не смог тебя разбудить, — начал оправдываться парень, а потом резко сменил тему. — Поцелуй меня.

— Что?

Эмма слегка растерялась. Такого поворота она не ждала. Хотя Деймон в последние недели только и делал, что выкидывал что-нибудь неожиданное. И пора было бы уже привыкнуть, но… ему отчего-то удавалось всегда застать ее врасплох.

— Поцелуй меня. Сейчас, — продолжил свои уговоры молодой человек. — Раз ты меня разбудила и мешаешь спать, то хотя бы поцелуй меня. Я соскучился.

— Это как? Мы же всю ночь вместе провели. И весь вечер, кстати, тоже.

— Ты проспала половину вечера и всю ночь. Так что это не считается. Поцелуй. Пожалуйста. Ты никогда не делаешь этого первая. Почему? Ты не хочешь? Тебе не нравится? Да?

— Нет. То есть мне нравится, но…

Договорить он ей не дал, притянув к себе и накрыв ее губы своими. Они упоенно целовались минут пять, а потом Деймон

мягко отстранился и, состроив самую умильную мордашку на какую был способен протянул:

— Давай поспим еще немного? Пожа-а-алуйста.

— Нет, — исключительно из чувства противоречия заявила девушка.

— Ладно, — неожиданно легко согласился Деймон. — Тогда объясни мне одну вещь. Ты хочешь, чтобы я любил тебя?

— Да. Конечно, хочу.

— А зачем? Зачем тебе, чтобы я любил?

— Дей, понимаешь, это не так-то просто объяснить. Но зря я, что ли столько времени провела на факультете психологии? Я люблю тебя и хочу, чтобы ты был со мной.

— Я и так всегда буду с тобой.

— Но мне нужно, чтобы ты сам этого хотел. А еще, чтобы ты был счастлив.

— Так любовь делает людей счастливыми?

— Не всегда. Но если она взаимна, то почему бы и нет?

— А почему тебе хочется, чтобы я был счастлив?

— Потому что я люблю тебя.

— Это замкнутый круг. Но логика прослеживается. Значит, во всем этом есть смысл.

— Дей, ты — рационалист!

— Это плохо?

— Нет.

— Тогда — ладно. Но я все равно мало, что понял. Но я еще подумаю над тем, что ты сказала. Кстати, нам пора вставать. И я не сказал вчера. Забыл. Не уходи со станции без меня. Я постараюсь прийти вовремя, но… вдруг я задержусь? Не хочу, чтобы ты шла домой одна.

— Но, Дей!

— Нет!

— Ты меня ограничиваешь! — возмущенно воскликнула Эмма.

Парень расплылся в самодовольной улыбке. Мол, ограничиваю, но разве ты можешь что-нибудь с этим поделать? А потом тоном человека абсолютно уверенного в своей правоте заявил:

— Я тебя защищаю!

— У меня слов нет.

— Это хорошо. Значит, мы не будем тратить время на глупые споры.

— Дей, у тебя совесть есть? Хотя, о чем это я? Какая совесть?!

— Именно. А еще, я иногда буду работать допоздна. И ты будешь приходить ко мне на работу, и ждать меня там. Шеф

разрешил. «Астра» находится в двухстах метрах от станции. И эта улица довольно людная. Ходить по ней, как правило, безопасно. Не спорь.

Девушка застонала, а Деймон надулся. Он же прав. Прав абсолютно во всем. Так почему же она сопротивляется? Почему она не понимает, как это для него важно?

ГЛАВА 14

Кристиан Латен стоял перед Советом директоров «Нео-инкорп» и впервые за последние несколько лет ему было страшно. Он думал, что разучился бояться или сожалеть, и давно находится за гранью простых человеческих реакций. Все это, конечно, было не более чем самообманом. Думать о том, что ты сверхчеловек, избранный, один из немногих, довольно приятно. Ему, по крайней мере. Ведь кроме этой иллюзии принадлежности к элите у него ничего и не было. Причем никогда. Ни денег, ни положения в обществе, ни череды славных предков. Зато был талант и непомерные амбиции. Ему отчего-то хотелось получить от жизни все самое лучшее. Ведь он этого достоин. Почему бы и нет? Только для счастья не обязательно иметь все, и тем более все самое лучшее. Довольно часто нам это просто не нужно. Однако мы не можем перестать тешить собственное эго. Ведь это своего рода наркотик. И Кристиан Латен давно был во власти этого чудовища.

Старики нервничали. Не сильно, конечно. Даже при самом печальном раскладе им особо ничего и не грозит. Они же добропорядочные, законопослушные граждане. А все «это» наглые инсинуации, клевета. Конкуренты. Ну, вы же сами понимаете. Хотя и привычные отстраненно-благожелательные маски с них давно слетели. У каждого из этой Большой пятерки были грешки, обнародовать которые они не хотели. Слово взял Председатель Дерби. Моложавый подтянутый мужчина, который в свои семьдесят пять выглядел едва ли не на двадцать лет моложе. Он говорил по-военному четко ледяным тоном, испепеляя Кристиана презрительным взглядом.

— Господин Латен, когда мы обратили внимание на ваши разработки и предложили возглавить целый отдел, мы предполагали, что проект «Anima» станет новым источником дохода, а не головной боли. Вам предоставлялось финансирование, оборудование, кадры, в конце концов. И что мы получили? Одни проблемы. Из-за исчезновения Ветрова нами заинтересовались спецслужбы. Вы понимаете? Служба безопасности! Вы осознаете, ЧТО случится, если информация о ваших разработках будет обнародована?

— Я понимаю, — севшим голосом произнес Кристиан. Он сказал это совсем не от того, что действительно думал так. Нет. Просто, возражать не имеет смысла. А еще им еще неизвестно, что именно Крис стал причиной всего этого. Что из-за его халатности компания лишилась перспективного специалиста, и

которого можно использовать против «Нео-инкорп», против них. Если его найдут, конечно.

— Нет, Кристиан, ты не понимаешь, — неожиданно мягко, практически с отеческой улыбкой продолжил Председатель Дерби. — Если бы ты понимал, это, нашей главной проблемы уже бы не было. Ты же понимаешь о чем, точнее, о ком я говорю?

— TSA не живут дольше полугода. Так что кукол сейчас всего пять. Остальные уже мертвы. Но Detrimentum — необратим. Так что если вы не доверяете их владельцам, то этих TSA нужно устранить.

— Хорошо. Мы поняли то, что вы хотели донести до нас, Кристиан. Можете быть свободны.

Молодой человек коротко попрощался и пулей вылетел из зала, проклиная собственную глупость. Как же он ненавидел в этом миг весь совет директоров, своих идиотов-подчиненных, и Ветрова. Вот как такое возможно? Ведь уже и нет его, а этот «гениальный мальчик» продолжает портить ему жизнь.

Теперь его исчезновением заинтересовалась еще и служба безопасности. Черт бы побрал этих полицейских! И черт бы побрал все это! Больше двух месяцев Кристиан ищет его, а тот, словно в воду канул. И это было очень не хорошо. Возможно, в другое время он бы давно забыл о нем. Но сейчас… Владельцы других кукол понимают, как важно сохранять в тайне их природу. Ведь это в их же интересах. А хозяин TSA-357_683? Вряд ли. Но хуже всего то, что Крис понятия не имеет, кто он или она. По базе проходит некая Эмма Росс. Но эта девушка уже четыре года числиться в списках погибших. А значит ID был поддельным. И Ветров может сейчас спокойно разгуливать по улицам мегаполиса.

Страшно подумать, что будет, если на него наткнутся спецслужбы. Это же бомба замедленного действия. И даже не потому, что он может все вспомнить. Это невозможно. Detrimentum — необратим. Но Ветров — гений. И с этим Латен поспорить не мог. А что для одних невозможно, то для таких, как он — даже не препятствие, а простая задачка. Так что расслабляться нельзя. Любая система может давать сбой. А Ветрову и не обязательно вспоминать все. Чтобы потопить Кристиана и всю компанию достаточно самой малости — осознания того, что с ним сделали.

Крис уже тысячу раз успел пожалеть о том, что натворил. Нет, отпускать Ветрова было нельзя. Тот узнал слишком много. Но беда в том, что он его как раз таки отпустил. Это вышло случайно. Все из-за ошибки логистов. И кто брал на работу этих недоумков?! Или это не было ошибкой? Саботаж? Маловероятно.

В своих людях он уверен. Так рисковать… и ради чего? Нет, определенно, это просто цепочка роковых случайностей. А ведь его план был так хорош. Выверен и точен. Подменить одного из партии андроидов, выставляемых на продажу. Что может быть проще? Сделать заказ через сеть. И его мало того, что привезут к нему домой, прямо со склада, так еще и пакетом документов снабдят, что мол никакой это не господин гениальный ученый Макс Ветров, а всего лишь социальная модель TSA-357_683. Схожесть с пропавшим? Совпадение. Мало ли у кого какие предпочтения? А вдоволь наигравшись со своей новой игрушкой, ему бы не составило труда избавится от тела. Это все гораздо проще, чем попробовать вывезти его самостоятельно. О том, что бы оставить Ветрова у которого полностью стерли не только память, но и личность в «Нео-инкорп», у Кристиана даже мысли не возникло. Ведь это все равно, что прятать пистолет, которым ты застрелил добрую дюжину людей, у себя под подушкой. Не слишком разумно, согласитесь. Но сейчас ситуация была не лучше. Потому что полностью вышла из-под контроля. И единственное, что оставалось делать сейчас, это ждать. А ожидание, как и чувство собственного бессилия Крис ненавидел больше всего на свете.

А еще он ненавидел ее. Лию. Его жаркий Июль, как он любил ее называть. И не то, чтобы ее действительно было за что ненавидеть. Вовсе нет. И по логике вещей ему нужно было бы ее любить с того самого мига, как их глаза встретились и до последнего вздоха. Но Кристиан любить не умел, как и не умел быть счастливым. А раз ему сейчас плохо, то почему бы не удостовериться в том, что ей не лучше. Это как глоток воды для умирающего от жажды. Знать, что ей все еще больно и понимать: она не забыла. Набирая номер ее телефона, он со смесью страха и предвкушения ждал ее слов: «Да. Слушаю Вас». Ждал, чтобы сказать:

— Привет, Июль.

И тишина. Ровно на три удара сердца. Она так постоянна в своих привычках. Ровно три удара сердца и она вместо того, чтобы бросить трубку, тихо спрашивает:

— Как ты узнал мой номер?

Это словно бы ритуал. Привычный до безобразия. И почти уже успевший ему наскучить. Она задает одни и те же вопросы, а он одинаково на них отвечает.

— За деньги можно купить все.

— Я не продаюсь.

Тоже, довольно предсказуемый шаг. Сколько раз он это слышал? Десять? Двадцать? Или сто? Кристиан давно потерял

этому счет. Да и, если честно не особо утруждал себя этим. Все продается. И все покупается. Жизнь. Смерть. Так почему же она должна стать исключением? Что в ней такого особенного?

— Посмотрим. Июль, посмотрим.

— Судишь по себе? Ты — жалок, Крис. Не можешь по-другому. Ну, да, ты ведь продал свою душу давным-давно. Ты наркоман. Только подсел ни на синтетику, а на боль. Свою и мою. Никогда не могла понять, как тебе это может нравиться? Как вообще можно так жить? Но это твое дело. А я хочу быть счастливой. Поэтому я и не уступлю тебе, Крис. Никогда. Ведь если однажды я сделаю это, ты сломаешь меня. Просто потому, что это будет в твоей власти. И пусть сейчас я вынуждена расплачиваться за то, что когда-то любила тебя. Ничего. Как-нибудь переживу. Но я никогда не буду с тобой.

— Посмотрим. Июль, посмотрим. Ты слишком часто говоришь слово: «никогда». Ну, ладно, милая, я сейчас немного занят и не могу долго болтать с тобой. Но не расстраивайся. Я скоро тебе перезвоню.

— Ненавижу! — шепчет она едва слышно. — Крис, если бы ты знал, как я ненавижу тебя.

— А я знаю. Так же, как я ненавижу тебя, — делано-легкомысленным тоном заявляет он и нажимает на сброс. А потом тихо говорит то ли ей, то ли себе самому:

— Прости, Июль. Но я действительно не могу по-другому. А еще, вряд ли ты может ненавидеть меня сильнее, чем я сам ненавижу себя.

А потом Крис тряхнул головой, словно бы отгоняя наваждение. Не стоило звонить ей сейчас. Она всегда плохо на него действовала. Всегда. С самой первой встречи. Заставляла сомневаться и робеть. Нежный Июль сначала просто согревал, а потом Кристиан с ужасом осознал, что его лед тает. Но дело ведь было не столько в этом, сколько в том, что под этим льдом у него ничего не было. Только пустота. И ничего больше. И осознавать это очень больно.

Да, определенно, эти звонки дурно на него влияют. Отвлекают. А сейчас, когда нужно приложить все силы на то, чтобы устранить свою недавнюю ошибку, это совершенно неприемлемо. Ведь заняться этим Кристиан собирался сам. Перекладывать такое на подчиненных, все же не стоит. Чем меньшее количество людей будут об это знать, тем лучше. Настолько преданных людей у него просто нет. В этом мире, вообще, никому нельзя доверять. Особенно, это касается подчиненных.

В мире, где правят деньги, личная преданность — понятие

почти эфемерное. Все и всех можно купить. Вот только одна глупая и не в меру самоуверенная девчонка не желает понимать эту прописную истину. Ничего, он рано или поздно сломает эту упрямицу. В крайнем случае, всегда можно воспользоваться методиками проекта «Anima» и сделать из нее бессловесную рабыню. Но только в самом крайнем случае. Ведь, Detrimentum — процесс не только необратимый, но еще и абсолютный. С его помощью невозможно только сломить сопротивление, не стирая всю личность целиком.

* * *

Илья Корсаков с сотый раз просматривал запись последнего собрания в «Нео-инкорп» и сетовал на то, что на суде этот разговор мажет служить лишь косвенной уликой. Черт, ему нужны неопровержимые доказательства. Чтобы засадить в тюрьму всех, кто хоть как-то связан с проектом «Anima». Только так его девочка сможет спокойно жить, не бояться выходить на улицу, видеться с родителями. А ради этого он готов выше головы прыгнуть.

Устало откинувшись на спинку стула, Илья на секунду смежил веки. Ему зверски хотелось спать, но с этой работой времени на отдых у него почти не оставалось. Как и на то, чтобы следить за внешностью. Хотя, кого-то на их работе легкой небритостью, да синяками под глазами, удивить довольно сложно. Большая часть выглядела также, остальные же — еще хуже.

— Господин Корсаков, — послышался их динамиков голос электронного секретаря. — Звонит ваша жена.

— Соединяйте, — отрывисто бросил он. — Привет. Что-то случилось?

— Нет. Все хорошо. А разве я могу звонить тебе только, когда что-то случается?

— Конечно же, нет. Но ты так редко звонишь мне, когда я на работе.

— Я просто соскучилась.

— Я тоже любимая, — Илья тепло улыбнулся.

— Так приезжай домой.

— Не могу. Слишком много работы. Мне придется задержаться ненадолго.

— Так всегда! — взорвалась девушка. — Ты постоянно занят и мы почти не видимся. У тебя на уме одна работа! А до меня тебе и дела нет.

— Девочка моя, скоро, очень скоро все это закончится, у меня будет отпуск. Я тебе обещаю. Мы будем больше времени проводить вместе. Только потерпи немного.

— Не хочу! Слышишь? Не хочу терпеть. Сколько можно? Мне очень плохо без тебя. Очень плохо! Я не могу больше ужинать в одиночестве и ложиться в холодную постель.

— Дарина.

Повисла тяжелая пауза. Тихий всхлип на том конце и выдавленное сквозь слезы:

— Прости. Я опять сорвалась на тебя.

— Ничего. Это нормально.

— Нет. Это ненормально. Я не должна кричать на тебя.

— Маленькая моя, милая, забудь. И, знаешь, а я думаю, работа ведь никуда не убежит. А сделать все — нереально. Буду дома через час. Идет?

— Я люблю тебя.

— Я тоже. Только не плачь. Хорошо.

Илья снова откинулся в кресле и попытался сосредоточиться. Перед уходом нужно раздать подчиненным задания и занести Мартину последние выкладки.

В дверь постучали, и в кабинет зашел грузный мужчина лет шестидесяти. Он шел, тяжело припадая на левую ногу. Сказывался недавний перелом. По большому счету, капитан Эйвери должен был отдыхать в каком-нибудь госпитале, а не сутками просиживать на работе. Но старый вояка давно перешел ту грань, когда любимая работа становится самой жизнью. Только здесь, среди людей, которых он считал не просто подчиненными, а, скорее, своей семьей, он не чувствовал себя старой, никому не нужной развалиной. И у него появлялось желание жить. Именно поэтому никто из тех, кто знал Мартина достаточно хорошо, даже помыслить не смел о том, чтобы предложить старику выйти на покой. Все понимали: это его убьет. Праздность и одиночество, в коем он, в конце концов, окажется, сделают то, что не было под силу никому — сломают этого сильного и гордого мужчину.

— Ну что? — тихо спросил старик, присаживаясь в кресло напротив.

— Ничего. У нас на них нет ровным счетом ничего. Нужно искать Ветрова.

— Наши ребята уже занимаются этим. Ты же знаешь.

— Отыскать его нужно как можно быстрее. Они хотят его убрать. Еще необходимо установить слежку за Латеном.

— Не беспокойся. Все под контролем. А эту сволочь мы еще и за руку поймаем. Что твой информатор?

— Вышел из игры. Как же не вовремя! Но он и так сильно

рисковал, помогая нам с Даной и фактически спасая Ветрова. Плюс, жучки подвешивал. Благодаря этому у нас есть хоть какие-то зацепки. Требовать от него большего я просто не имею права.

— Правильно, сынок. Нельзя требовать от человека невозможного. И взваливать все на свои плечи тоже нельзя. Слишком уж тяжелая ноша получается. Поверь старику и не повторяй моих ошибок. Ведь ты не один. И ничего не случится, если отдохнешь денек-другой.

— Мартин, я не могу. Не могу отдыхать, пока они разгуливают на свободе.

— А я могу смотреть, как мой друг и подчиненный изводит себя? Ты на себя перестал быть похож, похудел, осунулся. Да ты понимаешь, что почти полностью поседел, хотя тебе всего тридцать два. Илья, хватит. Тебя что, до сих пор совесть грызет? И за что? Ну, ладно, ты пошел на превышение полномочий. Да, это не хорошо. Но разве можно было по-другому вытащить Дану? Молчишь. Вот и я о том же. Сынок, ты спас молодую девушку от маньяка. Мы оба знаем, ЧТО он собирался с ней сделать. И что с ней УЖЕ сделали. Наши ребята тоже знают. И никто, слышишь, никто даже не думает тебя осуждать. Ты поступил именно так, как должен был. Прекращай изводить себя. Езжай домой, к жене. Ей без тебя плохо.

— Это она тебе сказала?

— Илюш, что бы она на тебя пожаловалась? Смеешься? — старик покачал головой. — Просто, вижу. Иди к ней. Здесь тебя есть, кому заменить. Если что-то случится, я сам лично тебе позвоню. Но пока все относительно спокойно — будь там, где ты действительно нужен. И, поверь, каждый из этих тварей получит по заслугам. Я тебе это обещаю. А тебя, чтобы через пять минут тут не было. Иначе, отстраню от расследования.

ГЛАВА 15

Молодой человек обедал, присев за столик для персонала, рассматривая зал. Вот двое постояльцев пьют чай и тихо разговаривают между собой. Вот Яр с милой улыбкой подал руку девочки лет шести-семи, помогая спуститься с лестницы. Та просияла и с непередаваемым изяществом прошествовала вниз. Затем она кокетливо стрельнула глазками на своего кавалера и смущенно поблагодарила. Шпилька с самым серьезным видом отвесил пару пространных комплиментов и откланялся. Родители малышки смотрели на эту умильную сценку и улыбались.

У Деймона сегодня было вечернее дежурство, поэтому через несколько часов суда прейдёт Эмма. А он хоть и не сможет провести все это время с ней, но это ведь и не так уж важно. Ему будет достаточно и того, что она просто где-то рядом. Вместе с остальными сидит за этим самым столиком и наблюдает за ним.

«Астра» просто очаровала Эмму, и она с удовольствием проводила здесь вечера. Там было здорово. Тепло и весело. Да и отличная компания была ей обеспечена всегда. Ребята легко приняли их обоих. Хотя в основном это были парни, которые ждали, жен и подруг. Девушек было очень мало.

Дей явно находился там на своем месте. За прошедший месяц молодой человек совершенно освоился, обзавелся кучей приятелей и одним лучшим другом. Он постоянно улыбался, и словно бы светился изнутри. И Эмма была очень за него рада. Алан предлагал сменить работу и заверял, что хостесс — лучшая профессия на свете. Ярик постоянно обещал Деймону, что отобьёт у него подружку. Потому что Эмма она такая… такая… и вообще! Эмма, смеясь, заявляла, что Ярик, конечно, очень милый, но она любит его (Деймона) больше всего на свете, поэтому отбить ее не получится. И что она польщена. Так будет и сегодня. Только бы дождаться вечера.

Тем временем возле барной стойки за которой стояла рыженькая Катрин сидели еще две официантки для которых пока не было работы. И они о чем-то увлеченно шептались. Дей напряг слух и тут же пожалел об этом. Оказалось, сплетничали девушки о нем.

— Девочки, а кто этот красавчик? — томно протянула незнакомая ему брюнетка.

— О! Это наша коллективная мечта, — ответила Тори. — Новенький. Дей Росс. Но в его сторону можешь даже не смотреть. У него невеста есть.

— Невеста — не стенка. Подвинется. К тому же невеста это

еще не жена. Так что, по моему мнению, он абсолютно свободен.

— Она красивая — попыталась возразить Катрин.

— Она красивая? — презрительно фыркнула Тори. — Ты ее точно хорошо рассмотрела? И что только он в ней нашел? Моль бледная. Обидно. Но он ее действительно любит. Налево даже и не смотрит. Такое ощущение, что кроме этой его Эммы, парня вообще женщины не волнуют.

Таня рассмеялась. Деймона от этого звука перекосило. И если бы его спросили, он бы сказал, что и смех, и голос у этой… особы на редкость противные. И сама она симпатии у него не вызывала. Но кто, простите, интересуется мнением будущей жертвы соблазнения? На то она и жертва, чтобы быть бессловесной.

— Спорим, что этой ночью он о своей подружке и не вспомнит. Да и, вообще, к ней поостынет.

— Таня, зачем это тебе?

— Катрин, я иной раз поражаюсь твоей наивности. Я так хочу. И меня раздражают скучные добропорядочные мужчины. Это противоестественно. И, вообще, зачем хранить верность? Будто от этого есть какой-нибудь прок. И почему такой симпатичный мальчик должен принадлежать этой его Эмме. Либо мне — либо никому. Так-то, девочки.

Парень тихо выругался. Эта идиотка определила в нем вершину, которую необходимо покорить. И теперь он для нее больше не человек. Личность в нем она больше не видит и желаниями его интересоваться не станет. Деймон Росс теперь ее цель и законная добыча. И брюнетку его сопротивление не остановит. Скорее еще сильней подстегнет, заставит действовать более решительно. А это уже было не очень хорошо. Можно даже сказать очень плохо. Эмма всегда расстраивается, когда видит увивающихся за ним девиц. А ему самому не нравилось все, из-за чего расстраивалась его любимая девочка. Правда, еще больше ему не нравились мужчины, которые пытались с ней флиртовать, но это было в данный момент несущественно.

Дей старался не смотреть в сторону брюнетки в красном платье, которая гордо дефилировала в его сторону. До последней минуты парень ждал: а вдруг пронесет? Может, она рассмотрит его получше и передумает? Не такой ведь он и красавчик. И, вообще, зачем ей ничем не примечательный ее скромно одетый парень, обедающий в уголке? Надежды на это было у него, конечно, мало, но… вдруг? Вдруг не случилось. Девушка модельной походкой направлялась именно к нему.

— Привет, — томно, с придыханием произнесла она.

Молодой человек кивнул и уткнулся носом в тарелку. Игнорировать. Молчать. И жевать более сосредоточенно. А про

себя повторять мантру: «Я — стенка. Я — стенка. Я — стенка. Меня нет. И, вообще, кажусь я вам. Кажусь». Этого в большинстве случаев вполне достаточно. Невнимание оскорбляет дам до глубины души, и они с независимым видом удаляются.

— Меня зовут Таня. А тебя? — девушка присела на край стола прямо возле тарелки.

Фокус не прошел. Дей скривился. Ладно. Есть еще план «Б». Итак, продолжаем игнор, добавив к этому толику хамства.

— Росс.

— О! Какое красивое имя. Это сокращенное от «Ростислав» или «Кайрос»? А может «Росслин»?

— Фамилия.

— Что? — деланно удивилась брюнетка.

— Росс — это моя фамилия. А имя Вам не нужно. Поверьте.

— Довериться? Я всегда готова довериться красивому мужчине.

— Рад за Вас, — процедил сквозь зубы молодой человек, изо всех сил сдерживаясь, чтобы уже сейчас не сказать, какая же она идиотка.

— А что ты делаешь сегодня вечером, Росс?

— Ужин.

— Обожаю, когда мужчины готовят. Так может, приготовишь ужин еще и для меня? И мы проведем этот вечер вдвоем? У меня дома?

— Предпочитаю свою кухню.

— Ну, тогда я прейду к тебе. Часам так к десяти.

— И среди ночи будешь ехать домой через полгорода? Разумно ли это?

— А зачем мне куда-то ехать ночью? Неужели вдвоем на твоей постели разместиться нельзя?

— Вдвоем на моей постели? Отчего же? Можно.

Деймон зло усмехнулся. Ослабил бдительность, показал себя простаком, теперь бей. Чтобы раз и навсегда отвязалась. Парень одним плавным движением поднялся на ноги и сделал шаг в сторону гламурной хищницы. Наклонился к ее ушку, щекоча дыханием ее шею.

— Хочешь меня? — произнес он тихо, растягивая гласные.

Девушка ошарашено кивнула. Она не ожидала, что соблазнять ее, причем столь откровенно будет ОН.

— А ты знаешь, что у меня есть невеста? А еще, что я ее люблю?

Еще один кивок.

— И это тебя не остановило? Привыкла получать все, что хочешь?

— Да, милый, — томно выдохнула брюнетка, делая шаг к нему навстречу.

Деймон зло ухмыльнулся. Как же эта дура предсказуема. Даже скучно. Поэтому закругляемся.

— Я не милый, феечка. Я злой и голодный. А ты мне мешаешь спокойно обедать. Своим присутствием аппетит мне портишь. А еще я люблю очень красивую девушку. А ты, прежде чем подходить к понравившимся мужчинам, в зеркало бы посмотрела. Общие внешние данное… скажем так, не впечатляют. Вульгарно одета. Развязно себя ведешь. А я дешевками не интересуюсь. Так с чего ты взяла, что Я тебя хочу? Это, разумеется, риторический вопрос. И можешь не говорить мне, какой я подлец, негодяй и далее по списку. Ничего нового, чего я не слышал раньше, ты все равно не придумаешь. А слушать монолог оскорбленной невинности в исполнении девицы вольного поведения… нет уж, увольте.

Брюнетка ахнула и опрометью бросилась к барной стойке. И там она весьма эмоционально рассказала подругам, что ее никогда еще в жизни так не оскорбляли. А также поведала, что при ближайшем рассмотрении «красавчик за третьим столиком» оказался дурно воспитан. А также имел неприятные черты лица, и в довершении всего оказался импотентом.

Деймон наблюдал эту сценку с некоторым сожалением. Он понимал, что поступил единственно верно. Такие самовлюбленные дуры не понимают простого «Нет». И это очень грустно. И обидно. От того, что другого пути не существует. Хотя, возможно, он есть, просто он еще пока неизвестен?

Размышления о природе взаимоотношений прервало появление Ярослава. Тот с блаженной улыбкой упал на соседний стул. И с обожанием уставившись на лучшего друга, выдал:

— Дей, я знал, что ты крут, но… не думал, что настолько.

— Ты о чем, Яр?

— Ты дал Тане от ворот поворот. Я б так не смог. Никто до тебя не мог. Да она мужчинами крутит, как хочет.

— У меня есть Эмма. И она меня любит. Понимаешь, Яр? Она меня любит. А это очень важно. Не могу даже слов подобрать, насколько. Дома меня ждет мое теплое солнышко, мой свет. Зачем мне эта феечка, для которой я — лишь очередной трофей? Ну, сам подумай.

— Боишься, что твоя Эмма не простит измены?

— Я не хочу. Уверен, что она простит. Причем, простит и примет все. Но важно другое: я себе не прощу, если она будет из-за меня плакать. Хотя сама возможность, что не простит или разочаруется во мне, разлюбит… это отбивает всякое желание

даже смотреть в направлении посторонних девиц.

— Эх, мне бы так.

— Не надо так, Яр. Это тяжело. Легко влюбляться. А вот любить очень сложно. И чем сильнее твое чувство, тем большим грузом оно ложится на твое сердце, тем больнее бьет по оголенным нервам. И то, что ты чувствуешь совсем не похоже на сладкое сливочное мороженное. Это скорее вересковый мед.

— Друг, да ты поэт! Но разве любовь не самое прекрасное, что может быть в жизни?

— Смотри шире. Любовь — это и есть жизнь!

— Романтик. Философ. Ты красавчик, и при этом патологически верен своей подружке. Не то, чтобы это было чем-то невероятным, но привлекательность часто ходит об руку с ветреностью. А еще у тебя безукоризненные манеры и речь поставлена так, что любой филолог удавится от зависти. Да, кто же ты такой, Деймон Росс?

— Я — это я.

— Вот и я о том же. Ты — это ты. Личность в высшей степени загадочная. Ладно, поболтали и хватит. Доедай быстрее и за работу. Минут через десять пятнадцать начнется наплыв посетителей.

Ярик не ошибся. Ровно через десять минут всем от хостесс, до поваров стало очень весело. Вечер наступил очень быстро. Деймон даже и не заметил этого, пока в зал не зашла Эмма. Она помахала ему рукой и проскользнула к свободному столику. А Дей смог подойти к ней только через полчаса.

— Ну, что? Ты еще долго? И, да, привет.

— Привет. Часа три. Вряд ли получится быстрее. День сегодня сумасшедший.

Вдруг замигал свет, и завыла сирена.

— Что это было? — вскинулся молодой человек.

Эмма беспомощно пожала плечами. За нее ответил Алан:

— Штормовое предупреждение. Скоро объявят еще раз. Никто. Слышите? Никто никуда сегодня не идет. Ярик, собирай постояльцев в главном зале. Остальные рассаживают их за столики.

— А что делать с теми, кто повалит сюда, чтобы спрятаться от грозы?

— Рассаживайте где придется. Тори, не строй из себя дуру. Не на улице же их оставлять. Эмма, я беру тебя на работу. Собирай всех детей с их родителями вон в тот угол возле сцены и развлекай их. Делай что хочешь, только чтобы они не рыдали хором. Дей, не стой столбом, беги в комнаты и перетаскивай стулья вниз. А-то половина будет сидеть на полу. И живее! В

любой момент может сработать аварийная система, и мы окажемся в темноте. Может, конечно, и не окажемся, но рисковать лично я не хочу. И живее!

Эмма буквально падала от усталости. Часы только что пробили полночь. И она ничего не хотела так сильно, как того, чтобы ее оставили в покое. Но это были дети. Им страшно — они плачут. Они плачут — все остальные нервничают. А когда все вокруг на взводе, малышам становится еще страшней. Замкнутый круг. Поэтому маленькую сцену пришлось приспособить под игровую площадку. Двое самых маленьких уснули на руках у родителей. Но остальные десять были еще полны сил.

Послышались бурные аплодисменты. Малыши допели песенку про летнее солнышко и важно раскланивались. Девушка и сама не поняла, когда это все превратилось в концерт. Вроде бы только что никто не обращал внимания на нестройный хор детских голосов, а теперь все смотрят на них, слушают. Аплодируют, и даже просят спеть на бис. Эмма едва не заплакала. Сил петь на бис у нее не было.

Положение спас Шпилька. Он выскочил на сцену, раскланялся, с таким видом, будто он звезда мировой величины. Парень поблагодарил детишек, предложил им немного передохнуть и затеял игру в фанты. Через пятнадцать минут в это безобразие, оказалась втянута половина зала. Эмма так вообще два раза. В первый раз, чтобы вернуть заколку ей пришлось поцеловать Деймона. В условии, конечно, был не он сам, а просто «тот, кого ты любишь». А во второй — рассказать стишок про елочку (Это Ярик вспомнил, что скоро Новый год). Грузный мужчина, который назвался доктором Энитом отвесил своей соседке справа двадцать семь комплиментов. Рыженькая Катрин призналась в кого была влюблена в юности. Алан вспоминал неспрягаемые формы глаголов. Сам Ярослав был бессменным ведущим. А Деймону пришлось петь колыбельную. Он сначала попытался объяснить, что петь он не умеет и никаких колыбельных не знает. Но Шпилька это аргументом не посчитал.

— Дей, ты пойми, петь никто не умеет. Так что смеяться мы не будем. Сильно не будем, во всяком случае.

Молодой человек поднялся на сцену и до последней секунды не представлял, что будет там делать. Слова пришли сами. Словно бы из прошлой жизни.

Ночь подкралась словно мышка.
Ну же, глазки закрывай.
Засыпай моя малышка.

Спи, зайчонок, баю-бай.

Не печалься, милый ангел,
Ты проснёшься по утру.
Я тебе во сне волшебном
В косы звезды заплету.

Мы помчимся вместе с ветром
В город сказок — край чудес,
Что стоит в бескрайнем море,
И касается небес.

Из лучей прекрасных лунных
Я сплету тебе венец.
А из капелек латунных
Выстрою тебе дворец.

Роза станет бальным платьем.
Станет туфелькой хрусталь.
Грусть твоя мне будет адом.
Пусть печаль уходит вдаль.

Одного не понимаю:
Грустно от чего тебе?
Я ведь тоже засыпаю —
Так мы встретимся во сне.

Зал взорвался овациями. А потрясенная Эмма словно бы приросла к месту. Откуда он знает ЭТУ песню? Он не мог ее знать. Никак не мог! Девушка зажмурилась, пытаясь вспомнить, когда же она сама слышала ее. Это было лет десять тому назад на каком-то детском празднике. Пел мальчик с черными волосами.

«Нужно вспомнить. Нужно вспомнить» — твердила про себя Эмма. Но в памяти был провал. Высокий. Худощавый. И больше ничего. Ни лица, ни имени. Ничего.

— Эмм, тебе плохо? — послышался прямо над ее ухом встревоженный голос Деймона. Девушка испуганно распахнула глаза и прошептала неожиданно севшим голосом:

— Дей, откуда ты знаешь эту песню? Это очень важно!

— Понятия не имею. Просто знаю и все. Может, услышал когда-то и запомнил? Такое ведь бывает? А что?

— Нет, ничего. Я, наверное, ошиблась.

— Эмма!

— Несколько лет назад ее пел один мальчик. И это был единственный раз, когда эту песню слышала я.

— И что?

— Он был чем-то похож на тебя.

— Ты помнишь его имя? Нет? Вот! Деймон из «Алмазного сердца» тоже на меня чем-то похож, — молодой человек тяжело вздохнул и покачал головой. — Думаешь, это мог быть я? Нет, в теории, конечно и такое возможно. Но, Эмма, послушай, по-моему, ты так сильно хочешь видеть во мне человека, что не желаешь замечать очевидного. Ты ведь росла в богатой семье. И дети, которые тебя окружали, в будущем должны были стать представителями элиты. А такие люди не исчезают просто так. Их ищут семьи, друзья. И находят. Деньги и связи, как правило, творят чудеса. Нужно быть идиотом, чтобы молодого человека из влиятельной семьи сделать куклой и продать в супермаркете. А те, кто может сотворить с человеком такое (это при условии, что с человеком это, вообще, можно сделать), идиотами не могут быть по определению. Эмма, хватит! Для меня очень важно то, что ты видишь во мне равного, а не дорогую куклу. И я это ценю. Если бы ты вела себя по-другому, меня бы не было. Дей Росс, который радуется каждому дню, который живет, вообще, не появился бы на свет. Я так и остался бы Моделью «TSA». Но, прошу, прими меня уже тем, кто я есть. Так будет лучше для нас обоих. Просто прими, если действительно меня любишь. Ведь ты же любишь?

— Конечно люблю.

ГЛАВА 16

Деймон сидел в кабинете Алана в кресле для посетителей и чувствовал себя не слишком уютно. Шеф в святая-святых «Астры» приглашал далеко не каждого. Для этого нужно было либо стать лучшим из лучших, либо натворить что-то такое, что довольно терпеливый Алан снести уже не мог. Но так как планку, поставленную Ярославом, перепрыгнуть было нереально (Дей уже месяц прочно занимал почетное второе место), поэтому оставалось только гадать, чем он вызвал неудовольствие начальства. Хотя, вроде бы ничего такого за ним не числилось. Он никогда не опаздывал, не отлынивал от работы и по мере сил и возможностей помогал другим хостесс и официантам. И жалоб от клиентов на него не было. Но в глаза Алану посмотреть он, все же, не решался. Потому что, еще только устраиваясь на эту работу, он пошел на сознательный обман. И ему было страшно, что правда раскроется, и его выставят из места, ставшего ему вторым домом.

Шеф был явно не в духе. Он постоянно хмурился и бросал на Деймона раздраженные взгляды. И парень вдруг ощутил некий трепет перед прямым начальством, чего он за собой еще ни разу не замечал. Еще раз перебрав события последних дней, растерялся окончательно. И наказывать, и хвалить его было решительно не за что. Чтобы отвлечься от не очень приятных мыслей он начал рассматривать кабинет. Собственно, смотреть здесь было особо и не на что. И у Деймона проскользнула крамольная мысль, что к яркой и изысканной «Астре» это помещение не должно иметь никакого отношения. Маленькое, полутемное, заставленное обшарпанной и полуразвалившейся мебелью.

— Сынок, послушай. Я хотел бы серьезно с тобой поговорить.

Молодой человек вздрогнул от неожиданности. Шеф сказал это, когда тот и интересом рассматривал единственное яркое пятно этой комнаты — портрет молодой женщины с фиалковыми глазами. Парень настороженно перевел взгляд с рисунка на Алана и едва заметно кивнул. Такое начало разговора ему, мягко говоря, не понравилось.

— Дей, я хочу тебе добра, и прошу, не отмахивайся от моих слов. Я уже старик и много в этой жизни повидал. Действительно много. Да и в людях, надеюсь, разбираться научился. Ты — замечательный парень. К твоей работе у меня претензий нет. И, возможно, я лезу не в свое дело, но что происходит у вас с Эммой? И ведь видно, что вы очень трепетно друг к другу

относитесь. Но между вами словно стена какая-то.

— Шеф, я не понимаю…

— Да вот и я тоже не понимаю. Так, о чем я? Ты очень сдержанный. Слишком, я бы даже сказал. А выпускать эмоции просто необходимо. И желательно это делать почаще. Иначе не миновать взрыва. Потому что рано или поздно ты сорвешься.

— Я не слишком хорошо умею выпускать эмоции. Только дома. Только с Эммой.

— Вижу я, как вы умеете. Оба. Она-то не лучше тебя в этом вопросе. Не начнете работать в этом направлении, ждет вас обоих нервный срыв. И это в лучшем случае. В худшем — даже думать не хочу. И ладно — себя не бережешь, так девчонку пожалей. Ты же ее любишь?

— Что? Я… она для меня — все. И… я… ее люблю.

— А что же ты творишь тогда?

— Я?

— А кто, Дей? Она же без тебя пропадет. Сломается просто. Ты это понимаешь? Да, о сем это я? Что может понимать, этот мальчишка?! Дей, ты просто не замечаешь, как она на тебя смотрит. Как будто ты — вся ее жизнь и свет. Сынок, я в личную жизнь своих работников стараюсь не лезть. Но ты изматываешь ее и себя. А это не дело. Ты же мужчина, в конце-то концов. Поговори с ней. Разберись, что у вас не так. Если любишь, сделай ее счастливой. Не можешь — отпусти. Но над девчонкой издеваться не нужно. Подумай над моими словами.

Остаток дня прошел, как в тумане. Деймон все думал и думал. О себе, о ней, о том, как им жить дальше. И, обычно, жизнерадостный Деймон, был мрачнее тучи. Ярик пару раз пытался развеселить его, но тот лишь отмахивался от приятеля. А потом с самой серьезной миной озадачил Шпильку очень интересным вопросом:

— Как сделать девушку счастливой?

Шпилька аж поперхнулся от удивления. Нет, он знал, что от этого ненормального парня можно ожидать чего угодно, но… не этого же. И приспичило же ему пообщаться, когда уставший и голодный Ярик, у которого, между прочим, сегодня дежурство, решил наконец поужинать.

— А что, у вас с Эммой какие-то проблемы?

— Не знаю. Я об этом никогда не задумывался.

— А сейчас почему это тебя начало волновать? Хотя, можешь не отвечать. Шеф постарался. Я ведь прав?

Деймон кивнул. Ярослав задумался.

— Ну, если Шеф сказал, значит действительно что-то у вас не так. Правда, я понять не могу: что? Ты ее не обижаешь. Слепому

видно, что ты пылинки с нее сдувать готов. Не изменяешь. Работаешь. Правда, командуешь много. Это не делай, туда не ходи, суда не смотри. Но не думаю, что она от этого сильно страдает. Дей, я в этом деле не такой уж и спец. Меня самого подружки постоянно бросают. Знаешь, не мне тебе давать советы, но я попробую. Позаботься о ее комфорте, согревай своей любовью, и не будь в постели эгоистом. Последнее подчеркиваю особо. С такими, как Эмма нежными и трепетными, нельзя думать только о себе. Хотя, наверное, ни с кем нельзя.

— Ты о чем? Что значит эгоистом? — нахмурился Деймон. — И почему нельзя?

— Друг, это шутка такая? Понял. Оценил. Больше не надо.

— Яр, ты о чем?

— Деймон, ты на полном серьезе меня об этом спрашиваешь? Не валяешь дурака, а действительно не понимаешь о чем я? Вот бездна! Ладно, может мы просто не понимаем друг друга. Разница в воспитании, особенности менталитета. Я до этого с южанами особо не общался. Вот скажи: ты знаешь, что она любит?

— Конечно. И?..

— Эм… попробую уточнить. Ты знаешь, что ей в постели нравится?

— Фильмы смотреть.

— Не понял. Какие фильмы?

— Разные. А еще она читать любит.

— И это ты сейчас, опять же, на полном серьезе мне говоришь? Не издеваешься? Уверен? Ладно, — Ярик сделал глубокий вдох, а потом, преодолевая смущение выпалил. — Ты, вообще, с ней любовью занимался?

— Нет.

Ответ Деймона прозвучал тихо и ровно. Как будто и не было в этом ничего особенного. А Ярослав вдруг понял, что если бы он сейчас не сидел, он бы упал. А последующий его вопрос прозвучал почти жалобно:

— Ни разу?

— Ни разу.

— Дей, этого быть не может. Вы же живете вместе. Вы же любите друг друга. Так почему, во имя всего святого?

— Потому что она сказала: «нет».

— Почему она это тебе сказала? Она же любит тебя до звездочек в глазах.

— Я не знаю. Я вообще ничего не знаю и не понимаю.

— Не понимаешь — проси, чтобы объяснили.

— Так я и прошу, — молодой человек нахмурился.

— Дей, вот ты иногда такой умный, а иногда такой дурак! —

Ярослав демонстративно закатил глаза к потолку. — Друг, ты это у кого просишь? У меня? Но я-то здесь каким боком? Это же ваши отношения. Пойми. Только Эмма может тебе что-нибудь объяснить. Потому что «нет» тебе сказала именно она, а не я. Это не в смысле, что я бы тебе «да» сказал. Ты не подумай. Не сказал бы. Но, что-то мне подсказывает, что причины для отказа были бы разными. Дей, просто поговори с ней.

Молодой человек кивнул в ответ на тираду приятеля и провел ладонью по изрядно отросшим за последние два месяца волосам. Рассеянно отметил, что пора бы уже и подстричься. Следовать модным тенденциям и современным канонам красоты ему не особо-то и хотелось. Ему и так всякие феечки прохода не дают. Что же будет, если он станет в их глазах еще привлекательней? Страшно подумать!

А ведь Ярик действительно прав. Поговорить им с Эммой нужно. И никуда от этого не деться. Раз так то, зачем же тянуть?

Ужин ребят проходил в нервозной обстановке. Деймон ерзал на своем стуле, отвечал невпопад и смотрел исключительно в свою тарелку. Эмма сначала не замечала этого, потом делала вид, что не замечает. Ее преследовала мысль о том, что все это уже когда-то было. Но она никак не могла вспомнить, когда же это было.

— Эмм, нам нужно поговорить.

Деймон сказал это очень тихо, все так же, не поднимая на нее глаз. От неожиданности Эмма вздрогнула и с опаской покосилась на друга. А потом, натянуто улыбнувшись, попыталась отшутиться:

— А может не надо? Потому как само начало разговора уже оптимизма не внушает.

Деймон промолчал и девушка забеспокоилась.

— Что-то случилось? Проблемы на работе или…

— Или, — жестко отрезал он. — Проблема в наших отношениях.

— С чего ты взял? Тебе со мной плохо?

— Нет. Мне хорошо. А тебе? Ты счастлива со мной?

— Да. Конечно! Почему я не должна быть счастлива? Я же люблю тебя.

— Знаешь, я не уверен в том, что между словами «любовь» и «счастье» всегда можно ставить знак равенства. Людям мало для счастья просто любви.

— Не всем и не всегда.

— Возможно. Спорить не стану. Но давай обойдемся без рассуждений на абстрактные темы. Меня больше интересуешь ты и то, чего тебе для счастья не хватает. Мы уже говорили о том,

что ты никогда не прикасаешься ко мне первой. Не избегаешь моих прикосновений, но сбегаешь в свою комнату, стоит нам перейти, одной тебе видимую черту. Ты когда-то объяснила это тем, что любишь меня. Я долго думал, но так и не смог понять, причем здесь любовь. Ведь эмоциональная связь должна усиливать влечение, а не наоборот. Разве не так?

— Дей, ты не понимаешь.

— Вот именно! Я не понимаю. Ничего. И прошу тебя объяснить мне, что же происходит. Тебе неприятна физическая близость в принципе?

— Нет.

— Ты не хочешь этого со мной? Тебе неприятен я?

— Да нет же!

— А в чем дело?

— Ни в чем!

— Замечательно! Это сразу внесло ясность в проблему. Ты издеваешься? Если я устраиваю тебя, как партнер и против физической близости ты ничего не имеешь, почему тогда ты отталкиваешь меня?

— Ты неправильно формулируешь вопросы. Позволь тебя перефразировать. Между понятиями «заниматься сексом» и «заниматься любовью» не всегда можно ставить знак равенства. Так вот, я хочу второго, а первое мне особо без надобности.

— Я не понимаю.

— Вот именно, Дей. Вот именно! Ты не понимаешь разницы. А для меня это очень важно. Да, Ведь эмоциональная связь усиливает влечение. Тут ты прав. Но есть один нюанс. Заметь, ты ни слова не сказал о собственных желаниях. А это очень важно. Эмоциональная связь, и влечение не должны быть односторонними. К примеру, только с моей стороны. Иначе это называется насилием. Дей, в данном случае не имеет особого значения, хочу ли я тебя. Если это польстит твоему самолюбию, то скажу: очень хочу. Но, подвергать насилию любимого человека меня как-то не тянет. Совершено.

— Я понимаю.

— Уверен? — Эмма иронично вздернула бровь.

— Нет, — голос парня прозвучал потерянно и глухо.

Девушка устало откинулась на спинку стула и исподлобья посмотрела на своего визави. А он с самым сосредоточенным видом гипнотизировал содержимое собственной тарелки. Ладно. Пусть сидит и думает. Это дело полезное. И мешать ему она не будет. Может до чего дельного и додумается. Конечно, вот сейчас как придет ему в голову светлая мысль о том, что и он ее любит. Или что главная его мечта состоит в том, чтобы они поженились

и жили долго и счастливо. Нет, этот неправильный андроид очень плохо на нее влияет. Ведь никогда до его появления ее не тянуло на ванильные штампы, даже в детстве. А теперь вдруг захотелось почувствовать себя героиней сказки. Только в реальной жизни нет у молодых девушек Крестных-фей, и лимит чудес строго ограничен теорией вероятности. Ей и так очень повезло. В том, что Дей — не тупая жестянка и способен не просто выполнять прямые приказы, а мыслить и чувствовать. Так что кому-кому, а Эмме на судьбу жаловаться грех. Она и так проявила к ней неслыханную щедрость.

— Но я тоже тебя люблю, — Деймон в приливе эмоций подскочил с места и начал метаться по кухне взад-вперед. — Да, я многого не понимаю. И не уверен, что когда-нибудь смогу все это понять. Иногда я чувствую себя полным идиотом. Потому что пытаюсь осознать некоторые вещи, а они словно бы ускользают от меня. И объяснить ничего толком не могу. Но я люблю тебя. Действительно люблю. По-другому невозможно выразить то, что я чувствую к тебе, и что ты для меня значишь.

— Дей я… — едва слышно прошептала Эмма, из-за спазма, сдавившего ей горло.

— Подожди, не говори ничего. Пожалуйста. Я еще не закончил. Ты — мой мир, мой свет. И я не хочу жить без тебя. Понимаешь? И это не давление Программы. Ее логика проста: существование андроида без Хозяина не имеет смысла. Но я хочу быть рядом с тобой. Именно я, а не какая-то безликая Программа. И именно я хочу прикасаться к тебе, чувствовать твое тепло, слышать голос. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Потому, что (как ты этого не понимаешь?) мне плохо, когда ты грустишь. А когда улыбаешься, мой мир, словно бы, обретает новые краски. Не отталкивай меня. Прошу.

ГЛАВА 17

Это утро должно было стать особенным. Полным романтики и невыразимой нежности. Она должна была проснуться в объятиях любимого мужчины с первыми лучами солнца, или, почувствовав запах кофе и теплых булочек, которые Дей принес бы ей в постель. Ее воображение рисовало идиллическую сценку из любовных романов, которые Эмма любила читать, в ранней юности. И это было их первое с Деймоном утро, точка отсчета их новой жизни. Оно должно было стать незабываемым.

Реальность оказалась не столь… вдохновляющей. Нет, это утро им действительно не скоро удастся забыть. Потому что впервые за всю свою жизнь Эмма забыла поставить будильник, и они проспали. А тихая паника по поводу стопроцентного опоздания на работу убивала всякий романтический настрой.

И если девушка тихо досадовала по этому поводу, то Деймон испытал некоторое облегчение. К этому, конечно, к этому добавлялось еще и чувство вины, потому что он, как мужчина, должен был быть более собранным и уверенным в себе. Но таковым Дей себя не чувствовал совершенно. А за поспешными сборами так легко скрыть смущение и растерянность. Нет, он ничуть не сожалел о том, что произошло вчера вечером. И в то же самое время Деймон не мог определиться, как ему к этому относиться. Ведь с одной стороны ничего особенного и не произошло. Но все изменилось. Странно. Неуловимо. И бесповоротно.

Коллеги все утро посматривали на Эмму с некоторым подозрением, потому что вела себя она как-то. Опоздала на работу (чего с ней никогда не бывало), была рассеянна и, кажется, чем-то смущена. Ее глаза сияли, губы то и дело складывались в нежную улыбку, а на щеках алыми розами расцвел румянец. И если бы речь шла о ком-то другом, а не о девушке, которую за глаза все звали «Ледяной Эммой»… но стереотипы порой бывают сильнее здравого смысла. Поэтому ее подозревали в чем угодно: от простуды до выигрыша в лотерею. И никто не догадался о ее маленькой тайне. За исключением Нене, конечно. Но она своими догадками, ни с кем делиться не спешила. Может же быть у человека личная жизнь, в которую не будут лезть посторонние?

На время обеда Эмма оккупировала дамскую комнату. Во-первых, есть не хотелось совершенно. А во-вторых, ей было необходимо побыть хотя бы немного времени в одиночестве. Ну, и в зеркало хотелось посмотреться. Утром было как-то не до этого.

Зеркало, вопреки всем ожиданием, не показало ей ничего нового, кроме лихорадочного румянца, который постоянно вспыхивал на ее щеках, стоило вспомнить прошлую ночь. Но, в целом, она осталась такой же, какой была вчера или позавчера. Изменений не было ни в осанке, ни во взгляде. Да и чувствовала себя девушка почти также, как раньше. Будто бы и не было ничего. Только мышцы немного ныли. Еще болели шея и спина. Но в этом был виноват скорее сон на старом диване, а не то, чем они занимались до того, как уснуть. И ведь ей ничего не стоило увлечь Деймона в собственную спальню. Ведь ее кровать гораздо шире, не говоря уже о том, что удобнее. Ох, бедный Дей. Как он вообще может спать на этом пыточном устройстве?

Мысли Эммы плавно перетекли на молодого человека, а щеки мгновенно запылали. Интересно, ему понравилось? Хотя бы немножко? И ведь не узнаешь никак. Не напрямую же спрашивать. А намеков Дей не понимает. Но самое ужасное, что даже если ему что-то не понравилось, он никогда об этом не скажет. Девушка тяжело вздохнула, почувствовав острый укол вины. Так хорошо, как прошлой ночью, ей не было еще никогда в жизни. И этот восторг, переполнявший ее, хотелось непременно разделить с этим несносным черноглазым мальчишкой. Ведь это и есть счастье — видеть радость в глазах человека, похитившего твое сердце. Разве нет?

Вот, посему ей в голову лезут такие мысли? Дей, наверняка, сейчас ни о чем таком не думает. На работе он всегда такой собранный и серьезный. К тому же, если он что-то делает, то отдается этому без остатка. А вот она так не умеет.

* * *

У него все валилось из рук. Сосредоточиться на работе не получалось. Стоило хотя бы немного отвлечься, как на лицо наползала самая жизнерадостная улыбка.

— Алан! — заорал во всю мощь своих легких старик Ронан. Он был постоянным клиентом «Астры» и ее бичом. Худой сморщенный с огромной лысиной на голове. Многим было непонятно, откуда в таком хилом теле может взяться столько энергии и дурного нрава. Старик был всегда чем-то недоволен. И свое недовольство он изливал в весьма оригинальной манере. Громко, и подчас весьма оскорбительно. Но окружающие давно перестали обращать на это внимание.

— Чего тебе, Рон?

— Убери от меня этого щенка! Он мне весь аппетит испортил

своей идиотской улыбочкой. Сияет, как лампочка на двести ват. Аж противно. Может я не в настроении рассматривать его рожу, на которой крупными буквами написано: «Я так счастлив».

— Ну, ладно, если ты настаиваешь. Ярик, подмени своего приятеля.

— Нет, только не он! Твой разлюбезный племянничек у меня уже в печенках сидит. Этот хоть молчит и светится счастьем, а Ярик еще и ко всему, болтает без умолку.

— Ну, тебе не угодишь, — усмехнулся Алан и ушел.

После отповеди старого Ронана, Деймон попытался изобразить на лице бесстрастную доброжелательность, но получалось это у него плохо. Слишком уж хорошее настроение у него было. Правда, ближе к обеду его немного его подпортил грозный окрик шефа:

— Дей! Ты в каких далях витаешь?

— Я? — молодой человек удивленно уставился на Алана.

— Нет, я! Проснись! Ты две тарелки уже разбил.

— Я?

— Ты! Не я же! Марш на кухню. И чтобы до вечера глаза мои тебя не видели! Будешь посуду мыть. Хотя, нет. Так у нас ее вообще не останется. Лучше повару помогать. И собраться придется, и под присмотром будешь. Нет, я, конечно, рад, что твоя личная жизнь начала налаживаться. Но, сынок, имей совесть.

— Простите, шеф, — парень смутился. — Больше не повторится. Я…

— Марш на кухню! Франц, принимай помощника.

— Готово или не или еще нет? Пожалуй, готово, — лениво растягивая гласные спросил тот, не отрывая взгляда от содержимого огромной сковороды. — Так и на что он мне сдался? И что я с ним делать буду?

Франц высокий, худощавый с гривой смоляных волос, которые он по своему обыкновению закалывал в низкий хвост, представлял собой типичного южанина. И теперь, когда он стоял всего в нескольких шагах от Деймона, их схожесть особенно сильно бросалась в глаза, как и то, что они почти ровесники. Дей выглядел немного младше. А может просто менее представительно. Строгий кипельно-белый поварской китель смотрелся гораздо лучше серой футболки с логотипом «Астры».

— Да что хочешь, то и делай. Ты говорил, что сам не справляешься? Просил нанять кого-нибудь? Считай, я тебя услышал.

— Шеф, это саботаж! Я повар, а не нянька!

— Так научи его готовить. Хоть какая-то польза будет. В зал его сегодня выпускать нельзя. В общем, Франц, я на тебя надеюсь.

Когда за Аланом закрылась дверь, молодой повар тяжело вздохнул и раздраженно уставился на Деймона. Радости по поводу приобретения долгожданного помощника на его лице отчего-то не читалось.

— Ну и что мне с тобой делать? Ты хоть знаешь, с какой стороны к плите подходить?

— Да, — растерялся парень.

— Ну, посмотрим, что ты там знаешь. В подсобке второй китель. Мы с тобой одной комплекции, так что он должен быть как раз. Надевай и бегом назад. Будешь учиться готовить.

Вечером, когда Алан заглянул на кухню, там его встретили довольный донельзя Дей и несколько пришибленный Франц. На бедного повара было жалко смотреть. Выглядел он так, будто мир его перевернулся с ног на голову и ему непонятно радоваться этому, или нет.

— Что тут у вас произошло?

— Шеф, он умеет готовить, — выпалил повар с ноткой упрека в голосе.

— Я рад.

— Нет, Шеф! Он, действительно умеет готовить. Причем, неплохо готовить. Но он нигде не учился. А так не бывает.

— Ну, почему же не бывает? Может у парня талант?

— Вот и я о том же. У него талант, а он дурью мается — тарелки разносит. В общем, Алан, в твоем заведении, наконец, появился помощник повара. Я его обратно в зал не отпущу. Он мне здесь нужен.

— С Яриком сам разбираться будешь. И объяснять, почему его напарник теперь с тобой работать будет — тоже сам. Я умываю руки.

Деймон улыбнулся. Жизнь его, определенно, начала налаживаться. Не то, что бы раньше у него были причины жаловаться на судьбу, но сейчас все стало еще лучше. Ведь у Франца можно научиться стольким вещам. И, несмотря на то, что Деймону нравилось быть хостесс, готовить намного интереснее. А еще, у них с Эммой теперь все хорошо. По крайней мере, он на это надеялся.

А вечером, дома они, лежали в постели. Укрытые пушистым пледом, в тишине и полумраке теперь уже их спальни. Ведь это так здорово просто быть рядом с тем, кого любишь, чувствовать его тепло и нежность. Эмма вот уже минут пятнадцать раздумывала над этим, уютно устроилась в кольце его рук и уткнувшись носом в плечо.

— Это слишком хорошо, — прошептала девушка, еще сильнее прижимаясь к Деймону.

— Что? — немного испугано встрепенулся тот.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой или чтобы продлиться сколько-нибудь долго. Я боюсь завтрашнего дня. Боюсь, что ты исчезнешь, и я снова останусь одна.

— Глупая маленькая Эмма, — парень слегка расслабился. — Ну, что может случиться? Куда я исчезну? Это скорее мне нужно бояться, что ты меня бросишь.

— Никогда.

— И мы всегда-всегда будем вместе? А что? Я согласен. Мы будем жить долго и счастливо, как те принц и принцесса из «Алмазного сердца». Слышишь? Не думай об этом. Просто, не думай. Хорошо?

— Дей, я ужасная эгоистка. Да? Но я так боюсь, потерять тебя. Не могу представить себе ничего хуже, чем снова остаться одной.

— Любимая…

— Я этого не вынесу, Дей. Не смогу жить без тебя.

— Не говори так. А то и мне становится страшно. Не нужно изводить себя всякой ерундой. Закрывай глазки и засыпай. Ладно? Все будет хорошо.

— Прости. Я иногда бываю жуткой истеричкой. Не знаю, что на меня находит.

— Глупая маленькая Эмма, не беспокойся ни о чем. Я с тобой. И, что бы ни случилось, я всегда буду с тобой. И буду любить тебя. Но ничего не случиться. Слышишь? Ничего! А теперь спи.

ГЛАВА 18

Их спасло чудо в лице Ярика. Если бы его не оказалось с ними в то утро, все могло бы сложиться очень и очень плохо. По крайней мере для Эммы.

Шпилька заявился к ним вчера вечером с бутылкой какой-то синтетической гадости явно алкогольного происхождения и коробкой шоколадных конфет. Он был подавлен и необычайно тих. Веселый жизнерадостный парень выглядел сейчас почти что больным.

— Она меня обманывала, — тихо сказал Ярик, глядя почему-то себе под ноги, а не на друзей. — Мы расстались. Алан выставил меня из дома и отправил к вам. Извините, ребят, но мне, правда, так паршиво. А кроме вас у меня никого и нет.

— Заходи скорее, — улыбнулась Эмма. — Не стой на пороге. Раздевайся и пойдем на кухню. Дей сегодня превзошел самого себя и приготовил… э… я не знаю, что он приготовил. Кажется, рыбу. Выглядит это… странно. Но пахнет почти съедобно.

— Ребят, мне жутко неудобно, что я вас стесняю, и, вообще, заявился сюда со своими проблемами.

— Яр, ты мне друг? — зло сощурившись спросил Деймон.

— Да, — опешил от такой постановки вопроса парень. — Конечно.

— Так вот, друзья для того и нужны, чтобы быть рядом, когда тебе плохо. Кончай страдать фигней и иди с нами ужинать. Спать ляжешь на диване. Кстати, у нас сегодня праздничный ужин. Мы вместе уже три месяца.

— Ох, а я тут…

— Дей, стукни его.

— Зачем? — удивился парень.

— Затем, чтобы извиняться перестал. Ярик, мы тебе рады. Всегда. Так что не выдумывай. И руки иди мой. А вон ту бутылочку, которую ты принес, брось в утилизатор. Что ты на меня так смотришь? Эту гадость мы пить не будем. Во-первых, жить еще хочется. Понимаешь, отравление не входит в мои планы. А еще нам всем завтра на работу. Это я тебе напоминаю, если ты вдруг забыл.

Утро выдалось веселым. Гиперактивный Ярик, даже будучи в несколько подавленном состоянии, умудрился из приготовления завтрака устроить балаган. Он дурачился, травил анекдоты и выглядел абсолютно счастливым. Вот только в глубине глаз, затаилась боль. Деймон это чувствовал, но вида не показывал. Хочется приятелю казаться беззаботным и жизнерадостным — его

дело. Значит, на это у него есть причины. И это нужно уважать.

Из квартиры они вышли чуть раньше, чем обычно и все вместе. Эмма хотела перед работой зайти в один магазинчик, а парни решили составить ей компанию.

Первый выстрел прозвучал, когда они, срезая путь, проходили через детскую площадку. Пуля вошла в землю в нескольких сантиметрах от ног девушки. Первым сориентировался Ярослав. И крикнул: «Бежим». Потом схватил Эмму, парализованную ужасом, за локоть и помчался вперед. И Деймон побежал за ними. Время как-то смазалось, словно замедлилось, превращаю секунды в минуты.

Секунда… Еще один выстрел. Мимо.

Секунда… Эмма поскользнулась, но Ярик не дает ей упасть.

Секунда… Выстрел. Мимо.

Секунда… Нет. Все-таки попал. Плечо словно обожгло. И сознание затопила боль.

Секунда… И наконец пришел страх. Только бы не упасть! Только бы не упасть!

Секунда… Боль отступила, уступая место облегчению. Царапина.

Секунда… И можно перевести дыхание.

Ребята надежно укрылись за бетонной стеной ближайшего дома. Выстрелы стихли. Шагов тоже слышно не было. Судя по всему, этот ненормальный с пистолетом не собирался их преследовать. Но лучше не останавливаться. Чем дальше они будут он места нападения, тем лучше. Они бегут молча. Все разговоры потом. Сейчас нужно беречь дыхание. Их ведет Яр. Петляя, сбивая со следа возможную погоню. Через дворы, подземные переходы, снова через дворы многоэтажек. Ярик на ходу достает из кармана ключ и они врываются в пустую парадную. Алан как раз спускается по лестнице. Какой смысл ждать лифта, когда живешь на втором этаже? Строго оглядел запыхавшегося племянника, его друзей, и отрывисто бросил: «В квартиру. Быстро».

Рана Деймона оказалась действительно простой царапиной. И при ближайшем рассмотрении выглядела почти безобидно. А вот пропитавшийся кровью рукав его куртки напугал Эмму до полусмерти. От пережитого ее начала быть крупная дрожь. Она не плакала, не кричала. Просто смотрела, словно бы в никуда, остекленевшим взглядом. Приходить в себя девушка начала только после того, как Алан заставил ее выпить четверть бокала какой-то прозрачного и безумно горькой жидкости.

— Пей, девочка, — тихо приговаривал он, гладя ее по плечу. — Пей. И легче станет. А с Деем все хорошо. Слышишь?

Все хорошо. Все уже закончилось.

Только заканчиваться ВСЕ, еще не собиралось. Это было только начало. Через час на огромных стендах, где обычно крутили рекламу, появились их лица с надписью: «Внимание! Розыск. Всем, кому известно кому, что либо известно о местонахождении разыскиваемых, срочно позвонить…» На всех главных улицах, на всех станциях метро. Об этом им рассказал шеф. Алан оставил молодежь в своей квартире и отправился на работу. Всерьез он это нападение не воспринял. То есть подумал, что эта троица стала случайными жертвами какого-то психопата. Ему и в голову не могло прийти, мысль о том, что на кого-то из них могли открыть охоту. А когда понял, бросив работу, помчался домой.

Алан, погруженный в собственные мысли, мерил шагами комнату. И лишь изредка он останавливался, бросая косые взгляды на племянника и его друзей. А потом сел в свое любимое кресло и внимательно посмотрел на своих гостей.

— Так. Рассказывайте, что вы натворили.

Девушка опустила глаза и тихо сказала:

— Ничего. Мы не сделали никому ничего плохого.

— А почему же тогда вас разыскивает полиция? Кто хотел вас убить? И главное, за что?

— Мы не знаем.

— Нет, — вмешался Деймон. — Эмма, мы знаем. Шеф, это из-за меня. Эмма здесь ни при чем.

— Ладно. Что ты натворил и кому при этом перешел дорогу?

— «Нео-инкорп».

— Мальчик, тебе надоело жить? Так есть более гуманные способы самоубийства.

— Алан, я не сделал им ничего. Но я жив. И думаю, именно это им не нравится. Мне не хочется втравливать вас во все это…

— Дей, мы в этом уже по уши, — хмыкнул Яр. — Выкладывай.

— Понимаю, насколько дико это прозвучит, но прошу вас поверить мне. Я андроид. Пять месяцев назад меня выставили на продажу торговом центре. Потом купили, а Эмме я достался в подарок. И никакой я не Дей Росс, а Модель TSA-357_683. Имени у меня вообще нет. Поэтому и ID тоже нет.

— Ребята, вы нас так разыгрываете?

— Нет, шеф, — покачала головой Эмма. — К сожалению, нет.

— А по мне так разыгрываете, — раздраженно бросил Алан. — Ребят, андроиды не обладают собственной волей. Я кибернетику в школе изучал. И, Эмми, не в обиду будет сказано, но тут с первого взгляда видно, кто у вас в доме хозяин. И,

несмотря на подчеркнуто-трепетное его к тебе отношение, командует он.

Девушка беспомощно пожала плечами. Мол, так получилось, и, вообще, я здесь ни при чем. Деймон повторил ее жест. А шеф недоверчиво хмыкнул.

— Но ты не похож на тупую жестянку, — с некоторым укором сказал Яр.

— Может потому что я не тупая жестянка, а современный компьютер?

— И кто после этого Шпилька? Знаешь, тебе это прозвище подходит больше. Так что дарю.

— Благодарю за оказанную честь. Но не достоин я ее. Не достоин. Так что оставь себе.

— Вот что я говорил?!

— Яр, — устало произнесла Эмма. — Нам не до шуток. На нас охотятся люди из «Нео-инкорп». Плюс ко всему разыскивает полиция. И, да, Деймон не похож на тупую жестянку. Он, вообще, на жестянку не похож. Сейчас. Поначалу был. Взгляд пустой. А говорил, как… это было непередаваемо. Одни его: «Мои сенсорные системы улавливают» чего стоили?! Про то, как он мне пытался инструкцию по эксплуатации прочитать, даже вспоминать не хочу. Но потом как-то стерлось. И мы не знаем, учился ли он быть человеком или вспоминал это. Мы вообще, ничего не знаем. И не можем узнать, не раскрыв себя.

— Вот это в переплет мы попали, — присвистнул парень.

— Нет, Яр, это мы попали в переплет, — жестко оборвал его Деймон. — Не вы. Запомни. Это только наша проблема. И вы ничего не знаете. Вообще. Понимаешь? Вы и так столько для нас сделали. Меньше всего нам бы хотелось вас подставить. А теперь о том, что вы знаете. Работали тут парень и девушка. Назвались Деймоном и Эммой Росс. О себе ничего не рассказывали. Ты с обоими был в приятельских отношениях. Пару раз вы вместе сходили в клуб. В перерывах болтали обо всем и ни о чем. Дома у нас никто из вас не был. И куда мы пропали, никто не знает. Вот так. Если будут спрашивать обо мне. Говори, что я нерешительный подкаблучник, неспособный и шагу сделать без оглядки на жену. Ладно?

— Да. Но…

— Яр, так нужно. Пусть лучше они меня недооценивают.

— Хорошо.

— Здесь вам оставаться опасно, — нахмурился Шеф. — Ребят, вы не подумайте, я вас не выгоняю. Но вас вычислят, в считанные дни, если вы задержитесь не то, что в этой квартире, вообще в этом округе. Кстати, даже не думайте возвращаться в свою

квартиру. Там, сто процентов, засада.

— Понимаю.

— У меня есть старый приятель. Я ему через тебя, Дей, записку передам. Шан поможет переправить вас куда-нибудь подальше отсюда. И болтать не станет. Надежный он человек. Ночью пойдете к нему. А теперь вам нужно отдохнуть. Попробуйте поспать немного. Сынок, хватай свою девчонку в охапку, тащи в душ, а потом в постель. Вполне возможно, что вы проведете в дороге несколько суток. И силы вам понадобятся.

Деймон криво усмехнулся и подхватил подругу на руки. Она не сопротивлялась. Зачем? Несносный брюнет давно уже делал, что хотел и ничего с этим она поделать не могла. Да и Алан прав. Сейчас нужно воспользоваться тем, что они в относительной безопасности и отдохнуть.

— Ну, почему это происходит именно с нами? — шепчет она ему на ухо, когда за ними закрывается дверь.

— Не с нами. Со мной. Они ищут меня. Ты просто однажды оказалась не в то время и не в том месте. И раз им нужен я…

— Даже и не думай. Я не отпущу тебя.

— Эмма, рядом со мной ты в опасности. Пойми. Выберемся из этого округа и…

— Нет! Ты же не хочешь, чтобы я умерла.

— Не хочу. Именно поэтому мне лучше быть от тебя, как можно дальше. Тебя едва не убили сегодня, глупая маленькая Эмма.

— Бросишь меня — еще раз наглотаюсь таблеток. Теперь я точно знаю, какая дозировка действительно опасна. Ты единственный, кому я нужна в этом мире, единственный, кто нужен мне. А смерти я не боюсь. Почему-то никогда не боялась.

— Ты говоришь это, чтобы удержать меня.

— Да, — ответила девушка бесцветным голосом в котором не было ни единой эмоции, только усталость. — Не буду отпираться. Я говорю это, чтобы удержать тебя рядом со мной. Но кто сказал, что это неправда? Или, что я не сделаю того, о чем грожу? И если шантаж поможет мне выбить из твоей дурной головы тягу к бессмысленному самопожертвованию, я готова пойти на шантаж. Что мне еще остается делать? Прости, но ты не оставляешь мне выбора. Задуманное тобой — чистейшее самоубийство. А я не хочу жить без тебя. Не хочу и не могу. Понимаешь?

— Нет! Не понимаю. Ты должна этого хотеть. ДОЛЖНА! — Деймон был в ярости и испепелял подругу почти ненавидящим взглядом.

— Кому? — лениво, с толикой высокомерия спросила она.

— Что? — парень задохнулся от возмущения.

— Кому я это должна?

— Мне, идиотка! — заорал Деймон, надвигаясь на нее. — Ты МНЕ это ДОЛЖНА!

— Дей, ты любишь меня? — этот вопрос, заданный тихим, полным боли голосом, застал его врасплох.

— Люблю, — ответил он также лихо.

— Поэтому, пообещай мне, что не дашь убить себя. И не дашь никому разлучить нас. Обещай!

— Обещаю. Но я так боюсь, что не сумею сберечь тебя.

— Не беспокойся. Я тоже обещаю тебе, что не дам никого убить себя.

Через несколько часов в комнату которую они заняли, тихо постучали. А потом, не дожидаясь ответа, в нее зашел Ярик с объемной сумкой на плече и не менее объемным пакетом.

— Ребята, просыпайтесь. Уже восемь. Пора собираться. Переодевайтесь. Я тут смотался в магазин и купил кое-что. Дей, твоя куртка была безнадежна. В общем, я ее выбросил. А у тебя, Эмм, она слишком уж легкая. Замерзнешь. Но я ее в сумку положил. Ты не беспокойся. Да и ещё кое-что из своих сложил. Пригодятся. Благодарить не вздумайте. Обижусь. Друзья для того и нужны, чтобы быть рядом, когда тебе плохо. А вам сейчас, явно уж, не хорошо. И выходите ужинать. Алан молодость вспомнил — плов приготовил. Вкуснотища!

В коридоре Алан отозвал Деймона в сторону и вложил ему в руку немаленькую пачку:

— Вам ведь деньги нужны. Тут не так уж и много, но на первое время хватит.

— Спасибо, шеф, но не нужно, — Дей покачал головой.

— Сынок, — раздраженно тряхнул головой Алан, — героя из себя не строй. Ты ведь не один. О девчонке подумай, и засунь свою гордость куда подальше. Просто возьми, скажи спасибо и иди. Сможешь — вернешь. Не сможешь — и не надо. Не последнее отдаю. Вам они нужны, а меня хоть совесть мучить не будет.

— Спасибо, шеф. Еще увидимся!

— Конечно, увидимся, Дей. Береги себя. И ее. А теперь иди.

Молодой человек тепло улыбнулся, а затем шагнул в сумрак парадной, увлекая за собой подругу. Эмма оглянулась через плечо и тоже улыбнулась. Они ушли не прощаясь.

ГЛАВА 19

Шан оказался ровесником Алана. Низеньким, щуплым человечком с хитро бегающими глазками и лукавой улыбкой. Деймону он отчего-то не понравился, но особого выбора у них с Эммой не было. Либо сидеть и ждать, пока их схватят, либо попробовать вырваться. К тому же Шан им помогал. Причем, совершенно бескорыстно. А когда Дей заикнулся о деньгах, Шан резко оборвал его и сказал, что не ради наживы он с ними тут возится.

— Должок за мной имеется. Старый. А долги надо отдавать. Это дело чести. Понимаешь, о чем я?

Деймон не совсем понимал, что старик имел в виду, поэтому покачал головой. Но какие-то струнки в его душе эти слова затронули. И он, отрицательно покачав головой, опустил глаза. Ему стало отчего-то стыдно. Как будто бы была его вина в том, что он забыл о чем-то очень важном.

— Эх, молодой ты еще. И ведь по глазам вижу, что честь для тебя — не пустой звук. Но ничего, время все осознать у тебя еще есть. Но это лирика. Теперь о деле. Послушай меня, парень.

Шан на минуту замолк, задумчиво посмотрел на парня. И только потом продолжил. Эмму он отчего-то игнорировал. Демонстративно. Как будто она не человек, а мебель. Деймона такое отношение коробило, но виду он старался не подавать. Зачем обострять ситуацию? — Есть два варианта. Южный и Западный округа. Я могу вас переправить уже сегодня в Южный. Или послезавтра в Западный. И если бы служба безопасности не наступала вам на пятки, я посоветовал бы именно второй вариант. А так… Но решать, в любом случае, тебе. Только времени на раздумья не так уж много. Примерно минут пять. И советую поторопиться. Мои люди уже выходят. А Рей ждать не любит.

— Значит, мы выходим с ними.

— Но Дей, — ахнула Эмма.

— Мы не можем здесь остаться еще на два дня. Это слишком рискованно.

— Но в Южном округе…

— Я знаю. Возможно, они не станут искать нас, если мы спрячемся под самым их носом? К тому же, разве у нас в действительности есть выбор? Пойдем. Время дорого.

Шан усмехнулся. А парень не дурак. Совсем не дурак. И, пожалуй, не так прост, как кажется. Да и с подружкой хорошо держится. Правильно. На своем стоит твердо, и воли ее страхам и

капризам не дает. А девочка его, сразу видно, тепличный цветочек. Слишком уж светлая, правильная. И слабая. Хоть и старается показать, что все ей по плечу. Только пустое это все. Ей нужно, чтобы рядом был мужчина. Сильный. Уверенный. Такой, чтобы она себя за ним, как за каменной стеной чувствовала. Иначе пропадет. Перестанет бороться, просто однажды руки опустит. И все. Но и слишком жестко с такими, как она нельзя. Сломается. Это хорошо, что они вместе. Когда рядом тот, кого ты любишь жить, отчего-то хочется намного сильней.

Старик бросил еще один косой взгляд на Деймона. Улыбнулся, отмечая решительность, с которой он двигался, цепкий взгляд и волевой подбородок. А с Реем этот мальчишка, определенно, поладит. Главное, уговорить того взять эту парочку на борт. И вот как раз с этим могли возникнуть проблемы. Но решать их разумнее всего по мере поступления. А пока нужно бы добраться до ангара, где уже собиралась группа сумасшедших искатель приключений.

Рейлен Мар был личностью колоритной. Авантюрист и, сумасшедший которого так манили заповедные дали, раскинувшиеся вне куполов. Сталкер, предпочитающий называть себя археологом. Неуловимый контрабандист. Человек, прошлое которого подернуто дымкой тайны. Никто не знал точно, сколько ему лет и откуда он родом. Но все, кто имел хоть какое-то отношение к «теневому» рынку знали о нем две вещи: он всегда держит слово и его невозможно обмануть.

Габаритами Рей напоминал огромную гору. Этот мужчина на добрую голову возвышался над окружающими и казался неуклюжим великаном. Только это было не так. При необходимости он умел двигаться ОЧЕНЬ быстро. Его каштановые волосы на солнце отливали золотом. А в уголках его удивительных ярко-голубых глаз собрались лучики морщинок, выдавая веселый нрав. Черты его лица нельзя было назвать правильными. Тонкая линия губ, нос с горбинкой, высокий лоб. Веснушки, облепившие все его лицо, были отдельной историей, но, как ни странно, очень ему шли. А в его улыбку были влюблены все женщины в возрасте от семи до семидесяти лет, которым посчастливилось ее увидеть.

— Пассажиры? — Райлен еще раз придирчиво осмотрел ребят. — Ох, Шан, подставляешь ты меня. Я же не на прогулку еду, а в рейд. А они балласт. Дети, которые жизни не видели. И смерти. Спорим, они еще и классическое образование получили? Музыка, живопись, танцы.

— И чем ты был лучше в двадцать лет? Рей, им очень нужно исчезнуть их этого округа.

— Шан, я не могу гарантировать, что они доберутся до Юга живыми и здоровыми.

— Выбора все равно нет.

— Ладно, детки, слушайте меня внимательно. Ведете себя тихо. Никаких капризов. Никаких истерик. Из машины не выходите. От меня ни на шаг, что бы ни случилось. И слушаетесь беспрекословно. Идиотских вопросов вроде: «А зачем?» — не задаете. Парень, насколько хорошо стреляешь?

Деймон нахмурился. Он не был уверен, что вообще умеет стрелять.

— Неужели ошибся, и классическое образование получила только твоя девчонка? Жаль только у юных леди вместо дуэльного клуба кружок рукоделия. Ладно, сейчас проверим. Держи, — в руку Деймона легла знакомая тяжесть металла. — А теперь посмотри вон туда. Видишь мишень? У тебя три попытки.

Когда все три пули пробили «яблочко», Рей довольно крякнул. Все-таки не ошибся. Стрелять его учили. И ведь почти не целился, поганец. Сразу видно: хорошая школа. Да и реакция у парня оказалась отменной. Такой и с закрытыми глазами попадет. В мишень. А вот убить человека, или даже просто живое существо, это совсем другое. Но лучше что-то, чем ничего. Деймон протянул пистолет обратно Рею. Причем, только после того, как отработанным до автоматизма движением поставил его на предохранитель. Тот лишь покачал головой.

— Оставь пока себе. Это не увеселительная прогулка. За периметром купола очень опасно. Ты даже не представляешь, какие зверюшки там обитают. Ладно, поболтали и хватит. Через десять минут выезжаем. В машину. И чтобы сидели тихо.

Оглядев машину, Эмма скептически хмыкнула. Меньше всего она напоминала городские авто. Это скорее было огромной крепостью на колесах. Внутри оказалось неожиданно уютно и светло. Коричневые сиденья, бежевые стены и рассеянное освещение. Тесновато, конечно. Но это мелочи. В целом же, девушка чувствовала себя здесь вполне комфортно. Дей, судя по виду, думал примерно о том же.

— Привет, — услышали они тихий шепот, — Чего застыли? Проходите. Кстати, Я — Георгий, но можно просто Гер.

Ребята обернулись на голос и увидели мальчишку лет шестнадцати. Огненно рыжие волосы неряшливо торчали во все стороны, в серо-зеленых глазах играл огонек любопытства, а губы растянуты в довольной улыбке.

— Привет. А ты тоже поедешь с нами.

— Угу.

— А зачем это тебе? Это же опасно.

— Не настолько уж и опасно. Я с Реем уже пять лет катаюсь. И жив-здоров. Главное, на рожон не лезть и не геройствовать. Не бойтесь. Все будет хорошо. Только перед тем, как что-то сделать, головой думайте. Впятером, конечно, тесновато, но зато скучно не будет. А то Рей с Алексом как заведут один из своих бесконечных философских споров, так я на стенку готов лезть. Летом еще ничего. Можно в окно посмотреть. Деревья, трава, небо голубое-голубое. Это так красиво! Словами не передать. И животные. Есть, конечно, и монстры всякие. И с большинством их них я встречаться один на один не хотел бы, но…

— Они вызывают восхищение? — подсказала Эмма.

— Да. Точно! Восхищение. Их надо увидеть. Иначе не поймете. Только сейчас зима. Может, если повезет, встретим кого-нибудь. Но вряд ли. Путешествие обещает быть унылым.

— Знаешь, Гер, нас это не слишком расстраивает, — улыбнулся Деймон.

— Вот это правильно, — засмеялся худощавый мужчина с ежиком то ли платиновых, то ли седых волос. — Я Алекс. И, ребят, чего вы стоите? В ногах правды нет. Да и вы, наверняка устали. Гер, покажи, как из кресел сделать кушетки. И обогреватель включи. Холодно же.

— Вас понял! Разрешите исполнять, господин старший механик? — весело отрапортовал мальчик.

— Выполняй, — усмехнулся Алекс, садясь в одно из кресел и поворачиваясь в нем на сто восемьдесят градусов, чтобы видеть новеньких. — Да садитесь же вы. Не стесняйтесь.

И не дожидаясь, пока они устроятся в массивных креслах, продолжил допрос:

— Я, как вы уже, наверное, поняли, механик. Рей у нас штурман. Гер — Мастер на все руки. А вы?

— Пассажиры, — уныло ответила девушка.

— Нет. Что делать умеете?

— Он умеет готовить, — с самым невинным видом сдала друга девушка.

— А ты?

— Я готовить не умею. По крайней мере, в сравнении с ним.

— А по профессии кто? — задумчиво спросил механик. — Образовательный профиль?

— Детский психолог, — ошарашенная таким натиском, ответила девушка. — Дефектологическое направление.

— Читать любишь?

— Конечно.

— Гер, возрадуйся. Я нашел тебе учителя по литературе.

Мальчик застонал. Похоже, энтузиазма старшего товарища он

не разделял. Тот в свою очередь лишь хищно улыбнулся и продолжил допрос:

— История? Теория государственности? Концепция системы естествознания?

Эмма кивала, сообразив, к чему тот ведет. Алекс уже светился злорадным восторгом. Видимо, усадить шустрого паренька за учебу он мечтал давно. А Гер становился все мрачнее и мрачнее с каждой минутой.

— Рей, — улыбнулся мужчина, когда тот вошел и занял водительское кресло. — Десять дней покоя! Ты можешь себе это представить? Мне до сих пор не верится.

— Ты это о чем?

— Маленькая леди получила классическое образование.

— Да, я понял уже. И что? — непонимающе нахмурился капитан.

— Я придумал, чем занять нашего юного друга.

Рей засмеялся. Громко и так заразительно, что на лица всех присутствующих, за исключением хмурого Гера, заиграли улыбки. А потом, переведя дух, ответил:

— Дружище, ты гений! Шесть. Нет, десять часов в день! Я даже согласен сам готовить, лишь бы он был занят.

— Не стоит. Готовить у нас будет южанин. Леди говорит, что он умеет. Рей, нас ждут сказочные дни. Не рейд, а отпуск, — сказал Алекс, и, пританцовывая, направился на свое место за капитаном.

А Рей обернулся через плечо и обвел строгим взглядом свою, пополнившуюся еще двумя единицами команду, и отрывисто бросил:

— Все по местам! — Затем включил рацию, легко пробежавшись пальцами по приборной панели. — Это Первый. Проверка связи. Как слышно? Прием.

— Это Второй. Слышу вас хорошо. Прием.

— Вас понял, Второй. Удачной дороги.

— Спасибо. Конец связи.

— Это Третий. Слышу вас хорошо. Прием.

— Вас понял, Третий. Удачной дороги.

— Вам тоже. Конец связи.

Рейлен сделал глубокий вдох и пробормотал: «С Богом». И машина тронулась в путь. Дорога была, по-видимому, достаточно ровной, потому что движение почти не ощущалось. Деймон и Эмма затихли в тревожном благоговении. Они покидали купол. И путь их следовал туда, где, по мнению абсолютного большинства жителей Земли, царили смерть и разрушение. И от этого им было немного не по себе. Тогда, как для Гера и Алекса в этом маршруте

не было уже ничего особенного. За столько лет он успел стать привычным, и даже в чем-то рутинным. Поэтому они тихо разговаривались о чем-то своем. Эмма прислушалась.

— Гер, не дури. Учись, пока есть такая возможность. У всех, кто может тебя хоть чему-нибудь научить. Просто ты не осознаешь, насколько тебе повезло. В отличие от тебя и меня маленькая леди получила не традиционное, а классическое образование. Знаешь в чем разница? Нас с тобой научили читать, писать и считать. И все.

— Не правда. Я много читал. Историю, физику и химию. И Рей со мной занимался.

— Да я не о том, малыш. Методы традиционная школы основывается в большинстве своем на тупой зубрежке. Тебя научили запоминать формулы и определения. И поэтому ты их помнишь и можешь использовать. Больше ни на что та система не годна. Но знаешь ты только то, что выучил.

— Конечно. А как можно знать то, что не выучил?

— Я к этому и веду. Классическое образование построено по другому принципу. Там на первом плане история и естествознание, литература. И нашу маленькую леди учили не запоминать, а понимать, видеть суть. А это намного важнее.

— И что? Этому можно научиться за полторы недели?

— Нет, конечно. Но на твоем месте я не стал бы упускать такой шанс. Потом он может и не представиться.

— Ну, ладно, — уныло отозвался мальчик.

Алекс сокрушенно покачал головой, как бы говоря: «Ох уж эти подростки». Эмма покачала головой в такт собственным мыслям. Вот и нашлась ей работа на время всего путешествия. И хотя ее будущий подопечный не горел восторгом от этой перспективы, она немного успокоилась. Работа ее отвлечет, не позволит впасть в ужас и уныние. К тому же им предстояло посетить места, в которых бывали исключительно единицы. И о том, что они увидят за периметром, девушка имела довольно смутное представление. В школах им рассказывали, что там, за куполом хищниками являются все без исключения животные и большая часть растений. А токсично все без исключения от воды до воздуха. То, что рассказывали им на уроках биологии, больше походило на страшные сказки, а не на адекватную научную теорию. Ведь если за куполом более двухсот лет есть жизнь, значит там вполне устойчивая экологическая система. А она не может состоять из одних хищников. Достаточно просто немного задуматься, провести пару аналогий, и ты поймешь всю несостоятельность того, что пытаются тебе навязать. Вот только в школах это не приветствуется, что бы там не говорил Алекс о

преимуществах классического образования. Никому не нужны дети, которые имеют собственное мнение? Ведь в учебниках все описано с единственно верной точки зрения. Все остальное — заблуждение. Только Эмма давно вышла из детского возраста и поняла, что слепо верить тому, что написано в учебниках довольно глупо. Написанное там, может существенно исказить правду. Если это будет кому-то выгодно.

Эмма, стараясь не выдать своего любопытства, искоса поглядывала в окно. Но ночная мгла не позволяла ничего разглядеть. Ну, ничего. Сейчас ведь ночь. Завтра она своими глазами увидит мир, в котором правят не люди, а сама природа. И несмотря на то, что она оказалась в ужасной ситуации. Ее тихая размеренная жизнь рухнула. Их разыскивает полиция. И кто-то хочет убить. Она не знает, что будет с ней и Деймоном. Но сердце ее сладко сжалось в предвкушении. Завтра она увидит новый мир.

ГЛАВА 20

— Илья, — тихо окликнул подчиненного Мартин Эйвери и по своему обыкновению сел на соседний стул. Это была старая привычка, можно сказать некий ритуал. Отдаешь указания или принимаешь рапорт о проделанной работе — делай это в своем кабинете, расположившись за широким столом, и нацепив маску «всевидящий, всезнающий начальник пятого отдела при исполнении». А хочешь дать совет, узнать чье-то мнение, или просто поговорить, не поленись прийти к человеку сам. Ведь подчиненные тоже люди. Им приятно уважительное отношение, внимание, наконец. И никому не нравится, когда начальник-самодур, которому вдруг стало скучно, и захотелось пообщаться, вызывает тебя к себе, отрывая от важной работы. Поэтому капитан своей властью над почти сотней оперативников старался не злоупотреблять. А к Корсакову, в котором видел своего будущего приемника, вообще относился с отеческой нежностью, так как своих детей у него не было.

Илья оторвал осоловелый взгляд от монитора и перевел его на Мартина. Тот лишь досадливо покачал головой. Болезненно бледный, взъерошенный с красными от перенапряжения глазами. Не знает мальчишка меры. Ох, не знает. И вместо того, чтобы отдохнуть хотя бы пару часов литрами потребляет кофе. Впрочем, капитан Эйвери был последним, кто мог его осуждать. Сам ведь такой. Поэтому, в сотый раз пообещав выпроводить этого трудоголика в отпуск месяца так на два, как только эта заварушка с «Нео-инкорп» будет позади, начал:

— Поступила новая информация о Ветрове. В общем-то ничего нового о его нынешнем местонахождении. Также Северо-Восточный округ. Вот только его не просто видели в отеле «Астра». Он, там работал последние три, или даже четыре месяца. И знали его там, как Деймона Росса. Оперативная группа уже на месте. Через пару часов жду отчета.

— Мы их там уже не найдем, — Илья начал массировать виски. От усталости начинала болеть голова. Как же хотелось спать. Но нельзя. Никто за него его работу не сделает. Да и не честно это перекладывать на других.

— Конечно, не найдем. Идиоту понятно, что эти двое ударились в бега. С одной стороны «Нео-инкорп», с другой — мы. Они запаниковали.

— Они? Ты действительно думаешь, что Ветров сам принял такое решение?

— Не знаю. Может и не сам. Но свидетели не описывали его,

как душевнобольного. И та блондинка не водит его за ручку. Он либо абсолютно адекватен, либо очень близок к этому. В любом случае, даже если это ее решение, лучше уж так. По крайней мере она не работает на «Нео-инкорп».

— Почему ты так уверен?

— Илья, ты меня разочаровываешь. Потому, что он до сих пор жив. Кстати, ты не думал, что, как и Дарина этот парень мог не сломаться?

— Конечно, думал. Но это было бы неслыханным везением.

— А девушка? О ней есть что-нибудь?

— То, что мы уже знаем: высокая, стройная, светлые волосы, средней длинны. Сходство с фотографиями, которые у нас есть, прослеживается. А вот теперь, самое интересное. Ее зовут Эмма Росс. ID 3574 00 753. Двадцать три года. Уроженка Юго-восточного округа. Трений с законом не имела. Ее даже за переход дороги в неположенном месте не штрафовали ни разу.

— И…

— По информации Юго-востока Эмма Росс мертва больше трех лет. Разбилась в автокатастрофе. И как раз последние три с половиной года девушка с этим именем живет в Северо-восточном округе.

— Ошибка системы?

— Нет. Во всяком случае, это не случайный сбой. Я просмотрел светскую хронику. О ее гибели писали в газетах.

— Так может эта девушка просто воспользовалась чужим ID?

— Я сначала тоже так подумал. Но вот взгляни. Это фотография из новостных лент трехлетней давности. Одно лицо.

— Да, что и говорить? Узнав ее имя мы сильно продвинулись. Назад. Черт. Чем больше мы получаем информации, тем сложнее становиться сложить картину. И я все больше и больше запутываюсь.

— Давай подождем, пока наши ребята прочешут «Астру». Пока это единственная наша зацепка. Может там прольется свет на ситуацию. Все-таки эта парочка задержалась там надолго. Знаешь, иди-ка ты спать.

— Я не могу. У меня работа.

— Лейтенант Корсаков, я только что отдал вам приказ. Исполнять. Живо! — гаркнул капитан, а потом смягчившись, добавил. — Иди. Я разбужу как только станет хоть что-нибудь известно.

Старик свое обещание сдержал. И отчет сержанта Герольда Мара перспективного молодого дознавателя они заслушивали вдвоем.

— Капитан, это были они. Вне всяческих сомнений. Только,

сотрудничать с нами желанием никто не горит. Информацию приходится собирать по крупицам и, буквально вытягивать из людей клещами. Все служащие гостиницы во главе с хозяином старательно симулируют склероз и крайнюю форму слабоумия. Вот представь, каково слушать на протяжении всего дня, — Гер скорчил недовольную гримасу и передразнил одну из официанток. — «Деймон? Ох, нет. Что вы! Он совсем не похож на того парня с плакатов. Ну, если только совсем чуть-чуть. Нет, ничего не знаю. Понятия не имею, где он жил. Нет, мы с ним никогда не общались. Нет, ни с кем здесь не дружил. Очень скрытный молодой человек. Ну, откуда же мне знать, куда он делся? Нет, с подругой его тоже никто из нас близко не общался». И вот так мне отвечает каждый. Врут, конечно. Не в плане, что кто-то из них действительно знает, где они могут быть. А в том, что парень ни с кем не дружил. Но я попытаюсь еще что-нибудь раскопать. Завтра поговорю с посетителями. Среди них должны быть завсегдатаи, которые могут многое знать. Ну и еще раз опрошу персонал. Может кто-то проколется.

— Хорошо, — ответил Мартин. — Работай, Гер. Если получишь хоть какую-нибудь мало-мальски значимую информацию, звони. В любое время дня и ночи.

— Вас понял. Разрешите исполнять?

Капитан кивнул и отключил связь. А потом перевел взгляд на Илью. Тот сидел задумчиво теребя в руках карандаш.

— Что планируешь делать?

— Знаешь, Мартин, я хочу выбить из равновесия Латена. Слишком уж уверенно он себя ведет.

— Может не стоит? Я имею в виду, тебе. Личная неприязнь может сыграть против тебя, сынок. А уж ненависть…

— Справлюсь. Все-таки я профессионал.

Капитан промолчал. Он не слишком одобрял эту идею. И лично ему было бы намного спокойнее, если бы Илья согласился перепоручить работу с руководителем проекта «Anima» кому-нибудь другому, но крыть было нечем. Корсаков ведь действительно профессионал. И как бы ни было это тяжело, он справится.

* * *

Кристиан злился. И сейчас все больше на себя, чем на кого-либо другого. Он где-то прокололся где-то еще. Вот, только, где? И насколько? Проблемы наслаивались, как снежный ком. У него складывалось ощущение, что капкан, в который он угодил, вот-

вот захлопнется. И мало того, что киллер, которого он нанял, не справился с заданием, так Ветрова еще и в розыск объявили в этот самый день. А девушка, судя по всему, и есть загадочная Эмма Росс. Или нет? Может ли это быть простым совпадением? Вряд ли. Таких совпадений не бывает. А это значит, что в СБ что-то знают. Только вопрос: что? И почему его до сих пор не арестовали? Просто, за недостаточностью улик? Или потому, что не догадываются о проекте «Anima»? Такое тоже могло быть. Скорее всего, так и есть. Ну, откуда этим тупым полицейским знать о деятельности закрытого отдела одной из самых влиятельных корпораций?

Но пока Ветров жив, он остается угрозой. Не только для Кристиана, но и для всего «Нео-инкорп». Страшно даже подумать, какой скандал может разразиться, если правда о разработках проекта «Anima» станет известно широкому кругу. Как возликуют все эти общества защиты прав человека. Им ведь, по большей части, наплевать от кого они станут защищать эти самые права. Главное, создать вокруг этого как можно больше шума, выставив себя последним оплотом нравственности в этом мире. И они обязательно развернут целую кампанию направленную против продукции «Нео-инкорп». А это потери, убытки и несмываемое пятно на их репутации.

Стоит ли говорить, что наемному работнику, коим является господин Латен, такого не простят. Мужчина не питал иллюзий на этот счет. Его судьба будет решена в тот же миг, как правда о TSA всплывет наружу. За него возьмется не служба безопасности, а специалисты узкого профиля теневых структур. И это будет равнозначно смертному приговору. Вот только сам Крис на тот свет не спешил. Может, просто не верил, что там, за гранью жизни есть что-то. А возможно дело было в чем-то ином. Но он панически боялся смерти боли. И стыдился этой своей слабости.

Именно поэтому чужие страдания доставляли ему столько удовольствия. Они опьяняли, создавали иллюзию того, что он брал власть над собственными страхами. Оставаясь один на один со своей жертвой, он испытывал ни с чем несравнимое в своей остроте наслаждение. И не один наркотик не мог сравниться с этим. Уж, Крис знал в этом толк. Себе он отказывать не привык ни в чем. И сейчас его в маленькой квартирке, приобретенной через подставных лиц, его ждало маленькое развлечение.

Он, кстати, довольно придирчиво относился к внешности собственных игрушек. Нет, за неимением лучшего годились все, кого ему удавалось заполучить, но это было уже не то. Кристиан предпочитал высоких кареглазых девушек с пышными черными локонами почти до талии. И на долю этих несчастных выпадало

больше всего страданий. Именно к ним смерть приходила как долгожданная гостья, призванная принести покой. Все они напоминали ему о той, что посмела уйти от него. И через этих несчастных он мстил ей. А тем временем маленькая легкомысленная Лия, его жаркий Июль просто жила, не подозревая о том, что чуть позже займет место одной из них. Не сейчас, конечно. Да и зачем спешить, ведь ожидание только усиливает только желание, тот сладкий огонь, сжигающий его.

Кристиан облизнул губы, в предвкушении. Еще час, или около того и он получит долгожданную игрушку. Посредник говорил, что волосы у нее темные, как ночное небо. Телефон зазвонил неожиданно. И как всегда не вовремя. С тихим раздражением мужчина взял трубку, но ответил вполне благожелательным тоном:

— Слушаю Вас.

— Добрый вечер, господин Латен. Вас беспокоит лейтенант Корсаков. Служба безопасности Южного округа.

— Добрый вечер, лейтенант. Я могу быть вам чем-нибудь полезен?

— Да. Где вы сейчас находитесь?

— Стою в пробке на третьем кольце Рассветного парка.

— Тогда вам не составит труда заскочить в кофейню «У Шайриза». Бывали там? Мне бы хотелось поговорить с вами. Это не займет много времени. От силы десять-пятнадцать минут.

— Лейтенант, возможно, мне стоит завтра зайти к вам в участок?

— Нет. Не стоит. У меня нет намерения допрашивать вас, господин Латен. Я хотел бы просто поговорить, уточнить кое-какие детали. Скорее, мне нужен ваш совет. Повторюсь. Это не займет много времени.

— Ну, хорошо. Ведь я, как законопослушный гражданин обязан оказывать содействие службы безопасности. Думаю через пять сем минут я смогу добраться до этой кофейни.

— Благодарю вас, господин Латен. Буду ждать.

Кристиан раздраженно провел ладонью по волосам. Ох, как же ему хотелось послать этого настырного лейтенанта ко всем чертям. Но именно этого делать было и нельзя. Законопослушные граждане всячески стараются оказать содействие полиции. А если человек от этого уклоняется, значит не так уж он и законопослушен. И это будет поводом для подозрений. А такой поворот событий сейчас крайне нежелателен. Поэтому мужчина, нацепив на лицо маску живейшего участия, поспешил на встречу с ищейкой из СБ, еще не зная, в какую игру тот решил сыграть с ним.

ГЛАВА 21

Эмма сидела возле окна и смотрела куда-то вдаль. Уставшая и измученная, она уже не разглядывала каждое деревце, не всматривалась до боли в глазах в бескрайнее небо. Все-таки это путешествие, хоть и было относительно комфортным, давалось ей нелегко. Может, давал знать о себе пережитый стресс, а может что-то еще. Ее постоянно знобило, а на еду она смотрела с отвращением. Нет, она понимала, что в данных условиях привередничать нельзя. Дей и так делал все, что мог, умудряясь даже из небогатых запасов круп и банки тушенки сотворить деликатес. Но ела девушка, все равно, через силу.

Мужчины старались окружить ее максимальной заботой, но от их навязчивого внимания становилось только хуже. Деймон, так, вообще, с ума сходил от беспокойства. А от чувства собственного бессилия он на стенку лезть был готов. И спокойствия это никому не прибавляло, и в особенности Эмме. Она не любила болеть, не любила подчеркнутое внимание к своей персоне. Не маленькая и, в конце концов, сама может о себе позаботиться. Ведь не настолько уж ей и плохо. А лучшим лекарством для нее всегда была и будет работа. Поэтому она старалась как можно больше времени уделять Геру. Он оказался довольно смышленым и действительно старался запомнить все то, что она ему рассказывала. С пониманием было сложнее. Это удавалось ему не всегда. И часто мальчик чуть ли не со слезами отвечал ей: «Не могу понять, не могу и все». А она всякий раз старалась подбодрить его. Но уделять много времени таким занятиям она не могла. У девушки постоянно было такое ощущение, что ее тело отчаянно бунтует против нее. Если она долго говорила, появлялась одышка, а сердце начинало биться так часто, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Стоило встать и пройтись по салону, вот уже шесть дней служившему им всем домом, начинала кружиться голова. А еще, ее почти постоянно тошнило. Не сильно, но, в любом случае, приятного во всем этом было мало.

Она пыталась не переутомляться, отдыхать как можно больше. Все-таки она понимала, что в том состоянии, в котором она находилась сейчас, от тех, кто хочет их убить, убегать она не сможет. Ведь неизвестно, где им придется прятаться. Да и вопрос, как они будут зарабатывать на жизнь, стоял довольно остро. И для того, чтобы не быть обузой Демону, ей просто необходимо срочно прийти в себя. Но улучшений пока не было. Эмма вообще не могла понять, что с ней происходит. Нет, предположения на

этот счет у нее, конечно, имелись, но не было и полной уверенности. Хотя сомнения таяли с каждым днем.

И вот сейчас, усадив Гера читать «И грянул гром» Рея Бредбери, она расслабленно откинулась на спинку кресла. За окном мелькали черные стволы деревьев, укрытые покрывалом белых снежинок. То, что она видела не вызывало не то, что суеверного ужаса, но даже тревоги. Мир за куполом, мир в котором правит сама природа, отчего-то вызывал в душе девушки чувство уверенности и покоя. И хотя само это место таило в себе множество опасностей, ей не хотелось его покидать.

— Я прочитал, — оторвал ее от размышлений звонкий голос.

Девушка устало улыбнулась, поворачиваясь к ученику. Нет, ну куда он торопиться? Нет бы, делать это медленно и вдумчиво. Ведь нужно же понимать, что его цель не просто прочитать рассказ, но еще и понять о чем он. Но укоризненный взгляд был мальчишкой просто проигнорирован. Поэтому она лишь вздохнула и приготовилась учинить допрос с пристрастием. Но ее прервал Деймон:

— Обед. Любимая, не нужно кривиться. Я приготовил суп. Ну, или что-то похожее на суп. Маленькая, пожалуйста. Тебе нужно поесть. Хоть чуть-чуть.

— Знаю, — отзывается она тихо. — Не волнуйся, Дей. Я обязательно поем. Только немного позже. Через час или два.

— Эмма, прекращай эти капризы, — раздраженно бросил Рей. — А ты, парень, прекращай с ней нянчиться. Жестче нужно быть иногда. Это, конечно похвально, что ты так трепетно к ней относишься, но всему должен быть предел. Не станет есть — силой накормишь.

— Рей, — возмутился Деймон. — Зачем ты так?

— Затем, что так надо. Понимаешь?

— Нет.

— Вот и я о том же. Не понимаешь. Дей, просьбы и уговоры уже не помогут. Посмотри на нее. Ей лучше не становится. Я сначала думал, что это реакция на стресс или что-то в этом роде и через пару дней все станет на свои места. Но твоей маленькой леди становится только хуже. А показать ее врачу мы не сможем еще около недели. Да и то, если вас не ищут на юге так же активно, как искали на северо-востоке. А что-то мне подсказывает, что рассчитывать на это вы не можете.

Деймон до боли закусил губу. Рей был прав. Во всем. Их не оставят в покое. По крайней мере, сейчас. И нужно спрятаться, переждать. А появиться в больнице — это все равно, что выйти на главную площадь и заорать: «Мы ты тут! Вы все еще хотите нас убить? Ну, так поспешите». О Боже, как же это противно

чувствовать себя неспособным защитить того, кто тебе так дорог. Но хуже всего понимать, что именно ты во всем виноват. Не будь тебя, и она жила бы спокойно в своем маленьком мирке, ходила бы на работу и могла не бояться, выйти на улицу. И не угасала бы она на твоих глазах. И только одно удерживает тебя от того, чтобы сорваться. Надежда на то, что все будет хорошо. Это глупое иррациональное чувство, свойственное всем людям. И чтобы скрыть собственные эмоции, свою боль, он поспешно отвернулся к раздвижному столу и начал поправлять вилки, тарелки и стаканы. Ему нужно было просто занять чем-нибудь руки. И мысли заодно, чтобы не думать.

Эмма, чувствовала свою вину. Понимала, что так нельзя, но заставить себя есть не могла. Или могла и просто не хотела? Так, нужно срочно взять себя в руки и хотя бы попробовать этот суп. Ведь это неправильно заставлять его беспокоиться еще и об этом. Как будто у него и без того забот мало. Еще желательно хоть немного успокоить Деймона. Но как это сделать? Ну не может же она объяснить все, как есть. Если ему сказать: «Милый, я не больна, просто, нахожусь в интересном положении» — у него же сердечный приступ случится. А даже если и нет, лучше ему от этой новости не станет. Поэтому она молчала. Да, это было нечестно по отношению к Дею. Он имел право знать о ребенке. И девушка обещала себе рассказать ему все, как только представится подходящая возможность. Хотя, наверное, она просто пыталась отсрочить неизбежное.

Но была еще одна проблема. Эмма не знала, как относиться к собственной беременности. С одной стороны, это чудо, о котором она и мечтать не смела. Ребенок от любимого мужчины. С другой… все не так уж и радужно. Их хотят убить, они оба вне закона и денег у них нет. Даже представить страшно, как они будут воспитывать этого малыша. Ладно, время еще есть. А значит, думать об этом она станет потом. Позже, когда он или она родиться. А пока не это главное.

Девушка подошла к своему любимому южанину сзади и обняла за талию, прижавшись щекой к его широкой спине. Он был таким теплым, что Эмма невольно всхлипнула. Как же она соскучилась по его теплу. Только сейчас в полной мере осознала, как не хватало ей его упрямой, несгибаемой уверенности и любви. Нельзя сказать, что Деймон не отдалился от нее за эти несколько дней. Но близость, та самая, которая позволяет черпать силы в любимом человеке, просто обнимая его, им была недоступна. Нет, Рей и его команда не стали бы смеяться или подтрунивать над влюбленной парочкой, вздумай они немного времени уделить друг другу. Даже деликатно отвернулись бы

ненадолго. А что в этом такого? Все в высшей степени невинно, не любовью же они решили заняться на их глазах. Только ребят постоянно что-то удерживало. Какая-то подсознательная уверенность в том, что делать этого не стоит. Просто, чтобы не бредить души их новым друзьям. О своей личной жизни ни Алекс, ни капитан не распространялись. Но иной раз они бросали на них такие понимающие, и при этом полные безграничной тоски, взгляды, что невольно становилось неловко за собственное счастье. Да и неправильно это, травить душу тем, кто лишился любимых. Им ведь тоже хочется нежности, ласки, в конце концов. Все нуждаются в том, чтобы их любили. Ведь так тяжело жить без тепла человека самого близкого и родного тебе, того, кого любишь ты сам. Но больнее всего знать… нет, не того, что тебя разлюбили. Это, как раз пережить можно. Понимать, что ее или его больше нет — вот, что страшно.

Ощутив, как обвиваю его талию тоненькие ручки, и как она крепко прижимается к его спине, молодой человек напрягся. Но потом заставил себя сделать глубокий вдох и расслабиться. Он хотел было развернуться к ней и тоже обнять, но Эмма заговорила. Тихо, едва слышно.

— Прости, Дей. Я поем. Прямо сейчас сяду и съем целую тарелку. Только не расстраивайся. Ладно?

— Маленькая моя…

— Все будет хорошо. Обещаю. Веришь?

— Верю.

— Ну, тогда разливай по тарелкам свой шедевр, гений кулинарии, — усмехнулась девушка и шепотом добавила. — Люблю тебя.

— А я тебя, — также тихо, чтобы услышала только она, ответил Дей.

Обед оказался не таким уж и тяжелым испытанием, как успела себе нафантазировать Эмма. Да, поначалу было нелегко. Запах супа казался непривычно-резким, а его вкус… специфическим. Всего было слишком много: жира, соли, специй. Но потом вдруг это все ушло на второй план, и девушка почувствовала, насколько голодна. Деймон, почувствовав перемену в настроении подруги, мгновенно соорудил бутерброд и вложил в ее руку. Девушка благодарно кивнула и откусила кусочек. Потом с лукавой улыбкой резюмировала: «Очень вкусно».

После сытной трапезы захотелось спать. Причем, случилось это настолько неожиданно, что клевать носом она начала еще за столом. По телу разлилось тепло и приятная усталость. И впервые за все эти дни в дороге Эмма почувствовала себя хорошо.

Осознание пришло внезапно. Да, ее организм бунтовал. Но это было следствием ее собственной ошибки. Ей казалось, что из-за плохого самочувствия ей не хочется есть. А ведь дело обстояло совсем не так. Она плохо себя чувствовала, потому что перестала нормально питаться.

Дей впервые за все время их вынужденного путешествия улыбнулся, когда Эмма положила голову ему на плечо и пробормотала:

— Меня не будить.

Но когда молодой человек попытался перенести ее на кушетку, она укоризненно посмотрела на него и обиженно протянула:

— Я же просила меня не будить.

— Спи. Маленькая моя, хорошая, спи.

Девушка послушно закрыла глаза, позволила себя уложить на не слишком удобную постель, и даже укрыть. Но стоило Деймону отвернуться и на цыпочках вернуться к столу, она приподнялась и тихо рассмеялась:

— Не хочу больше. Выспалась уже. Гер, доедай быстрее. У нас урок. Не забывай.

— Может быть, не стоит? — попытался увильнуть от занятий мальчик. — Отдохни немножко. Ты ведь только что спать хотела.

— А теперь не хочу. Кстати, лень — величайший из всех пороков. Так что поднимайся и иди сюда. Итак, о чем был тот рассказ, который я просила тебя прочитать?

Гер с самым несчастным видом поднялся из-за стола и поплелся к девушке, которая продолжала сидеть на своей постели, укутанная в теплый пушистый плед. Нет, ему нравилось учиться. Эмма милая, добрая и объяснять умеет хорошо. Все, что она рассказывала, казалось простым и понятным. Так даже Рей не умел. Это признать ему было особенно тяжело. Ведь до сего момента капитан оставался непререкаемым авторитетом и недостижимым идеалом. А тут оказывалось, что «маленькая леди» умнее его кумира. Смириться с объективной реальностью помогало только то, что к жизни она оказалась совершенно не подготовлена. Но спрашивала девушка строго. Еще и вопросы задавала непонятно зачем. Не по содержанию, а просто так. Вот, например: «Что ты чувствовал, когда читал это?» Да, какая разница, что он чувствовал, о чем думал и кто из героев ему особенно симпатичен? Это же его личное дело и к занятиям отношения никакого не имеет. Но когда мальчик попытался возмутиться, справедливо полагая, что Рей его в этом поддержит, капитан резко его осадил:

— Еще как имеет. Думаешь, ты такой умный и лучше Эммы

знаешь, как вести занятия?

— Нет, но…

— Гер, если ты чего-то не понимаешь, это еще не значит, что тебя одни идиоты окружают. Наша маленькая леди не из прихоти задает тебе подобные вопросы. Это метод обучения, а не каприз. Так учили ее, меня и Деймона. И чтобы больше я жалоб от тебя не слышал. Уяснил?

— Да.

— Это хорошо.

На этом конфликт был исчерпан. А вот трудности только начинались. Ведь это так сложно, облечь в связную речь собственные чувства и переживания. Просто потому, что пока мы не пытаемся донести их до другого человека, они остаются бесформенными сгустками эмоциональных образов. Чтобы описать их, нужно до конца осознать и прочувствовать. Потом еще и слова нужные подобрать, чтобы поняли тебя правильно. А слов-то и нет. То есть, теоретически, они есть. И может быть, ты даже их знаешь. Только в повседневной жизни использовать не привык. Вот и думаешь над каждой фразой вдвое дольше обычного. А расширение словарного запаса в экстренном порядке — дело непростое. Выматывает сильно. Но результат всегда стоит затраченных усилий. Ведь ничто так не выдает человека так, как его речь. Можно одеться в дорогие тряпки, разъезжать на шикарном автомобиле, но стоит только тебе открыть рот, как окружающим мгновенно поймут, кто ты. В наше время образованность — удел лучших. И неважно, сам ли человек достиг этого или получил возможность учиться по праву рождения. Да, тем, кого с рождения учат говорить правильно и красиво, гораздо проще. Но когда это служило оправданием для представителей элиты? Жизнь, вообще, штука не справедливая. Не можешь соответствовать — так и не пытайся стать вровень. Место плебеев — нижние кварталы. Их работа тяжела и низкооплачиваема. Хочешь иной жизни — работай. И прежде всего над собой.

ГЛАВА 22

Илья Корсаков сидел за столиком возле окна, пил кофе и боролся с желанием закурить. Наверное, Мартин все же прав. Личные мотивы мешают работе. Следователь должен в любой ситуации оставаться холоден и беспристрастен. Страх, боль и жажда мести лишают человека рассудка, мешают мыслить последовательно и логично. И ты начинаешь совершать ошибки, ценой которых довольно часто является человеческая жизнь. Причем, не твоя собственная, а чужая. И это является самым страшным в данной ситуации.

Усталость и ненависть — плохие помощники в предстоящей игре. Поэтому нужно собраться, забыть обо всем и сосредоточиться на работе. И просто сыграть свою роль. И сделать это хорошо, раз не позволил другому занять твое место. Поэтому стискивай покрепче зубы, натягивай маску преисполненного служебным рвением, но не слишком умного служаки и встречай противника.

— Еще раз добрый вечер. Присаживайтесь.

Кристиан коротко кивнул и сел напротив следователя. Его поза была скованной и напряженной. От него так и веяло плохо скрываемым раздражением. Илья немного расслабился. Пока все идет по плану.

— Господин Корсаков, вы, кажется, хотели о чем-то меня расспросить.

— Ах, да, простите. Немного задумался, — смущенно улыбнувшись, Илья продолжил. — Я очень благодарен вам за то, что согласились встретиться. Мне поручено расследование безвестного исчезновения вашего коллеги Максима Ветрова.

— Да, это такая трагедия для всего научного сообщества, — фальшиво вздохнул Латен.

— И вот уже почти полгода мы не можем найти не только его, но и даже его следов. По настоянию моего начальства мы даже пустили его в полосу объявлений «Разыскивается». Но и это результатов не дало.

— Неужели никто не сообщил вам о его местонахождении? — как бы невзначай поинтересовался Кристиан, а внутри его все сжалось от леденящего страха.

— Почему же никто?

— В день я получаю десятка два подобных сообщений. И меня активно пытаются убедить, что абсолютно точно знают о его местонахождении. Если им верить, то Ветров освоил мгновенную телепортацию. Вот, например, сегодня. В 09.00 его видели в

Южном округе. В 09.20 — в Северо-Восточном. В 10.23 — снова в Южном. В 10.37 — в Западном. И, наконец, в 11.05 — в Юго-Восточном. Как вам? С точки зрения современной науки такое возможно?

— Не думаю.

— Вот и я не думаю. Но это лирическое отступление. Господин Латен, я знаю, вы уже давали показания, но может быть, вспомните что-то еще? Понимаете, любая мелочь может пролить свет на ситуацию.

— Но мне действительно больше нечего рассказать вам. Мы посидели несколько минут в ресторанчике традиционной кухни, поговорили на абстрактные темы. Даже уже не помню о чем. Кажется о погоде. Или о любимых блюдах? Я уже, действительно, не помню. Мне жаль. Потом мы вместе вышли из зала и направились к лифту. Я вышел на своем этаже, а он поехал дальше вверх. Больше я его не видел.

— И он показался вам чем-то подавленным?

— Да. Но с ним такое бывало довольно часто. Я даже не придал этому особого значения. Понимаете, господин Корсаков, это не афишировалось, но Ветров был слегка не в себе. То есть, не сумасшедшим, конечно. Скорее, эмоционально-нестабильным. Он несколько раз лежал в психоневрологической клинике.

— Да, я знаю. И мне интересно ваше мнение. Вы не состояли с пропавшим в близких отношениях. Я прав?

— Простите? Что вы имеете в виду?

— То, что вы не приходитесь ему родственником или другом.

— Ах, это! Нет. Мы были просто коллегами.

— Именно! А значит, вы можете быть адекватны в своих суждениях. Не показалось ли вам, что Максим Ветров находился в состоянии несколько неадекватном? Просто, вы поймите меня правильно. Мне за прошедшие пять с лишним месяцев надоело искать эту «звезду нейротехнологий». Я уверен, что никто его не похищал и не убивал. Скорее всего, он сам решил свести счеты с жизнью. И мое предположение подтверждается свидетельством его лечащего врача.

Латен нервно взглянул на часы. Корсаков спрятал злую улыбку в глотке кофе. Спешишь, сволочь? Минуты считаешь? Не терпится поиграть с новой жертвой? Только ждет тебя маленький сюрприз. Той девочки давно нет в твоей квартире. И если бы мы не боялись спугнуть рыбку покрупнее, ты бы уже пару месяцев сидел в тюрьме, ожидая приговор. И это даже не за эксперименты над людьми, а за убийства четырех девушек. Черт, всего четырех! Хотя, Илья был абсолютно уверен в том, что их было гораздо больше. Только вот доказательствами их контора не располагала.

Но даже того, что у них есть, с избытком хватило бы на парочку пожизненных заключения. Или один смертный приговор. Второе было предпочтительней. Нет, Илья не был фанатиком буквы закона, но излишним пацифизмом он тоже не страдал. Ведь тех девочек не вернуть. Так почему же их убийца должен жить?

— Так, чего именно вы хотели от меня услышать? — лениво, скорее, из вежливости, чем действительно интересуясь мотивами доблестного стража порядка, поинтересовался Латен.

Корсаков простодушно улыбнулся. Ему необходимо было, во что бы то ни стало, усыпить бдительность подозреваемого. Пусть расслабится и начнет делать ошибки.

— Подтверждений собственных догадок. Не более того. Спасибо. Вы оказали мне неоценимую услугу.

— И дело Ветрова…

— Скоро будет закрыто, — ни капли не покривил душой следователь. — Но эта информация строго конфиденциальна. Вы же понимаете.

— Конечно, — Кристиан не удержался, и его губы искривились в торжествующей ухмылке.

От этой гримасы Илью заметно передернуло. Мгновенно взгляд его визави стал настороженным. Чтобы сгладить собственный прокол, мужчина смущенно улыбнулся:

— Вторая чашка была лишней.

— Что?

— Изжога. Нет, с кофе пора завязывать. А то так и до язвы желудка недалеко. До свидания, господин Латен. Рад был с вами пообщаться. И еще раз извините, что отнял столько времени.

* * *

Услышав последнюю фразу собеседника, Кристиан рассмеялся про себя. Нервы совсем сдали. Он заподозрил этого следователя-недоумка. Смешно. Полицейские, вообще, интеллектом не отличаются, а этот… гений дедукции два и два сложить не сможет, не то, что вычислить его. Но это и к лучшему. Значит, у него полностью развязаны руки. Можно не бояться ареста и жить в свое удовольствие. Скоро дело об исчезновении Ветрова закроют и о нем все забудут. Служба безопасности перестанет крутиться вокруг «Нео-инкорп» и можно будет восстановить разработки проекта «Anima». Да и клиенты в очередь выстроятся за новенькими TSA, что сулит лично ему не просто деньги, а очень большие деньги. Ну, и другие маленькие радости, разумеется.

Латен вышел из кофейни вслед за незадачливой ищейкой из СБ. И, проследив, как тот садится в свой старый потрепанный мини-кар, прогулочным шагом направился к собственному автомобилю. Да и зачем ему спешить? Ведь он, как истинный гурман предпочитал растягивать удовольствие. Не слишком сильно, но… Предвкушение всегда распаляет желание. Поэтому ехал к своему дому тоже достаточно медленно и в деталях представлял, что он сделает со своей новой игрушкой.

Сначала он будет ласков и попытается успокоить бедняжку, пообещает отпустить ее домой. А потом… когда она меньше всего будет ждать от него удара в спину, начнется самое интересное. Кристиану доставляло необъяснимое удовольствие видеть, как и умиротворение сменяется на кукольных лицах его жертв ужасом и обреченностью. А еще он любил смотреть им в глаза. Ведь ничто не отражает чувства сильнее нашего взгляда. Именно поэтому Латен не спешил сделать из Лии TSA — куклу, лишенную души. Да, они послушны, но их глаза пусты, а взгляд не выражает ничего, кроме тупой покорности. А это так скучно.

Квартира встретила его безмолвной темнотой. Нигде не горел свет, не слышались всхлипы. Складывалось впечатление, что кроме него там вообще никого нет. Хотя такое было невозможно. И, тем не менее, комнаты были абсолютно пусты.

Телефон зазвонил неожиданно, взорвавшись модной в этом сезоне мелодией в готическом стиле, когда он снова зашел в спальню. И Крис вздрогнул, только сейчас осознав насколько зловеще она звучала. Номер был незнаком, поэтому мужчина принял вызов с небольшой заминкой.

— Добрый вечер, господин Дюк, — раздался из трубки хриплый прокуренный голос.

Посредник. Только он звал его так. Это было обычной мерой предосторожности. Зачем лишний раз испытывать судьбу и оставлять следы?

— Не слишком, — хмыкнул Кристиан в ответ. — Где товар?

— Полиция. Курьера арестовали прямо возле вашего дома. Но не беспокойтесь. О клиентах мои люди до последней секунды не знают ничего. Так что на вас полиция выйти не сможет. Ни при каких обстоятельствах.

— Вы так уверены?

— Конечно. Мы профессионалы.

— Не сомневался. Но я свой заказ аннулирую. Мне ни к чему проблемы с полицией.

— Как пожелаете, господин Дюк. Всего наилучшего.

Латен сбросил вызов и тихо выругался, и со стоном повалился на огромную постель. Полежал несколько минут.

Потом нехотя поднялся. Упущенной игрушки было, конечно, жаль. Но возможно все это и к лучшему. Сейчас нужно работать, как бы не хотелось обратного. Тот полицейский сказал, что Ветрова не так уж и активно ищут. Поэтому нужно сделать все возможное, чтобы он не нашелся сам.

ГЛАВА 23

Девушка проснулась довольно рано. Их обиталище было погружено в предрассветный сумрак. И лишь за окном серело, закутанное в облака небо. Деймон спал рядом в паре шагов от ее постели. Сейчас, растеряв привычную серьезность, парень казался таким милым. Вот интересно, каким он был в детстве? Наверное, очень ласковым, но при этом чуточку недоверчивым. Странно, но она прежде никогда не задумывалась об этом. Хотя, что в этом странного? До недавнего времени сам факт существования е него прошлого она спокойно могла бы поставить под сомнение. А сейчас ей хотелось посмотреть его старые фотографии и помечать о том, что ее сын будет похож на папу. Это отчего-то казалось Эмме особенно важным. Получить, как самый долгожданный подарок, крошечную копию любимого человека. А Дей, она была готова спорить, если бы знал о ее беременности, грезил бы белокурой девочкой. И все это продолжалось бы ровно до тех пор, пока малыш не появился бы на свет. А дальше пол, цвет глаз и волос отошли бы на второй план, и перестало иметь хоть какое-то значение. Потому что это был бы их ребенок.

— Привет, малышка, — раздался тихий шепот. — О чем ты так горько вздыхаешь?

Рейлен сидел за своим местом у приборной панели, только кресло чуть повернул в сторону ее постели. Он с укором смотрел на нее, раскачивая золотой медальон на манер маятника. Раньше капитан носил его на шее под одеждой и никому не показывал.

— Ни о чем. Просто так.

— Когда ты ему скажешь?

— О чем?

— Ты знаешь.

— Нет. Не знаю.

— О том, что уже у него есть не только ты.

Эмма вспыхнула и опустила глаза. Такой проницательности от него девушка не ожидала. Ведь она сама до недавнего времени не была уверена.

— Когда окажемся в безопасности. Хотя бы относительной. Но как ты догадался?

— Опыт. Когда-то у меня была жена. И две дочери.

— А теперь?

— Теперь у меня есть Гер. Не родной, но все же, сын.

— Прости.

— Ничего, — отмахнулся он.

— А как он к тебе попал, — спросила она, скорее чтобы уйти

от разговора о собственной беременности.

— Нашел. Зимой, ночью и на улице. Ему тогда лет десять было. Он у меня кридитку стащить пытался.

— И ты?..

— Отвесил ему легкий подзатыльник и повел к себе домой. Ребенок все-таки. Едва живой от постоянных побоев и голода, испуганный ребенок. Сирота при живых родителях. Они наркоманы. Отец постоянно избивал жену и ребенка. Мать… на сына ей просто плевать. Она его иначе, как «выродком» никогда не называла. Гер первые полгода тише воды был, боялся, что им верну.

— А потом?

— Потом мне было очень весело. Не жизнь началась, а сказка, сплошной экстремальный аттракцион. По-моему он не верил, что теперь у него есть настоящая семья, проверял, не брошу ли я его.

— Это нормально.

— Нормально? Я за эти два месяца поседеть успел, — Рейлен невесело усмехнулся. — Потом сорвался, когда его на экстрим потянуло и он по крышам прыгать начал. Я так еще никогда в жизни не кричал. Кстати, серьезно подумывал над тем, чтобы хорошенько его выпороть, чтобы вся дурь из головы вышла. Не знаю, как и сдержался.

— Но главное, сдержался же.

— Да. Эмма, я не хочу и не могу осуждать тебя. Но то, что ты делаешь, не правильно.

— И почему же ты не можешь меня осуждать?

Эмма еще раз оглядела фигуру капитана, расслаблено развалившегося в кресле. Скептически хмыкнула. Ей казалось, что он ее, как раз, осуждает. Хотя выдавать Деймону и не спешит. По каким-то своим причинам. Рей грустно улыбнулся, словно бы прочитав ее мысли, и пояснил:

— Нужно быть очень сильной или очень храброй, чтобы брать на себя такое, защищая любимого человека. Ведь насколько было бы проще свалить все проблемы на Деймона. Пусть он, как главный виновник всего произошедшего, со всем и разбирается. Но ты этого делать не стала. Такое поведение заслуживает, по меньшей мере, уважения. И не бойся, я ничего ему не скажу. Но…

Девушка тяжело вздохнула и снова попыталась перевести тему.

— Кстати, что мы делаем за куполом?

— Нелегально границу округа пересекаем. Это мы все. А, вообще, ищем.

— И что же?

— Что-нибудь полезное. Есть огромный список того, что

можно здесь найти. От образцов редких растений, до минералов и предметов, изготовленных предками.

— Но разве они не опасны?

— Не очень. Я же не идиот, хватать то, что может мне повредить. Не бойся. Кстати, сегодня будем проезжать через древний город.

— И что там будет?

— Развалины. Одна большая свалка. Но среди них мы и будем искать наши сокровища. Шанс получить что-то сверхценное невелик. Но и с пустыми руками не уедем.

— Рей, — послышался раздраженный шепот Алекса. — Пять утра. Имей совесть. Я поспать хочу. А вы последние полчаса только и делаете, что мне мешаете. И тайны свои больше не обсуждайте. Место неподходящее, да и время не лучше. А-то, не приведи Бог, проснется южанин и услышит что-нибудь для его ушей не предназначенное. Что тогда делать будете?

Тирада механика возымела свое действие, и они замолкли. Девушка испугано перевела взгляд на любимого, ожидая, что он сейчас раскроет свои бездонные, как пропасть глаза и с укором посмотрит на нее. Но Дей безмятежно спал, трогательно положив под щеку ладошку. И у нее отлегло от сердца. Она все ему расскажет. Только не сейчас, а чуть позже. Если это «позже» у них будет.

Обед и ужин в этот день оказался под угрозой. Деймон, накормив их сытным завтраком, поинтересовался, как именно они будут искать «сокровища предков»? Оказалось, что для этой нелегкой работы есть маленькие роботы модели «Квест-17». Управлять ими нужно с помощью складной панели. И таких робота, по странному стечению обстоятельств у капитана оказалось четыре. Три рабочих, и один запасной. Дей вцепился в панель, напоминающую маленький нетбук, и с восторгом начал осваивать новую игрушку. Через час он уже гонял своего малыша по этой части города наравне с Гером. Через два подтвердил народную мудрость о том, что новичкам везет, обнаружив десяток крупных бусин из красивого зеленовато-синего камня, который был распознан сенсорами «Квеста» как бирюза. Следом шла грубо сработанная турмалиновая статуэтка кошки и отбитым ухом. Также неслыханная удача. И в довершении всего — серебряный перстень-печатка. Почерневший от времени, но почти неповрежденный. Стоило ли говорить, что на несколько часов для мира молодой человек оказался совершенно потерян.

Эмма смотрела на маленькую переносную плиту и продукты, из которых ей предстояло сотворить что-нибудь съедобное с некоторой опаской. Готовка никогда не была ее сильной

стороной. Нет, она, конечно, умела это делать, но в нормальных условиях и из полуфабрикатов, которые нужно максимум слегка обжарить или немного поварить в подсоленной воде. Способность Деймона из самых жутких на вид продуктов сделать нечто невероятно вкусное рассматривалось ею, как редкий дар, которым ее саму природа обделила. Причем, совершенно.

Несмотря на то, что девушка простояла над плитой почти два часа, и очень старалась, результат себя не оправдал. Мужчины рассматривали свой обед с некоторой опаской. Потому что суп напоминал жидкое пюре желто-зеленого цвета.

— Это, вообще, съедобно? — шепотом спросил Гер у капитана.

— Не уверен, — ответил Рей.

— Но отравиться мы не должны, — встал на защиту их предполагаемого обеда Алекс. — Продукты-то свежие. А все остальное переживем.

Но его не слишком уверенная речь никого особенно не вдохновила. Поэтому приниматься за еду никто не спешил. И храбреца решившегося отведать диковинное кушанье, среди них не нашлось. Ситуация была патовой. С одной стороны выглядел суп не слишком аппетитно, с другой — выбора все равно не было. Либо ешь то, что дали, либо сиди голодный.

Положение спас Деймон. От панели «Квеста» его отцепить не удалось. Поэтому за стол он уселся практически с ней в обнимку. Обвел стол немного ошалелым взглядом, схватил свою тарелку, и снова выпал из реальности. Не забывая при этом с энтузиазмом поглощать еду. Поглядев на это пару минут Алекс присел рядом и охотно потянулся за своей порцией. Осторожно попробовал и кивнул друзьям.

— Вкусно.

— Правда? — голос мальчика был полон надежды, но к столу он приблизиться не решился.

— Правда. Согласен, выглядит необычно, но есть это можно.

— Так «есть можно» или «вкусно»? — не желал успокаиваться Гер. — Это, знаешь ли две разные вещи.

— Первоначально вопрос стоял: «съедобно ли это?», — съехидничал механик. — Так я и отвечаю: съедобно. Если ты не голоден, можешь пожертвовать мне свою порцию.

Подросток задумался. Поглядел на Деймона и Алекса с аппетитом опустошали собственные тарелки. Затаил дыхание, когда за ложку взялся Рей, и просиял, когда тот начал неторопливо есть, не выказывая недовольства. Суп действительно оказался вкусным. И Гер даже пожалел, что его оказалось так мало. Но все равно в его голове не желало укладываться, как еда

может быть такой экстравагантной расцветки. Двое его старших товарища, видимо тоже ломали головы над этим вопросом.

— Горох, — снизошел до объяснений Дей, нехотя отрываясь от своей игрушки.

— А?

— Горох, говорю. Только его за десять минут до готовности добавлять надо, а не с вместе с картофелем. Да и варить можно было немного меньше. Но в целом, неплохо. Эмма, у тебя явный талант.

— Не подлизывайся, — немного смутилась девушка. — И в любом случае у тебя получается гораздо лучше.

— У меня сегодня ничего не получится, ибо готовить я не намерен.

— Ты же любишь готовить!

— Люблю. Но знаешь, что человеку нужно для счастья? Умение правильно расставить приоритеты. Что-нибудь приготовить я и завтра смогу и послезавтра, а вот обследовать древние руины… боюсь, что такой шанс мне представится еще нескоро. Так что ужин снова на тебе, — засмеялся он, а потом, резко посерьезнев, спросил. — Как ты себя чувствуешь? Если не очень хорошо, то ложись и отдохни. Я все сделаю.

— Дей, все нормально. Правда. Иди к своим руинам.

— Нет, малышка, я серьезно. Не хочу, чтобы ты снова заболела. Помнишь, что я тебе только что говорил об умении расставлять приоритеты? Так вот, ты мне дороже.

— Я знаю, — девушка мягко улыбнулась. — А ты иди. Тайны старого города ждут.

— Люблю, — одними губами произнес молодой человек и снова запустил своего «Квеста».

Так как урок сегодня проводить было не с кем (оторвать Гера от его панели оказалось сложнее, чем заставить Деймона есть сырые полуфабрикаты), Эмма решила немного отдохнуть. Но сначала оккупировать душевую кабинку. Спокойно искупаться и вымыть голову. Мужчины сейчас заняты своими игрушками и мешать ей не должны. Ах, все-таки как здорово, что система жизнеобеспечения сточную воду пропускают через систему фильтров и запускает обратно. И под душем можно стоять хоть часами. В теории. В жизни не все так радужно. Попробуй задержаться там больше, чем на десять минут, когда душевая кабина, туалет и раковина совмещены в один блок. К подобному аскетизму девушка приучена не была, и по благам цивилизации все же скучала.

Любой женщине хочется быть красивой. Или привлекательной. Особой разницы ведь нет. А если она говорит,

что у нее такого желания нет, то в большинстве случаев, она лжет. Потому что красота открывает перед человеком многие двери. Нет, это, конечно же, не универсальный рецепт счастья. Дурнушка может более чем удачно выйти замуж или найти высокооплачиваемую работу, чем прелестная юная леди, сошедшая с обложек модных журналов. Здесь, как уж повезет. Но все равно. Подобное тянется к подобному. И привлекательные мужчины редко даже смотрят в сторону девушек с заурядной внешностью. Бывают и исключения. Но это именно исключения. Кстати, наукой доказано, что самцы по природе своей полигамны. И выбирают они, пусть и подсознательно, не лучшую, а лучших. Разумеется, это не дает нам права даже заподозрить лиц мужского пола в промискуитете. Все-таки люди — не животные. Но факт остается фактом: нас выбирают. Мы тоже выбираем. Но, видимо, как-то по-другому. Потому что увидеть рядом с красавицей неприглядного молодого человека можно всегда и везде. Не верите? Присмотритесь к парочкам, на улицах. А можно ли встретить действительно красивого парня гуляющим под ручку с непривлекательной девушкой? Конечно. Но так уж ли часто?

Женщина должна быть красивой. Просто потому, что этого от нее хотят мужчины. И Эмма решила приложить максимум сил к тому, чтобы в глазах Деймона снова зажегся огонек восхищения, гордости за то, что она у него есть. На роль роковой соблазнительницы она не подходила даже в лучшие свои дни. Но имидж невзрачной серой мышки, уже ее не устраивал.

Пара часов перед зеркалом не сделали из Эммы королеву красоты, но теперь она хотя бы немного успокоилась. По крайней мере, пугаться, случайно увидев свое отражение в зеркале, она перестала. И тихо напевая, принялась за готовку. Настроение у нее было просто замечательным. И ей хотелось улыбаться. На душе было так спокойно. Так тихо. Безопасно. И она старалась гнать от себя мысли о том, что возможно, через несколько дней ее жизнь превратиться в ад. А она превратиться. Но это не важно, только бы они были живы. Ее мужчина и ее ребенок. Все остальное не имеет особого значения. И, вполне возможно закончится их история не так уж и плохо.

ГЛАВА 24

Они опоздали. На какие-то доли секунд, но опоздали…

Илья Корсаков с ужасом смотрел, как Ветров падает, как по его куртке расползается алое пятно. Хотелось зажмуриться и не видеть, как следом за раненым падает девушка.

Ну что же за невезение? Да, поймали за руку Латена и его шайку. И доказательств у них теперь выше крыши, но…

Мартин скажет: «Невозможно предусмотреть все. В СБ работают люди. А люди совершают ошибки». Но они не имели права ошибиться. Потому что ценой их промашки стала человеческая жизнь. Возможно, Максим еще жив и его удастся вытащить с того света. Медики порой творят чудеса. А если нет? Вряд ли мир станет лучше, лишившись этого парня. Следователю было действительно жаль, что им не удалось защитить невинную жертву. Именно «невинную жертву», а не просто «законопослушного гражданина». Илья многое узнал о Ветрове за эти полгода. И невольно начал проникаться к нему симпатией. Конечно, большую роль в этом сыграло, стремление защитить Дарину. Пусть результата оно не принесло, но это был Поступок, достойный мужчины. Но за свою не слишком длинную жизнь Макс Ветров сделал много хорошего. Причем, он не любил играть на публику, и предпочитал творить добро, оставаясь в тени. Парень анонимно перечислял на счета благотворительных фондов ТАКИЕ суммы, что Илья поначалу глазам своим не поверил, когда увидел распечатку. Да и сейчас. Он же до последнего старался прикрыть собой свою подружку, вместе с которой он бегал от ищеек Латена и СБ вот уже месяц.

И вот он лежит на залитом кровью асфальте…

Да, уж… жизнь — чертовски-несправедливая штука. Илья тихо выругался. Самое противное во всей этой ситуации было то, что он просто стоял и наблюдал со сторону не в силах вмешаться. Хотя, его место и было в стороне от погонь и перестрелок. Каждый должен выполнять свою работу. Следователь — не оперативник. И верх глупости полагать, что человек, который имеет лишь поверхностные знания о том, как нужно противостоять группе вооруженных преступников, справится лучше профессионалов. И если он по собственно глупости подставится под пулю, лучше от этого не станет никому. Это только хуже, причем всем. Ведь мало того, что сам пострадает, так еще и операция окажется под угрозой. На такое мог решиться только полный идиот. А в СБ идиотов не жаловали и свято соблюдали негласное правило: «Когда не можешь помочь, хотя

бы, не мешай». Вот поэтому Илья просто следил за ситуацией на расстоянии.

Вот только то, что он видел, ему совсем не нравилось. Они столько готовились к этой операции, но с самого начала все шло не так. И хотя просчитать все невозможно, ситуация явно начала выходить из-под контроля. Ветров ранен. Неизвестно, правда, насколько серьезно. Но, слава Богу, жив. Иначе вокруг него не суетились бы врачи. Двое исполнителей схвачены. А вот Латен сбежал. И это было очень и очень плохо. Не потому что у него действительно есть шанс скрыться от правосудия. Этого человека арестуют в течение суток. Но он, как оказалось, вооружен. Пистолет в руках того, кому нечего терять — всегда стреляет. А жертв Корсакову хотелось избежать. Следователь — не судья и не должен объявлять смертный приговор. Вот только выбора особого у него нет. Сейчас он единственный, кто может и должен это сделать. Не потому, что Латен едва не сломал Дарину, а по той простой причине, что он уже убивал. И сделав глубокий вдох, Илья четким хорошо поставленным голосом, в котором звенит сталь, говорит в рацию:

— Группа «Перехват». Следователь-аналитик лейтенант Илья Корсаков. Преступник психически нестабилен и вооружен. Возможны жертвы среди гражданского населения. В случае оказания сопротивления при аресте, стрелять на поражение.

— Группа «Перехват». Вас понял: при оказании сопротивления, стрелять на поражение.

Вот и все. Этот счет оплачен. Осталась еще парочка, но за ними дело тоже не станет. Вот только, особого удовлетворения данный факт не принес. Илья думал, что почувствует радость. Или триумф. Ведь враг повержен. И не важно, получит он пулю сейчас или предстанет перед судом чуть позднее. Главное — Кристиан Латен не сможет больше угрожать его семье. Но на деле ничего, кроме навалившейся вдруг усталости он не ощущал. Хотелось выпить кофе и закурить. Но, ни то, ни другое было ему недоступно. На кофе нет времени. А курить он бросил лет пять назад. Невесело усмехнувшись, Корсаков медленно побрел к месту происшествия. Там суетилась, убирая следы крови и проверяя местность оперативная группа. Следователь не спешил к ним по двум причинам. Во-первых, на то, чтобы двигаться быстро у него не было сил. Бессонные ночи и работа на грани человеческих возможностей на протяжении многих месяцев, наконец, дала о себе знать. А во-вторых, услышать плохие новости лучше позже, чем раньше.

Сержант Пирс — статный седеющий мужчина лет пятидесяти составлял протокол. Именно к нему Илья и направился. Они

знали друг друга много лет и не видели смысла в том, чтобы отягощать общение пустыми формальностями.

— Привет, Энди.

— Так виделись уже, — улыбнулся он.

— Что с Ветровым?

— А ты не знаешь? Парень в рубашке родился. Это я тебе точно говорю. Сквозное ранение, но, ни кость, ни какие-либо жизненно-важные органы не задеты. А как он с медиками припирался… Вот только на TSA он не похож. Совсем.

— Что ты имеешь в виду?

— Властный слишком. И гордый. Внутренний стержень в нем есть.

— А еще, чувство юмора, зашкаливающий IQ, и отвратительный характер, — хмыкнул Илья.

— Про IQ не знаю, да и в характере не уверен. Но чувство юмора у него точно есть.

— Энди, я, конечно, доверяю твоему чутью на людей, но не слишком ли ты спешишь с выводами?

— Нет. Своей интуиции я привык доверять. И мне парень понравился. А у тебя еще будет шанс составить о нем собственное мнение.

— Да.

— Ты сейчас куда? — спросил сержант, возвращаясь к составлению протокола. — В участок или в больницу?

— Домой.

Энди удивленно посмотрел на молодого следователя. Но потом он улыбнулся, и по-отечески похлопав собеседника по плечу, сказал:

— Это правильно. А-то мне казалось, что ты на работе поселиться решил.

* * *

Это был конец. Крах всего того, что он выстраивал столько лет. Хотелось кричать, выть подобно раненому зверю. А еще Кристиана с невероятной силой обуяла жажда крови. Вот только добраться до тех, кто виноват во всем, что произошло, у него не удастся. Можно, конечно отыграться на ком-нибудь другом. К примеру, на одном из случайных прохожих. Но, если взять во внимание, что он пытается скрыться от полиции, это будет не самым разумным. Поэтому мужчина усилием воли подавил желание выхватить пистолет и начать стрелять во всех без разбора. Но ярость и ненависть волной накрывали его, лишая

возможности мыслить. И с этим нужно было что-то делать. Сдаваться или случайно выдать себя полиции Латену не хотелось. Выход нашелся мгновенно. Он прикоснулся к сенсору гарнитуры и произнес команду:

— Вызов. Июль.

Четыре гудка и ответ.

— Да. Слушаю Вас.

— Привет, моя сладкая.

— Иди к черту!

— О! — рассмеялся мужчина. — Наконец-то ты перестала строить из себя благовоспитанную леди.

— Чего ты хочешь?

— Я много чего хочу, любимая. Среди прочего твоей смерти. У меня, к сожалению, нет времени на полноценную игру. Так что придется опустить прелюдию.

— Почему?

— Что тебя интересует, Июль? Почему ты умрешь уже сегодня, а не, скажем, завтра? У меня поменялись планы.

— Почему ты так поступаешь со мной? — едва слышно произнесла девушка. — Зачем продолжаешь мучить? Зачем говоришь эти ужасные вещи? Неужели тебе есть, за что мне мстить или ненавидеть? Я любила тебя, была верна. И это ты бросил меня. И нет бы, просто бросил. Тебе понадобилось разыграть целый спектакль. Ты хоть помнишь, что наговорил тогда? Нет? А я, наверное, до конца своих дней буду помнить, твои слова. Ты сказал, что я тебя разочаровала. Что я обыкновенная и во мне нет ничего особенного. Что тебе со мной скучно. Что ты меня не любишь и никогда не любил. А в постели я похожа на кусок льда. И еще… дай вспомнить… ах… вот. Цитирую: «Задолбала ты меня своей любовью, идиотка. И от меня ее еще хотела. Можно подумать кто-то будет любить такую толстую корову, как ты». Тогда я весила 51 килограмм. При росте 165 сантиметров, это не так уж и много. Через месяц я стала весить 46, через два 43, а через три 38. И я не сидела на диетах. Я просто не хотела жить. Почти не ела, не спала. А потом я стала приходить в себя. Мне больше года понадобилось, чтобы восстановится. И последние два года я пытаюсь стать прежней. Но только все начинает налаживаться, как звонишь ты. И мой мир рушится, словно карточный домик. Крис, почему ты не оставишь меня в покое? Что я такого сделала тебе? И за что ты так издеваешься на до мной? Тебе нравиться слышать мои слезы? Ты раз за разом добиваешься их и успокоенный такой моей реакцией, вешаешь трубку. Но я больше не могу. Я уже на все готова, только бы не слышать твой голос. Только бы не слышать это прозвище. Я

теперь не твой жаркий Июль. Во мне не осталось ни тепла, ни света. И я не желаю больше слышать это ужасное прозвище. Меня от него уже тошнит. Я — Лия! Слышишь? Лия, а не Июль!

— Ты готова на все? Уже интересно. А-то ведь ты такая предсказуемая. Ни разу не смогла меня удивить. И тебе действительно интересно, почему я звоню тебе?

— Очень.

— Мне хочется сделать тебе больно. И у меня это получается. Даже особых усилий прикладывать не нужно. Просто набрать твой номер.

— Но почему?

— Потому что ты действительно задолбала меня своей любовью. Ты хоть раз задалась вопросом, нужно ли мне твое «нежное чувство»? Ведь нет. А следовало. Ты такая дурочка, Июль. Хотя, наблюдать за тобой было забавно.

— Какая же ты сволочь, Крис.

— Спасибо за комплимент, родная. Хочешь, я больше не буду тебе звонить? Действительно не буду. Хочешь никогда больше не слышать моего голоса?

— Хочу.

— Ну, тогда у тебя даже будет выбор. Позволить мне или сделать это самой.

— Что? — пораженно выдохнула девушка, уже догадываясь, о чем говорит ее собеседник, но, не имея сил поверить в это.

— Ты должна умереть сегодня. И ты умрешь. Я просто решил быть добр к тебе. Поэтому и позволяю сделать все самой. Иначе, за это возьмусь я, и тебе будет ОЧЕНЬ больно.

— Ты сумасшедший.

— Возможно.

— Я позвоню в полицию.

— Они не успеют. Я уже возле твоего дома, любимая. И у меня есть ключи от твоей квартиры.

— Я давно поменяла замок.

— Ты и номер телефона меняла. И не раз. Ну, как же ты не поймешь, Июль, деньги решают все. У тебя десять минут. Потом в твою дверь постучусь я. И не пытайся сбежать. Это все равно бесполезно. Мне не составит труда найти тебя, где бы ты ни спряталась.

— Ты блефуешь.

— И не надейся, милая. Вспомни, кто я. Ты даже не заметила, как я это сделал. А ввести тебе под кожу микрочип было делом пары секунд. Кстати, ты все еще любишь меня? Ну, ладно. Не буду тебя отвлекать. Время ведь идет. У тебя осталось восемь минут.

Кристиан удовлетворенно улыбнулся и сбросил вызов. Может быть, и правда заскочить в гости к юной леди? Он ведь мчится на полной скорости по одной из кольцевых трасс. От погони он давно оторвался. Стоит немного изменить маршрут, и дорога сама выведет его к дому, в котором живет его маленький Июль. Хотя, наверное, все же не стоит так рисковать. По крайней мере, сейчас. Может быть позже, когда уляжется вся эта шумиха. Да. Через пару месяцев он навестит ее. А пока нужно приложить все силы, чтобы не попасться в цепкие лапки Службы безопасности.

В том, что у нее не хватит духу свести счеты с жизнью, Латен не сомневался ни секунды. А в эту самую минуту тоненькая черноволосая девушка подошла к краю крыши и посмотрела вниз. От земли ее отделяло ровно пятьдесят этажей. От земли ее отделял всего один шаг.

ГЛАВА 25

Все было кончено. Они, все же свернули не туда и угодили в тупик. Парень выругался и стал спешно искать более или менее безопасное место, чтобы спрятать Эмму. Но площадка, на которую им пришлось выскочить, была совершенно открытой. Только вот было некуда. И беглецы, наконец, превратились в отличную мишень. Сзади доносились выстрелы. Каждые несколько секунд. И у молодого человека сложилось впечатление, что преследователи стреляют просто наугад без какой-либо системы. Ситуация казалась абсурдной. Неужели эти люди не боятся привлечь внимание? Судя по всему так и есть. Они ничего не боятся. А цель их — Деймон и Эмма Росс. Они оба, а не только Дей, как им казалось раньше. Только вот до конца непонятно, почему. Возможно те, кто за ними стоит, посчитали, что девушка за столько месяцев могла что-то узнать. И просто решили убрать ее, так сказать, «во избежание». Именно это мешало молодому человеку уйти. И если бы это могло отвести удар от любимой, он не колебался бы ни секунды. Но…

Ведь целый месяц им удавалось ускользать от наемных убийц. То, что это именно киллеры, а не полицейские стало ясно практически сразу, как они оказались в Южном округе. Слишком уж грязно против них играли. Служба безопасности не стала бы устраивать перестрелки ни улицах. Да еще и днем. А ведь этот раз далеко не первый. Да это чудо, что они до сих пор живы. Вот только это ненадолго. И в последней отчаянной попытке потянул Эмму за собой. Только бы успеть добежать до стены! Успеть закрыть ее собой. Это был шанс. Один на миллион. Но он был. И им стоило воспользоваться. В конце концов, чем черт не шутит?

Умирать было не страшно. Скорее обидно. Человеку, жизнь которого насчитывает всего шесть месяцев, не хотелось, вот так просто с ней распрощаться. Ведь он не успел сделать так много всего. Хотя, нужно быть справедливым. Сделала ему немало щедрых подарков. И возможно, сейчас пришла пора платить по счетам.

— Я люблю тебя, — зашептал он ей в макушку, крепко обнимая. — Люблю. Больше всего на свете. Девочка моя, милая. Все будет хорошо.

Ложь лилась из его уст легко. Деймон думал, что это будет гораздо сложнее. Теперь бы только донести до нее то, что он задумал. А вот с этим могли возникнуть проблемы. Она едва держится на ногах и явно находится в шоке. То, что этот случай не первый, не помогло ей привыкнуть к погоням и перестрелкам.

— Эмма, слушай меня. Когда я упаду, ты должна упасть вместе со мной. Слышишь? Упасть и не двигаться. Что бы не произошло.

Девушка отрицательно покачала головой. Молодой человек почувствовал, как впервые его накрывает волна ярости. До этой секунда он и не подозревал, что может по-настоящему на нее злиться.

— Ты сделаешь так, как я сказал!

— Нет. Я не смогу без тебя.

— Вот же упрямая идиотка! Ты сделаешь так, как я сказал! И мне плевать, хочешь ты этого или нет. Поняла? Обещай! Эмма, обещай мне, что ты сделаешь все, чтобы выжить. Обещай!

— Хорошо. Я сделаю все, как ты хочешь.

— Умница. Моя маленькая, милая, любимая. Все будет хорошо. Только живи!

Плечо обожгло дикой болью. Перед глазами пронесся багрово-алый вихрь, а потом плотным одеялом его накрыла темнота. И единственное, что он успел сделать, это увлечь ее за собой.

Один на миллион… но может хоть в этом ему повезет.

Сознание возвращалось медленно. И первой его мыслью было: «Неужели я еще не умер?» Больно не было. Ровно до тех пор, пока Деймон не попытался пошевелить рукой. Не выдержав, он застонал и широко распахнул глаза. Напротив него прямо на асфальте сидел молодой человек в белом халате врача и что-то делал с его раной.

— Патрик, он приходит в себя.

— Шустрый. Я думал мы его до клиники успеем довести, пока он очнется. Тин, не отвлекайся. Нужно остановить кровотечение. Кстати, как он?

— Сквозное ранение. Большая кровопотеря. Травматический шок. Нервное и физическое истощение. Состояние близкое к критическому. Кровь остановил. Давайте носилки.

— Эмма, — выдохнул Деймон. — Что… с… ней?

Каждое слово давалось ему с неимоверным трудом.

— Девушка? — спросил тот, кого паренек назвал Патриком и Дей попытался повернуть голову в его сторону. — Она без сознания. Но не ранена. Сам-то ты как?

— Жив, — хрипло ответил парень. — Кажется. Что с Эммой?

— Тебе все, что мед-анализатор выдает прочитать? — ехидно поинтересовался третий голос. На этот раз женский. И молодой человек решил, что терять ему, собственно, нечего. И если он до сих пор жив, значит, убивать его никто не собирается. Поэтому можно и понаглеть.

— Читайте.

— Ребят, он нас понимает, — неожиданно выдала девушка. — Ты же понимаешь, что мы говорим? Правда?

— Конечно, я вас понимаю. Я что на идиота похож?

— Но как же так? — словно бы не услышав его реплику продолжила она. — Detrimentum делает из людей нечто ужасное. И все TSA… они действительно превращаются в кукол, лишенных души. Их личность словно бы стирается. А этот не просто разговаривает. Он нас ПОНИМАЕТ!

— Роузи, прекращай, — одернул ее Патрик. — Сейчас не время. Понимает — и ладно. Нам же лучше.

— Извиняюсь, что прерываю, но эта милая леди обещала мне рассказать, что выдал ей мед-анализатор. Я хочу знать, что с Эммой? Она… поправится?

— Роуз, читай уже. Ведь не отстанет, — улыбнулся сероглазый паренек, перекладывающий его на носилки.

— Состояние критическое. Общее истощение. Легкое сотрясение мозга. Угроза выкидыша. Вот черт! У нее срок — девять недель. Патрик, ее срочно нужно в больницу. Времени у нас в обрез!

— Она… поправится?

Девушка промолчала. Вместо нее ответил паренек имени которого он еще не знал:

— Конечно. Все под контролем. Она была твоей хозяйкой? Я правильно понимаю? Но ты — не андроид. Ты — человек. Свободный. И ее ты больше не увидишь. К сожалению даже, если она обращалась с тобой плохо, наказания она не понесет. Состава преступления нет. Но не беспокойся, мы ее от тебя изолируем.

Те временем из погрузили в машину скорой помощи и она рванула к ближайшей клинике. Из-за тряски плечо пару раз обдало болью, но в целом все это было вплне терпимо. И молодой человек решил продолжить диалог. Деймон сделал глубокий вдох, потом выдох. Попытался изобразить жизнерадостную улыбку, больше смахивающую на оскал, и попробовал по-другому:

— Тебя как зовут?

— Тинарио.

— Приятно познакомится, Тинарио. Я — Деймон. И изолировать меня от Эммы или ее от меня не нужно. Во-первых, Вы не имеете права. Ни я, ни она согласия на это не давали и не дадим. А без согласия хотя бы одного из нас… сами понимаете. Во-вторых, я не TSA и хозяев не имею. А Эмму я люблю. То, что я человек для меня не откровение. Правда, думаешь, что я сам не догадался? И я еще раз спрашиваю: что с моей подругой?

Сможешь рассказать? Кратко и по-существу?

— Она не ранена. Но беременность… ох!

— У нас действительно будет… ребенок?

— Да, — ответила за него Роуз. — И насколько сейчас можно судить, малышка вполне здорова.

— Девочка?

— Да.

— Это хорошо. Это так хорошо, что просто не может быть правдой. Она скоро прейдет в себя?

— Нет. Так для нее будет лучше.

— Хорошо, — Деймон устало смежил веки.

— Эй, парень, с тобой все в порядке? — снова влез Тинарио.

— Послушай, я похож на человека, у которого все в порядке? Если тебе не трудно, включи логическое мышление. Последний месяц на нас ведется охота. Это чудо, что мы вообще живы. Мою подругу чуть не убили. Мы даже не подозревали, что у нас может быть малыш. А сейчас я не знаю, куда нас везут и что собираются с нами сделать. Ну, а еще я ранен. Плечо болит. Голова просто раскалывается. Хотя, это в свете сложившейся ситуации — сущая мелочь. И я не могу быть в порядке. У меня, как минимум, должен быть стресс.

— Жить будет, — усмехнулся Патрик.

— Что?

— Жить, говорю, будет. Если пациент шутит или ругается, значит помирать не намерен. А этот молодец. Хорошо держится. Кстати, парень, тебя зовут Максим Ветров. Это, если ты не помнишь.

— Не помню. Да и мне это сейчас глубоко безразлично. Что Максим Ветров, что Джахалван Мымрик. Хотя, Дей Росс звучит лучше. Но «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет…»

— Что-то знакомое, — снова влез Тинарио. — Это Бомарше?

— Шекспир. «Ромео и Джульетта». Школьная программа восьмого класса.

— Ты помнишь, что было в восьмом классе?

— Нет, конечно. Читал недавно.

— И как?

— Не впечатлило. Подростковый суицид — это не то, что меня привлекает. Но в принципе интересно. Хотя, я так и не понял, где там любовь побеждает смерть, если в конце эти два придурка мало того, что почили с миром, так еще и Париса собой утащили. Но стихи красивые.

— Пат, он, кажется, бредит.

— Нет, Тин, это он бред читал. И не в возрасте четырнадцати

лет, а в свои двадцать шесть. И оставь человека в покое.

Деймон криво усмехнулся, а потом устало смежил веки. Вдруг он почувствовал невероятную усталость. Сознание начало незаметно ускользать от него. Поначалу молодой человек пытался бороться с этим, но потом сдался. В конце концов, сейчас от уже ничего не зависит.

Проснулся он внезапно, как от толчка и тотчас же попытался вскочить на ноги, еще не совсем понимая, где он и что происходит.

— Тише, малыш, — придержал его за здоровое плечо мужчина в белом халате. — Куда это ты собрался?

Молодой человек торопливо огляделся, отметив, что находится он сейчас в светлой комнате. Судя по количеству медицинского оборудования вокруг, это была все же больничная палата. Хотя обставлена она была более чем шикарно. Потолок с подсветкой, картины на стенах. И даже стерео-панель красовалась напортив постели в которой он лежал. В помещении, кроме них двоих никого больше не было. Дей присмотрелся к врачу с комфортом расположившемуся на белом пластиковом стуле, рядом с его кроватью. Мужчина лет пятидесяти на вид с коротким ежиком светлых волос. Смуглый. Худощавый. Признаков агрессии не проявляет, но цепкий взгляд карих глаз внимательно изучает его самого.

— Где Эмма? — спросил Деймон и сам поразился, насколько хриплым показался ему собственный голос.

— С ней все в порядке, — мягкая улыбка. — Она спит.

— Где?

— В реанимационном боксе. Ты скоро сможешь ее увидеть.

— А вы не считаете, что у человека, который находится в реабоксе, не может быть все в порядке? Что с ней?

— Малыш, поверь, с ней все нормально, — мужчина говорил тихо и очень терпеливо, как с больным ребенком. Это раздражало.

— Вы за идиота меня держите? — начал заводится молодой человек. — Я могу увидеть ее? Прямо сейчас?

— А может хоть немного позже? — усмехнулся его визави.

— Почему это?

— Не дойдешь, — иронично изогнул бровь врач. — Не дури, Макс. Сначала в себя приди. Посиди минут пять. Пройдись по палате. Умойся. Санузел вон за той неприметной дверцей. А потом… если в процессе не грохнешься в обморок, пойдем и проведаем мисс Росс. Договорились?

Деймон скривился. Доля истины в словах этого человека была. Он чувствовал себя не лучшим образом. Не настолько,

конечно, чтобы упасть по дороге в туалет, но и не хорошо. Все тело ломило. Голова кружилась, отчего к горлу подступала тошнота. Сердце стучало так, словно он только что пробежал пару километров.

— Хорошо. Но только почему она в реабоксе? Ведь ее же не ранили?

— Да. Ее не ранили.

— Тогда почему она там?

— Что ты помнишь о том дне, когда в тебя стреляли?

— В нас. Не только в меня. Все. С того момента, как проснулся, до отключки в скорой. Это ребенок?

— Да. Мы едва успели их спасти. Но сейчас все действительно в порядке. Не беспокойся за них. Кстати, меня зовут Владислав Макаров. Ты сейчас в моей клинике.

Профессор протянул молодому человеку руку и тот крепко пожал ее, а потом охнул от боли. Он совсем забыл, что его ранили именно в правое плечо.

— Очень приятно. Деймон Росс. Но можно просто Дей. И спасибо!

— За что?

— За то, что успели спасти мою невесту и дочь.

— Не стоит, — мужчина на секунду задумался, а потом, словно решившись на что-то, спросил. — Можно задать тебе очень личный вопрос?

— Почему бы и нет? Я у вас в долгу.

— Ты действительно хочешь ребенка?

— Конечно! Как я могу не хотеть собственного ребенка?

— А ты понимаешь, что это — огромная ответственность? На всю жизнь! Нельзя сегодня хотеть, а завтра передумать.

— Вы меня точно за идиота держите! — вспыхнул Деймон. — Конечно, я понимаю. Но я даже мечтать не смел о таком чуде, как ребенок. А теперь она у меня есть. Понимаете? Она уже есть! Да, мне придется много работать. Но раз я не TSA, значит ID у меня есть?

— Да.

— И у властей ко мне претензий тоже нет? Я же не сбежавший преступник?

— Нет.

— Тогда в чем проблема? Работать и обеспечивать собственного ребенка я смогу.

— Да ведь не в деньгах дело! Они-то как раз и не проблема.

— Так, а с этого момента поподробнее. Когда это отсутствие денег перестало быть проблемой?

— У тебя есть сбережения. И, знаешь, назвать их скромными

у меня язык не повернется. Максим, ты далеко не беден.

— Тогда, я тем более не понимаю вашего беспокойства.

— Деньги — это еще не все. Детям необходимы любовь и внимание, ласка и забота.

— И вы полагаете, что я не смогу дать все это своему ребенку? Интересно, почему? — усилием воли молодой человек подавил вспышку гнева. — Впрочем, это не важно. Вы обещали проводить меня к Эмме.

— Тебя обидели мои слова, — невесело констатировал профессор.

— Нет. Разозлили. Вы совсем не знаете меня, и, тем не менее, позволяете себе делать такие прогнозы.

— Прости. Я просто беспокоюсь. За тебя. За ту девушку — Эмму. И за вашу малышку.

— Не стоит.

Владислав Макаров удивленно посмотрел на крестника. Тот ответил ему холодной улыбкой. И мужчину передернуло. Он знал этого мальчика с рождения, считал почти что сыном. И увидеть в его глазах вместо тепла искренней любви, лед отчужденности, отказалось неожиданно больно.

— Лучше расскажите, кто такой Максим?

— Но это же ты…

— Не совсем. Когда-то я был Максимом. Но сейчас-то я — Дей Росс. Расскажите: кем я был?

ГЛАВА 26

Нет, все же информационная сеть — великая вещь. Вы можете узнать все обо всем за относительно небольшое время. И Дей висел в ней часами. Врачи отчитывали недисциплинированного пациента и пытались отобрать нетбук. Молодой человек крепче стискивал зубы, кивал, улыбался и возвращался к прерванному занятию, стоило им уйти. Это ошибка полагать, что миром правят деньги. Миром правит информация. Именно за ней он и вел сейчас охоту. Дело шло с переменным успехом. Но общая картина складываться не желала.

С тех пор, как они попрощались с Реем и его командой, их жизнь перестала казаться похожей на жизнь обычных людей. Хотя таковой она, наверное, никогда и не была. С той самой минуты, когда их глаза впервые встретились, все летело кувырком. Казалось, мир сошел с ума и они вместе с ним. Сами их отношения. Путешествие за купол. Бесконечные погони. Попытка ускользнуть от неизвестных врагов, закончившаяся пускай и не полным, но все же, провалом.

Любимым местом для сбора и обдумывания информации стал реабокс Эммы. Во-первых, она была рядом. И сам этот факт внушал некоторое спокойствие. А во-вторых, там было тихо. Иногда.

— Привет.

Профессор Макаров остановился в дверном проеме. Крестник ответил ему теплой улыбкой. Да, уж этому Максиму обаяния не занимать. И ведь ведет себя не самым лучшим образом: режим нарушает, рекомендации врачей игнорирует. Но половина клиники в нем души не чает. А другая половина — с ним просто не знакома.

— Здравствуйте, профессор. Вы в гости или по делу?

— Доктор Ричардс пожаловалась на тебя.

— Ей не надоело еще?

— Пока нет.

— Я сделал еще что-то не так? Или претензии все те же?

— Ты встал с постели, хотя должен еще лежать.

— И все? Думаю, ей не нравится то, что я нахожусь тут, а не в своей палате.

— И это тоже. У Клариссы несколько пуританские взгляды и она буквально во всем видит нарушение норм приличия, но…

— Я не уйду!

— Понимаю. Не хочешь оставлять ее одну. Это нормально. Но ты ведь тоже болен. Думаешь, она очень обрадуется, если тебе

станет хуже? А в ее положении нервничать нельзя.

— Я не уйду! — упрямо повторил Дей. — Хотите, чтобы я сидел в своей палате? Так перевезите ее туда — и дело с концом.

— Мы не можем. Это — реанимация. Если что-то пойдет не так, здесь мы сможем ей помочь, а там… сам, ведь должен понимать. Ты ведь не хочешь повредить ей или своему ребенку?

— Простите — молодой человек виновато потупился. — Об этом я не подумал.

— Ничего.

— Когда она придет в себя?

— Примерно через тридцать-сорок часов. Не беспокойся. Она не проснется в одиночестве. В этот момент ты будешь рядом с ней. А теперь, я прошу тебя, иди к себе и попытайся хоть немного поспать. Ты ведь на ногах едва стоишь.

— Да. Наверное, стоит воспользоваться вашим советом. Но сначала скажите: вы знаете меня?

— Да.

— Я имею в виду, знали ли вы меня раньше? У меня такое ощущение, что я вас знаю всю свою жизнь. Это так странно.

— Максим, ты действительно знал меня всю свою жизнь. Я — друг твоего отца. А ты — мой крестник.

— Здорово! — Дей жизнерадостно улыбнулся, но через секунду его улыбка погасла и он спросил. — А мои родители? Они…

— Живы и здоровы, если ты об этом. А еще они хотят с тобой увидеться. Завтра.

— И они знают о том, что я ничего не помню? И…

— Да. Знают. Ты хочешь спросить, почему завтра, а не сегодня или вчера? Ты очень слаб. Тебе нельзя перенапрягаться или нервничать. И, думаю, если ты упадешь в обморок во время разговора с ними, это будет… не очень хорошо. Как для них, так и для тебя.

— Я не собираюсь падать в обморок! Мне не настолько плохо. Впрочем, не настаиваю. Завтра — так завтра. Я-то не спешу. А мне не нужно… позвонить им? Сказать, что все нормально? Ну, чтобы они не переживали за меня.

— А ты этого хочешь?

— Не знаю. Я не помню их. И до того, как вы о них заговорили, вообще не думал о том, что они у меня есть. Мне просто не хочется, чтобы они нервничали.

— Они знают о том, что ты в порядке. Не волнуйся. Но если ты хочешь…

— Нет. Лучше при встрече. А пока, может быть, вы расскажите мне о них? Хочу примерно представлять, кого увижу

завтра. И о себе. Ведь получается вы знаете обо мне очень многое, а я — ничего.

— А еще я могу рассказать тебе о твоем детстве. Хочешь?

— Да.

— Но только если ты ляжешь. Когда ты был маленьким и болел, я приходил к тебе в комнату и рассказывал сказки. А ты сидел на кровати в обнимку с подушкой и слушал. Хорошее было время. Ну, давай попробуем вспомнить, как это было.

— Да. Только сказок не надо. Их и в инфо-сети полно. Захочу — сам почитаю. А мне бы факты.

Профессор засмеялся. Его крестник развел руками. Дей прочитал три своих биографии. И они в корне отличались друг от друга. Чему верить он не знал, поэтому и не верил ничему.

* * *

Утро следующего дня было светлым солнечным. Настроение было ему под стать. Жизнь начинала налаживаться. Доктор Ричардс сменилась, и никто больше не докучал ему бесконечными: «Вам нужно» и «Вам нельзя». Завтрак оказался очень вкусным, хотя, все, что ему доводилось есть в этой клинике до этого, даже съедобным он мог назвать с большой натяжкой. Эмму должны разбудить уже завтра. Все было настолько хорошо, что ему становилось не по себе. И он ждал, когда же начнутся неприятности. Визит родителей тоже немного беспокоил. Молодой человек боялся, что испытает неловкость при встрече с этими людьми. Или вину. Потому что он только «почти» их сын. Все-таки с Максимом у него было не так уж и много общего. Только набор хромосом.

Знакомство с семьей не задалось с самого начала. Деймон думал, что стоит ему увидеть этих людей, как он что-то почувствует, а может и вспомнит. А оказалось все совсем не так. В его палату вошли четыре человека. Двое мужчин и почему-то две женщины. Старшая, явно была его матерью. А младшая? Крестный ничего не говорил о наличии у него сестры.

— Максим, я привел к тебе гостей, — улыбнулся профессор Макаров.

— Здравствуйте, — растерянно ответил он, но потом взял себя в руки и постарался улыбнуться. — Я рад, что вы пришли.

— Это твои родители. Арисса и Поль. А это — твоя невеста Валери Райт.

А вот и неприятности. Не ждали? Деймон демонстрируя приклеенную к губам улыбку вежливости, перевел взгляд на

крестного. Тот лишь пожал плечами. Мол, сделать ничего не мог. Ладно, могло быть и хуже. Например, если бы эта девушка оказалась не невестой, а женой. Но необходимо расставить все по своим местам, как бы, не было сложно это сделать.

— Простите, профессор, но в данной ситуации… Вы разве не сказали, что…

— Сказал, — невозмутимо ответил Владислав. — Но твоя мать и мисс Райт мне не поверили.

— Конечно, мы не поверили, — вмешалась девушка. — Вы говорили ужасные вещи!

— Мисс Райт, — мягко сказал Дей, делая шаг ей навстречу. — Мне не хочется Вас обижать. И я прошу прощения за невольную боль, которую принесут мои слова. Но мы с Вами не можем быть вместе. Я не помню Вас и люблю другую.

— Максим, что за чушь ты несешь?! — вмешалась Арисса. — Вы с Лерой помолвлены. И если бы ты не пропал, вы давно были бы женаты. И мы сыграем вашу свадьбу, как только ты поправишься.

— Нет, — холодно бросил молодой человек. — Не будет никакой свадьбы.

— Максим, подожди, — затравленно посмотрела на него Валери. — Я лучше зайду позже. И мы обо всем поговорим. В более спокойной обстановке. Хорошо?

— Конечно, — молодой человек попытался мягко улыбнуться. Ведь, по большому счету эта девушка ни в чем не виновата. — Профессор, я прошу вас проводить мисс Райт.

Когда дверь за ними закрылась, Арисса накинулась на сына:

— Максим, как ты можешь? Что значит, не будет никакой свадьбы? В прошлом году было объявлено о вашей с Лерой помолвке. Если ты будешь упорствовать, пострадает репутация нашей семьи. Подумай, что скажут люди.

— И это все, что Вас волнует? Репутация семьи? Не чудом оставшийся в живых сын? Не внучка, которая скоро родится? А то, что скажут люди?

— Максим, о твоей дочери позаботятся. Она ни в чем не будет нуждаться. А когда она подрастет, мы отдадим ее в лучшую школу. А этой девушке… Эмме мы выплатим компенсацию… за моральный ущерб. И она оставит тебя в покое.

Молодой человек рассмеялся. Происходящее все больше и больше напоминало ему дешевую комедию абсурда. И с этим нужно было что-то делать.

— Думаете купить Эмму? А моего ребенка сплавить в элитную школу? И, конечно же, это будет пансион. Так может в интернат ее отдать сразу после рождения?

— Да, это было бы оптимальным решением проблемы, — впервые подал голос отец. — Требовать от Леры, чтобы она воспитывала чужого ребенка слишком жестоко. Бедная девочка и так столько пережила.

— Да идите вы к черту со своими инициативами! У меня слов нет. Вообще! Да как так можно?! Что вы за люди? Я — ваш единственный сын. Вы же должны… любить меня.

— Максим, — Поль за все это время впервые посмотрел сыну в глаза. — Мы хотим тебе только добра.

— Да? Это теперь так называется? Не знал. Спасибо, что просветили, — голос Деймона так и сочился ядом.

— С Лерой тебя связывают долгие и прочные отношения. Решение о вступлении в брак вы принимали не спонтанно, а взвесив все за и против. Мы не можем позволить тебе сломать свою жизнь, связав ее с девушкой, которая тебе не подходит.

— Это Моя жизнь. Не забывайте. И что-то мне не позволять… у вас нет такой власти надо мной. Ну, ладно. Оставим лирику. И давайте поговорим серьезно, как взрослые люди. Что вам от меня нужно? Только не нужно рассказывать мне сказки про любовь и альтруизм. Не тратьте время. Так что? Ну, почему же вы молчите? Позвольте угадаю. Деньги. Я ведь оказался довольно обеспеченным человеком. Что ж… это не проблема. Сколько?

— Что? — поперхнулся Поль. — Ты серьезно?

— Более чем.

— Максим, мы же — твоя семья, — испугано выдохнула Арисса.

— Семья? Очень смешно. Я же просил обойтись без сказок. И не нужно изображать заботливых родителей. Свое истинное лицо вы уже показали. И давайте вернемся к вопросу, что же вам от меня все-таки нужно? Вот мне, например, чтобы не вмешивались в мою жизнь и не создавали проблем. А еще, я хочу, чтобы вы держались как можно дальше от Эммы и нашего ребенка. Что нужно вам?

— Ничего, — покачал головой Поль Ветров глядя на сына, но видя перед собой вместо родного мальчика чужого мужчину — Прости нас. Мы с твоей матерью никогда не желали тебе зла. Подожди. Не перебивай. Возможно, мы были не самыми лучшими родителями. Возможно, наделали сейчас много ошибок. Но мы любим тебя. И всегда любили. Но ты очень изменился. Мы растеряны и не знаем, как себя вести с тобой. Эти полгода были для нас очень сущим адом. И мы сделали глупость, попытавшись представить все так, будто ничего и не было. Но все изменилось. Я прошу тебя: дай нам немного времени. Не принимай поспешных решений. И не отталкивай. По крайней мере, сразу.

Дей смерил мужчину тяжелым взглядом и нехотя кивнул. Помолчал несколько секунд, а потом, старательно подбирая слова сказал:

— Вы не ни словом, ни делом, ни даже взглядом не затронете Эмму. Если я узнаю, что вы попытались компенсировать ей «моральный ущерб», или убедить «оставить меня в покое», не обижайтесь. А теперь, я думаю, вам лучше уйти.

После того, как его родители вышли, молодой человек со стоном схватился за голову. Куда же он попал? И что, вообще происходит? На душе было мерзко и хотелось биться головой о стену. Останавливало только то, что стены были сделаны не из мягкого гипсокартона, а похоже из технического пластика. А получить вдобавок ко всему еще и сотрясение… нет, уж, увольте. Ему и так не очень хорошо живется. Так зачем же усугублять собственное, и без того, плачевное состояние? А крестный, все-таки его подставил. Ведь ни заикнулся даже о том факте, что у него раньше была невеста. Да и о том, что Арисса далеко не кроткий ангел, он тоже почему-то забыл упомянуть. Но злиться на старика Дей все равно не мог. Ведь тот вполне мог просто посчитать, что у него нет права обсуждать личную жизнь крестника и моральный облик его матери.

Настроение на сегодня было испорчено окончательно. Приближающийся обед особого энтузиазма не вызывал. Есть очередную порцию какой-то полезной и при этом совершенно безвкусной гадости ему не хотелось. И тогда он решил спуститься в холл клиники. По уверениям профессора Макарова, в маленькой кафетерии на первом этаже продавалось отличное кофе и неплохие булочки. Кредитная карточка, синхронизированная с одним из его личных счетов, у него была. А дежуривший сегодня доктор Сторин не слишком интересовался ел его пациент или нет. То есть, если бы он пропустил не просто обед, а еще и завтрак с ужином, то медик бы насторожился и пошел выяснять что к чему. А так…

Неприятным сюрпризом оказалась толпа журналистов, дежуривших в холе. Точнее то, что в страстном желании с ним пообщаться, они чуть его не затоптали. Вспышки камер, бесчисленные вопросы, слившиеся в безумную какофонию, и отрезанные пути к отступлению порождали чувство неконтролируемой паники. Спас его мужчина лет тридцати с седыми, словно бы покрытыми инеем волосами и колючим взглядом.

— Все расступились! — рявкнул он. — Служба безопасности. Господин Ветров, прошу Вас проследовать за мной.

Деймон был рад подчиниться этому требованию. Один

полицейский в любом случае лучше, чем паре десятков репортеров. И когда они зашли в лифт молодой человек облегченно выдохнул:

— Спасибо.

Полицейский неожиданно мягко улыбнулся. Эта улыбка совершенно преобразила его, делая немного моложе и красивей, сглаживая остроту его черт.

— Рад помочь. Но мне действительно нужно поговорить с Вами.

— Моя палата Вас устроит? Я передумал посещать кафетерий. А в одном из холлов… там столько людей.

— Где Вам будет удобно. Ах, да! Я — старший следователь-аналитик по особо важным делам Службы безопасности Южного округа. Мое имя Илья Корсаков.

— Очень приятно. Деймон Росс — парень пожал следователю руку. — В смысле, Я — Максим Ветров. По крайней мере, мне так сказали.

— Мне тоже очень приятно познакомиться с вами. Но, к сожалению, пришел я сюда не за этим, а по долгу службы. Мне нужна Ваша помощь.

— Я ничего не помню. Вообще. Так что свидетель из меня…

— Вы нас и как потерпевший вполне устраиваете. Тут дело в другом. Мы хотим устроить гласный процесс. А у совета директоров «Нео-инкорп» отличные адвокаты.

— Так в чем проблема? И чем я лично смогу помочь Вам?

— Необходим общественный резонанс. Вам придётся дать показания. Это само собой. И рассказать о том, как жили все это время. Через что вам пришлось пройти, чтобы сохранить себя.

— Собираетесь сделать из меня героя ток-шоу?

— Да. И из вашей подруги тоже. Хотя… для женщины в ее положении…

— Что вы хотите этим сказать? — зло выдохнул парень, с холодной яростью уставившись на следователя. — Я не позволю Вам…

— Прошу прощения, — рассмеялся Илья. — Вы не так поняли. Я не имел в виду ничего дурного. Просто беременным противопоказаны волнения. И будь на то моя воля, я бы телевизионщиков к ней на триста метров не подпустил бы. Девочка и так натерпелась. Но…

— Я бы хотел оградить ее от всего этого.

— Понимаю, но совсем оградить не получится. Единственное, что можно сделать, это свести ее общение с репортерами к минимуму. Я в свою очередь, обещаю вам в этом помощь. И не только в этом.

— И при этом преследуете личные цели.

— Конечно. Только мои, как вы выразились, личные цели не идут в разрез с вашими. А еще, я согласен играть честно. Вы помогаете мне посадить всех, кто имеет хоть какое-то отношение к проекту «Anima», а я обеспечиваю защиту вам и вашей подруге.

— Я подумаю над вашим предложением.

— Конечно. Позвоните мне, когда решитесь.

— Вы так уверены, что я суду с вами сотрудничать? Не слишком ли вы самонадеянны, господин следователь?

— Нет. Не слишком. Вы мне позвоните. Потому что я действительно хочу вам помочь. И могу это сделать. В обмен мне нужно только, чтобы вы устроили резонанс, и виновные не отделались небольшими штрафами, а получили по заслугам.

Деймон еще раз пристально оглядел своего собеседника. Ну, каков наглец! Впрочем, не поддаться его несколько грубоватому обаянию было сложно. Прямота Корсакова вызывал у молодого человека симпатию. И он понимал, скорее всего, согласится. Лучше уж иметь дело с тем, кто может четко рассказать, что он от тебя хочет, и что ты от этого получишь. Деловой подход без разведения политесов. Но отвечать согласием сразу, тоже нельзя. Нужно хоть немного разобраться в ситуации.

— Я подумаю.

Когда Деймон остался один он раздраженно выругался. С каждой минутой его жизнь все больше и больше становилась похожей на бешеный калейдоскоп. И ему это очень и очень не нравилось. Слишком много событий, людей и того, что в срочном порядке нужно обдумать.

ГЛАВА 27

Родители, которые пришли проведать его на следующий день, кардинально отличались от тех, с которыми он имел «счастье» встретиться вчера. Не внешне, разумеется. Но вели себя они совершенно по-другому. Немного не так, как хотел бы Деймон, но, в целом неплохо. Арисса не устраивала истерики и не пыталась надавить на него. А Поль показал себя приятным собеседником. И молодой человек даже порадовался, что нашел с ними общий язык и они смогли в дружественной обстановке выпить по кружечке чаю.

Но все равно его что-то настораживало. Не верилось ему, что они так легко приняли его условия. Хотя, ничего невозможного и не требовал. Да и говорили они с ним как-то не так. Как будто бы он больной ребенок, который не ведает, что творит, но которого нельзя в данный момент волновать. Напоминало этакое затишье перед предстоящей бурей. Но, в лютом случае, худой мир лучше доброй ссоры. Вот только, нужно быть все время настороже и не расслабляться. Это напрягало.

Профессор пришел за ним в полдень и сказал, что Эмма скоро проснется. Но когда именно, сказать сложно. Может через десять минут, а может и через пару часов. Зависит от индивидуальных особенностей организма. И если он не хочет это пропустить, ему следует поторопиться.

— Только, я тебя прошу, не заставляй ее волноваться. Не нужно вываливать на нее весь ворох новостей. А лучше, вообще, ничего не говори.

— Крестный, если я ничего ей не объясню, и буду молчать, она устроит истерику.

— Ладно, говори ей, что хочешь, но при этом, чтобы она не расстроилась. Полагаюсь на тебя, как на взрослого ответственного человека. В конце концов ты должен лучше знать, как с ней быть. Мы оставим вас наедине. Она может испугаться, увидев незнакомого человека. Но за дверью будет дежурить медсестра. Только, я прошу тебя…

— Крестный, я все понял!

Но оставшись наедине с любимой, он вдруг почувствовал некоторую растерянность и неловкость. Что он скажет ей? Как объяснит, что происходит, если сам понимает далеко не все? Первые десять минут он боялся дышать, постоянно поглядывая на часы. Эмма не просыпалась. Следующие десять минут прошли немного спокойнее. Но все равно, в ожидании было мало приятного. И он решился. Ведь про то, что ее нельзя будить, они

не говорили. Скорее всего, им просто в голову прийти не могло, что он захочет это сделать. Но ожидание убивало. Поэтому Дей сначала провел кончиками пальцев по ее щеке. Потом нежно коснулся ее губ своими. Девушка поморщилась и попыталась перевернуться на бок.

— Не убегай, — рассмеялся молодой человек.

Услышав его голос, Эмма широко распахнула глаза и с ужасом посмотрела на своего друга. Тот сидел рядом и с улыбкой смотрел на нее.

— Привет. Как себя чувствуешь?

— Нормально. Где мы? Что происходит? Дей, мы, вообще живы?

— Конечно. Не волнуйся, все уже хорошо. Мы в безопасности. В больнице. Уже около недели. А ты, как красавица из сказки сладко спала все это время. А проснулась только после того, как я тебя поцеловал.

— А ты?

— Живой. Все остальное — мелочи.

— Тебя ранили, да?

— Немного зацепило. Но это ерунда. Маленькая моя, сейчас все в порядке. Не волнуйся. Ладно? Тебе нельзя.

— Я не совсем понимаю…

— Тебе нельзя волноваться. Нужно есть больше овощей и много гулять. И тогда все будет хорошо.

— Дей, ты о чем сейчас говоришь?

— Ну, не знаю даже, как тебе об этом сказать, — парень смущенно улыбнулся.

— Дей, не пугай меня. Что-то случилось?

— Да. Случилось.

— Что-то плохое?

— Нет, не плохое. Но и сказать, что ты здорова, тоже нельзя.

— Деймон! — возмущенно вскрикнула Эмма, догадываясь, уже, что он сейчас ей скажет.

— У нас будет ребенок.

— Как ты узнал?

— Ты помнишь перестрелку?

— Смутно.

— Ты потеряла сознание. А мне плечо пробило…

Деймон запнулся, потому что его подруга вдруг побледнела и с ужасом посмотрела на него, словно бы разыскивая следы ранения.

— Нет, погоди. Успокойся. Все хорошо. Все уже позади. Эмма, ну посмотри же на меня. Неужели я похож на умирающего? Я, вообще, легко отделался. Меня врачи иначе, как Счастливчиком,

не зовут. Так вот, как только полиция схватила тех ненормальных с пистолетами, к нам подбежала бригада врачей. Так и узнал. Кстати, твое состояние вызывало у них гораздо больше беспокойства, чем мое.

— И ребенок в порядке?

— В полном. Кстати, это будет девочка. Ты себе не представляешь, как я хочу, чтобы она была похожа на тебя. Чтобы у нее были твои глаза, волосы, твоя улыбка.

— Какой срок?

— Что? Э… два месяца. По-моему. Но не уверен. Понимаю, какой это должно быть для тебя такая неожиданность. Ты, наверное, не знаешь, как на это реагировать. Мы ведь даже не предполагали, что можем иметь детей. Твой врач даже посоветовал не говорить тебе об этом сразу. Он считает, что эта новость может стать для тебя сильным стрессом. Но я все равно не смог бы долго сдерживаться. Так хотелось поделиться с тобой этим.

— Ты рад?

Глупый вопрос. Он же светится весь. Но ей хотелось еще и услышать, что ее Дей хочет этого ребенка не меньше, чем она сама.

— Конечно. Я никогда еще не был так счастлив. У нас будет малыш! Хотя, поначалу эта новость все никак не желала укладываться в моей голове. Поверить долго не мог. Ты тоже себя так чувствуешь?

— Я знала о беременности.

— Что? — поперхнулся молодой человек. А Эмма поежилась. Наверное, не стоило этого говорить. Но она так устала лгать. Ведь утаивание — это та же ложь, только невысказанная. Может, это было глупо, но она решилась:

— Не была уверенна, хотя и догадывалась.

— И почему ничего не сказала? Эмма, это ведь и мой ребенок. И я имел право знать.

— Дей. Я не была уверена…

— В чем?

— Да ни в чем! — сорвалась девушка. — И даже если бы я тебе рассказала, что бы ты сделал?

— Не знаю, но…

— А я знаю. Ты начал бы творить глупости. И тебя бы убили. Я хочу этого ребенка. Но больше всего на свете мне хочется воспитывать ее вместе с тобой. Сначала я думала, что у нас не может быть детей. Точнее, не задумывалась над тем, могут ли они у нас быть. Потом, когда это случилось, я растерялась, не знала, что делать. Мы неизвестно где, на нас ведется охота, и у нас нет

денег. Думала: «Ладно, как-нибудь справимся». Правда, я не представляла, как. Но сказать тебе не могла. Пойми, Дей.

— Почему? — убито поинтересовался он. — Почему ты решила за меня?

— Прости, но так было лучше для нас обоих.

— И чем же, позволь поинтересоваться, мне было лучше?

— Меня могли убить. В любую минуту.

— Вот и я о том же, любимая, — голос парня просто сочился ядом, а последнее слово он просто выплюнул.

Эмма только устало покачало головой. Ну как же он не понимает?

— Ответь мне на один вопрос. Допустим, я рассказала тебе о беременности. И что конкретно ты бы сделал? И это бы нам как-то помогло?

— Возможно я…

— Нет, Дей, давай ты не будешь заниматься самообманом. Ты ничего не смог сделать. От нас вообще мало что зависело. Только с ума сходил бы. Пойми, знать, что твою подружку могут убить это одно. И совсем другое понимать, что убить могут не только ее, но и твоего ребенка.

— Прости, — Деймон опустил голову и тихо выдохнул. — Я понимаю. Ты хотела защитить меня. Но это не правильно. Это я должен защищать вас. Не наоборот.

— Ты тоже меня прости. Но я ни о чем не жалею, потому что была права.

— Эмма, — молодой человек с укором посмотрел на подругу.

— Нет, Дей. Я не могла поступить по-другому. Полагаешь, только ты имеешь право защищать любимых? Или думаешь, что я тебя не люблю?

— Прости. Я знаю, что ты любишь меня. И, да, ты была в своем праве. Признаю. Но больше так не делай. Мне не хочется, чтобы между нами были секреты. Я хочу быть уверен в том, что ты будешь рассказывать мне все, что хоть как-то меня касается. Хорошо?

— Ладно. С этого дня никаких секретов.

— Кстати, может быть то, что я сейчас скажу, будет немного не к месту, но…

— Ты приготовил мне еще один сюрприз?

— Можно и так сказать. Ты сильно беспокоишься о деньгах?

— Нет. Все хорошо. Главное — мы живы, и мы вместе. Все остальное — мелочи. Справимся. Ведь так?

— Да, конечно. Справимся, — Деймон в нерешительности закусил губу. — Понимаешь, я узнал кое-что о себе. И о том, почему за нами охотились. Это довольно длинная история. Но

если коротко, я перешел дорогу одному человеку, узнал кое-что о его работе. И он решил от меня избавиться. А еще у меня есть имя настоящее имя и ID. Максим Ветров. Дурацкое. Правда? Только ты не вздумай так меня звать. Я — Дей. Был, есть и буду. Кроме имени у меня есть квартира и счет в банке. Причем, счет далеко не маленький. От количества нулей на нем мне сделалось плохо. Так что деньги — самая маленькая из наших проблем. Вернее не так. Деньги, теперь вообще не проблема. И можно хотя бы об этом не беспокоиться. Кстати, я уже начал обустраивать детскую. Ты так долго спала. Мне же нужно было чем-то занять себя. И, кажется, я слегка переусердствовал.

— Скупил половину магазина детских игрушек?

— Заказал через сеть. Мне даже скидку предоставили, как оптовому клиенту.

— Среди того, что ты заказал, есть коляска и ванночка?

— Нет.

— Кроватка? Ходунки? Стульчик для кормления?

— Нет.

— ЭН?

— Нет, а что это?

— Электронная няня. Это такой шарообразный монстрик, которого подвешивают над кроваткой. Когда ребенок плачет, он посылает сигнал на специальный браслет и тот начинает звенеть и вибрировать. А в это время ЭН включает музыку и поет колыбельную.

— Полезная вещь. Нужно заказать. Парочку.

— Да, — согласилась девушка. — Нужно. Только одной вполне хватит. Но хоть погремушки ты купил?

— Нет.

— Издеваешься? Дей, ты как себе ребенка представляешь?

— Что?

— Ну, по-моему, не совсем правильно. С куклами и пушистыми игрушками наша малышка начнет играть после того, как ей годик исполнится или даже полтора. Это в лучшем случае. Сначала погремушки, кубики и пирамидки, а потом уже все остальное.

— Да, наверное, ты права. Сегодня же сяду и прочитаю все о младенческом возрасте. И погремушки закажу. И кубики, и пирамидки, и все, что нужно.

— А может, я тебе помогу?

— Нет. Не стоит. Отдыхай.

— Милый, а почитай-ка ты еще и о кризисе трех лет.

— Зачем?

— Затем, что у тебя этот кризис немного затянулся. «Я все

сделаю сам!» — стало твоей любимой фразой. Ты, как мне кажется, забываешь одну вещь. Я не претендую на твою независимость или свободу. Только палку не перегибай. Мне, может тоже самой хочется выбрать парочку игрушек и несколько платьиц.

Девушка улыбнулась и потрепала своего любимого мужчину по изрядно отросшим волосам. Тот нежно улыбнулся в ответ.

ГЛАВА 28

Когда Деймон вернулся в свою палату, он увидел там ожидающих его двух женщин. Свою мать и судя по белому халату, нового врача. Он едва удержался от того, чтобы не застонать в голос. После встречи с Эммой он не был настроен вести светские беседы с первой или обсуждать свое самочувствие со второй. Но так как избежать этого все равно не представлялось возможным, Дей очаровательно улыбнулся. Дамы улыбнулись в ответ. И если к Ариссе молодой человек уже привык, то другая ему очень не понравилась.

От нее за версту веяло лицемерием и скрытой агрессией. Ее темные волосы были уложены в подчеркнуто-скромную прическу. Пышные формы затянуты, казалось, вот-вот вырвутся из плена одежды, которая на несколько размеров меньше, чем ей положено быть. Скорее всего, она таким образом пыталась выглядеть немного стройнее, но, к сожалению добилась обратного результата, лишь подчеркнув свою полноту. Ярко красная помада, (такой цвет Эмма называла «абсолютом вульгарности») предавала ее лицу хищное выражение. А от ее улыбки по коже бежали мурашки. Деймон внутренне ощетинился, но постарался не подавать виду и вежливо поздоровался:

— Добрый день.

Дамы еще раз расплылись в слащавых улыбках. Ответное приветствие. Несколько фраз о погоде. И наконец Арисса решила представить свою спутницу:

— Сынок, это доктор Крофф. Она представляет частную психоневрологическую клинику «Ней-линг». Ты, ведь и ее не помнишь. Она была твоим врачом последние четыре года. И теперь снова будет лечить тебя.

— Приятно познакомиться, — натянуто улыбнулся он. — Снова.

Молодой человек чувствовал себя не очень уютно под нежными взглядами этих двух женщин. Он их не помнил. Не имел к ним никакого отношения. И, признаться хотел, чтобы так все и оставалось. Потому, как не успел он и рта открыть, как уже оказался им что-то должен. Одной — непременно ее вспомнить. Причем срочно, сию же секунду. А второй пройти кучу обследований, и готовиться к операции.

— И что это за операция? — нейтральным тоном поинтересовался молодой человек.

— О, сущая ерунда. Эта методика воздействия на головной мозг была разработана много лет назад. И, разумеется,

апробирована. Она дает просто удивительные результаты. Несколько часов и вы здоровы. Все вернется на свои места. Не будет больше приступов агрессии на которые жаловалась ваша мать. Исчезнет патологическая привязанность к той девушке — вашей… эм… подруге. Ваша жизнь снова станет такой, какой она и должна быть.

— Я, возможно, чего-то не понимаю, — стараясь говорить как можно более нейтральным тоном, начал он. — Но на данной стадии «Detrimentum» необратим. Хотя, как мне сказали, он вообще необратим. Но прошло уже больше полугода.

Врачи не то, чтобы лечение предлагать, прогнозы делать боятся. А вы предлагаете мгновенное исцеление. Простите мой скептицизм. Но я не готов к подобным экспериментам.

— Глупости. Максим, не спорь, — резко оборвала его Арисса. — Я проконсультировалась с ведущими специалистами в данной области. Они дают стопроцентные гарантии, что ты станешь прежним. После курса лечения, конечно. А я уже подписала соответствующие бумаги.

— Какие бумаги?

— Согласие на операцию и…

— Какую операцию? — Деймон похолодел. — Какое согласие? А мое согласие не нужно?

— Сынок, конечно же, нет. Зачем? Ввиду твоей недееспособности, мы с твоим отцом, как ближайшие родственники, становимся твоими опекунами.

— Какой недееспособности? Какими опекунами?

В груди парня начала зарождаться паника. За него все уже решили. Эта, так называемая, семья собирается по второму кругу «лишить» его души, если не убить. И им наплевать, что он сам думает по этому поводу. Но не это самое страшное. Хотя, и умирать ему тоже не хотелось. Важнее другое. Если с ним что-нибудь случится во время этого «лечения», кто позаботится об Эмме и ребенке? Ответ прост: никто. Его девочки никому не нужны. И в свете данной ситуации предложение Корсакова становиться более чем заманчивым. Тут и думать нечего. Он, хотя бы обещал защиту. Значит решено. И раз его уже признали недееспособным, необходимо действовать быстро. А еще, не дать им шанса увести его насильно. Так, мобильник в кармане. Единственное место, где можно запереться и дождаться помощи — туалет.

— Ну, хорошо. Если вы считаете, что так нужно, спорить не буду. Когда вы собираетесь начать лечение?

— Прямо сейчас, — глаза доктора Крофф засияли, а на лице появилась триумфальная улыбка.

— Хорошо. Только, нельзя ли отложить это лечение минут на десять-пятнадцать? — заискивающая улыбка идиота, толика смущения. — Мне так неловко отнимать у Вас время, но мне очень нужно в туалет. Извините. Вы же не против?

— Ох, конечно, — растаяла брюнетка. — Я пока подготовлю необходимые препараты.

Есть! Ему удалось их провести. Закрыв за собой дверь, молодой человек трясущимися пальцами набирать номер Корсакова.

— Илья? Это Деймон Росс… Максим Ветров. Я согласен. На все. Только, у меня есть условия.

— Слушаю.

— Вы обеспечите мне и Эмме безопасность. А еще, независимая комиссия, должна признать меня психически уравновешенным и дееспособным. В общем, они должны подтвердить, что я не нуждаюсь в лечении и опеке. А то меня уже признали недееспособным и отправляют на принудительную операцию. И, знаете, уверенности, что я это переживу и останусь в здравом рассудке, у меня нет. Видите ли, врачи дают моей матери стопроцентные гарантии. А это настораживает. Так что если не хотите лишиться ценного свидетеля…

— Понял. Заключение данной комиссии уже сегодня будет у вас. Не беспокойтесь. Из палаты не выходите. Ничего не подписывайте. Насильно вывести вас не смогут. А любая попытка будет караться соответственно. Вы сейчас где?

— Заперся в туалете. А в моей палате сейчас моя мать с какой-то женщиной. Она назвалась доктором Крофф и горит желанием начать мое «лечение» немедленно. Может, я стал параноиком, но у нее с собой куча препаратов. Что ей мешает сделать мне такой укол, после которого у меня вдруг остановится сердце?

— Деймон, не открывайте дверь никому кроме меня. Минут двадцать вам придется потерпеть некоторые неудобства. Но лучше перестраховаться. Мне очень не хочется, чтобы у вас вдруг отказало сердце или отшибло память. Охрана за дверью уже предупреждена. Сейчас мои ребята разберутся с этой Крофф. А за подругу не беспокойтесь. За ее безопасность отвечает надежный человек. И если вас начнут шантажировать ею, посылайте всех в бездну. До нее им не добраться.

— Знаете, Илья, а с вами приятно иметь дело.

— Рад слышать. Ждите. Скоро буду.

Минуты тянулись, невероятно долго. Деймон чувствовал себя запертым в клетке. Стены давили, вызывая приступ клаустрофобии. А то, что за дверью его подстерегала опасность,

только усугубляло его состояние. Подождать. Совсем немного. И все будет хорошо. Он смотрел на часы, встроенные в телефон, стараясь не думать ни о чем. Услышав стук с той стороны двери и громкий мужской голос, Деймон чуть не рассмеялся от облегчения.

— Это Корсаков. Доктора и вашу мать мы выдворили. Открывайте.

— Спасибо, — выдохнул Дей, вываливаясь из тесной душной кабинки.

— Да, не за что, — ухмыльнулся следователь. — Кстати, давай на ты?

— Давай. Ты не будешь против, если я лягу? Голова кружится. Пока сидел там, не замечал, а сейчас…

— Ложись, конечно. Перенервничал? Ничего. Бывает. Но ты — молодец. Быстро сообразил.

— Соображал бы медленнее, был бы трупом.

— Ну, да. Прости. Я не думал, что до тебя попробуют добраться так.

— А что хоть это было?

— Мы не знаем. Но разбираемся. Вполне возможно, что тебе ничего и не угрожало, «операция» была безобидной, но дорогой процедурой.

— Знаешь, я в этом почему-то сомневаюсь.

— Я тоже. «Ней-линг» корпорация родственная «Нео-инкорп». По крайней мере, у меня есть информация, что они ведут общие разработки. Но в этом нет ничего противозаконного. Кстати, кофе будешь? Я себе, пожалуй, закажу. С коньяком. Я бы и тебе чего-покрепче предложил, но, боюсь, твой крестный тогда меня убьёт.

— Нет. Мне просто чая. Организуешь?

— Да, не проблема.

Следователь сел на кресло и деликатно отвернулся, позволяя Деймону немного прийти в себя. За что тот был ему очень благодарен. Когда принесли чай и кофе, Илья попытался завести разговор ни о чем. Наверное, просто чтобы не сидеть в тишине и немного разрядить атмосферу. До Дей перебил его:

— Илья, возможно, я окажусь не прав. И заранее прошу прощения. Но мне кажется, что у тебя в этом деле свой интерес. Личного характера. И в этой истории ты завяз по уши не по долгу службы. Или, скорее, не столько по долгу службы, сколько потому, что деятельность «Нео-инкорп» затронула тебя лично.

— Деймон, вот скажи, в кого ты такой проницательный? Явно же не в родителей. Да. У меня в этом деле свой интерес. Жена. Ее зовут Дарина. Ты ее не помнишь. Но она помнит тебя.

— Дарина? Молодая девушка с короткими темными

волосами. Худенькая. А еще у нее серые глаза. Я прав?

— Ты помнишь ее?

— Не уверен. Увижу — скажу точно. Она такая же, как и я? TSA?

— Да. В общем, благодаря Дане мы и нашли вас.

— Но как это возможно? Мне сказали, что я единственный, кто смог вернуться к нормальной жизни. Или она?..

— Ты единственный, кто смог побороть чип с Программой. А чип Дарины мы извлекли почти сразу. Она и недели под его воздействием не провела. Ее состояние больше походило на амнезию, чем на «Detrimentum». Ну, и она еще не совсем вернулась к нормальной жизни. Но, думаю, осталось не так уж много времени. Но дело не в этом. Мы, просто решили перестраховаться и не подставлять ее под удар. И до суда о ней никто не должен знать.

— Разумно.

— Мы бы и вас с Эммой спрятали. Но ты слишком важная птица. А ей спокойнее всего будет рядом с тобой. Прости.

— Ничего. А это тяжело было? В смысле с Дариной?

— Сам, как думаешь? Сначала твою невесту похищают, а когда ты находишь ее, оказывается, что она совершенно тебя не помнит, и думает, что является TSA. Конечно, тяжело. Я чуть с ума не сошел. Сейчас уже ничего. Привык. Но первое время…

— Что?

— Панические атаки, истерики. Любое неосторожное слово и слезы. И вела она себя часто не как взрослая девушка, а как ребенок. Маленький испуганный ребенок. Да я себя извращенцем чувствовал. Ведь я ее люблю, а она смотрит на меня и спрашивает: а зачем я ее целую? У меня губы, видите ли, влажные. И ей щекотно и скучно. А следом предложение фильм посмотреть и просьба на ручки взять. Но не это самое страшное. Она боялась оставаться одна и всячески показывала, что готова потерпеть поцелуи и все-такое, только бы я был с ней, и никуда не уходил.

— Досталось тебе. Как ты держался? Даже представить боюсь, что бы со мной стало, окажись я на твоем месте.

— Да, ничего. Справился бы. Но, слава Богу, все это уже позади. Кстати, твоей Эмме тоже пришлось нелегко.

— Но она, хотя бы не знала меня до этого. И еще, мне нравилось с ней целоваться.

— Личный вопрос можно?

— Давай.

— А когда она впервые тебя поцеловала, ты что почувствовал?

— Она? Меня? Приятель, ты издеваешься? Это я ее поцеловал. А что при этом чувствовал? Не знаю. Просто хотел прикоснуться своими губами к ее. Мне, наверное, было любопытно, что из этого выйдет.

— И что? — Илья подался вперед.

Деймон улыбнулся, и его лицо приобрело мечтательное выражение. Казалось он, снова переживает тот сладкий миг. Его приятель понимающе хмыкает и делает еще один глоток крепкого кофе. А молодой человек тщетно пытается подобрать слова, способные описать то, что он чувствовал тогда. И не может. Потому что о некоторых вещах невозможно рассказать.

— Понравилось, — отвечает Дей с лукавой усмешкой. — Слушай, а расскажи лучше, как вы с Дариной познакомились.

— Я спас ее от бандитов. Точнее от шайки малолетних хулиганов. Убедился, что с ней все в порядке, помог донести покупки до дома и остался на чай. На самом деле я давно за ней наблюдал. Только не знал, как подойти. А тут такой шанс.

— Никогда бы не заподозрил тебя в робости.

— Почему?

— Ну, не знаю. Ты же полицейский.

— А она — девушка. Нежная. Хрупкая. Вдруг, я бы ее испугал? Или не понравился? Нет, здесь нужна была стратегия.

— И в чем она заключалась?

— Ну… появиться в нужное время, в нужном месте и произвести хорошее впечатление.

— А просто подойти, представиться и чистосердечно признаться в собственных чувствах ты не мог?

— Ну, я же не знал, сколько ей лет. Вполне могло оказаться шестнадцать-семнадцать. А мне тридцать два. И как бы это выглядело? К девчонке подходит мужчина, который почти в два раза старше ее и говорит: «Позвольте представиться. Илья Корсаков. Следователь. Люблю Вас и хочу жениться». Да любая вменяемая девушка меня бы после этого за километр обходить начала.

— Наверное, ты прав. Но все равно, ты очень рисковал. Пока подходящего повода ждал, ее же десять раз могли у тебя из-под носа увести. Что бы делать стал?

Следователь усмехнулся и покачал головой. Нет, увести у него Дану он бы никому не позволил. А Деймон, словно бы прочитав его мысли, весело рассмеялся. Отдышавшись, молодой человек продолжил:

— Ох, ты бы видел сейчас свое лицо! Представил, как убеждаешь соперника не приближаться к твоей девушке?

— Вспомнил. Ну, а что? Не мог же я позволить этому

мальчишке действительно у меня ее увести.

Дей снова расхохотался. А Илья только плечами пожал. И тогда, и сейчас он понимал, что поступает правильно. Нельзя отдавать тех, кого любишь. Никогда и никому. А ведь мужчина, сидящий сейчас напротив, понимает это, как никто другой. Он тоже готов прыгнуть выше собственной головы, чтобы сохранить свое маленькое счастье. Поэтому смех его звучит по-доброму и совсем необидно.

Когда Корсаков ушел молодой человек с удивлением обнаружил, что они просидели вдвоем больше двух часов. Они еще о многом говорили, спорили, вспоминали забавные моменты, смеялись. Иногда серьезный Илья чем-то неуловимо напоминал бесшабашного Ярика. С ним было также легко. Но когда Деймон остался один, на него с новой силой навалилась обида на свою так называемую «семью». Они его предали. И простить такое он уже не мог. Истерика, которую закатила ему Арисса в день их знакомства, была сущей ерундой в сравнении с тем, что она сделала сегодня.

Он набрал номер телефона своего отца и стал ждать, раздумывая о том, что скажет сейчас этому человеку. Но в голове была каша. Четыре гудка и ответ:

— Максим? — голос Поля звучал ровно и благожелательно.

— Да.

— Ты что-то хотел?

— Да.

— Сынок, что-то случилось?

— Случилось. Я прошу Вас не называть меня больше сыном.

— Максим, — пораженно выдохнул мужчина. — Что ты такое говоришь?!

— Я не Максим. Я — Деймон. И не хочу возвращаться в прежнюю жизнь. И меня не нужно лечить от этого. Вы все время забываете об этом. А зря. Помнится мне: Вы просили дать Вам немного времени. А я дал слово не принимать поспешных решений. Вы и Ваша супруга заставили меня сегодня пожалеть об опрометчиво данном обещании. Надо было еще тогда указать Вам на дверь.

— Я не понимаю, о чем ты.

— В самом деле? Но тогда мне и вовсе не о чем с вами говорить.

— Максим, объясни мне толком: что случилось? Я весь день провел на работе, освободившись меньше часа назад. И я действительно не понимаю, о чем ты мне сейчас говоришь.

— О докторе Крофф и ее методике лечения. Почему-то меня не привела в восторг принудительная операция, которой Вы

хотели меня подвергнуть. Как она говорила? Кажется: «Все вернется на свои места. Не будет больше приступов агрессии на которые жаловалась ваша мать. Исчезнет патологическая привязанность к той девушке — вашей подруге. Ваша жизнь снова станет такой, какой она и должна быть». Знаете, что-то мне подсказывает, что вы дали согласие на какую-то разновидность лоботомии, после которой я стал бы безучастным ко всему, но довольно послушным растением. А еще, у меня не возникает ни капли сомнения в том, что Эмму и моего ребенка выкинули бы на улицу.

— Сынок, ты бредишь! Никто не собирался тебя оперировать. Речь шла о комплексе обследований. Тебе ничего не угрожало.

— Я так не думаю.

— Максим, ну подумай сам. О какой операции могла идти речь, если ты не давал на нее своего согласия?

— Ваша жена заявила, что ввиду моей недееспособности, достаточно ее согласия. И, вообще, хотите знать подробности — поговорите с ней. А я звоню Вам для того, чтобы попросить об одном одолжении. Не беспокойте меня больше. Я — не ваш сын. Возможно, Максим простил бы вам предательство, но я — не он. То, что ваше желание «лишить» меня души по второму кругу не увенчалась успехом, Вас ни в коей мере не оправдывает. Такое не прощается, господин Ветров. Всего хорошего.

Повесив трубку Деймон испытал некоторое облегчение. Он сделал то, что должен был. Но все-таки это очень неприятно говорить такие вещи собственному отцу. Только что ему еще оставалось делать? Лучше держаться подальше от людей готовых в любую минуту сделать тебе подлость. И в любом случае, считать их семьей способен только идиот. А если бы он не положил телефон в задний карман брюк? Или не сообразил бы, что нужно звонить Корсакову? Страшно подумать, что было бы с ними. В лучшем случае Эмму выставили бы на улицу, а его самого бы «вылечили».

Однажды он сказал, что счастливый человек это тот, кто может правильно расставить приоритеты. Сейчас он это сделал.

ГЛАВА 29

Деймон мечтал о покое. И постоянно обещал себе, сбежать из этого сумасшедшего дома, именуемого «Южным округом», как только все немного утрясется. А события между тем лишь набирали обороты. Каждый день обязательно что-то случалось. Эксцессы подобные визиту доктора Крофф более не повторялись, но расслабиться все равно не получалось. Его мать, журналисты и врачи, горящие желанием исследовать феномен, осаждали его круглыми сутками. Временами забегал Илья и разгонял особо настырных репортеровв. Эмму перевели из реанимационной палаты в обычную, находящуюся по соседству с его. Но девушка была немного апатична и много спала. Доктор Ричардс говорила, что это нормально и так ее организм пытается защититься от навалившегося на него стресса.

Разговор с Валери Дей оттягивал, как мог. Не, потому что испытывал смущение или не знал, как с ней объясниться. Просто, у него на это не было сил. Ни душевных, ни физических. Он боялся, что сорвется на девушке, которая ни в чем не виновата. Но бегать от проблемы и дальше было уже попросту глупо.

Лера зашла в его палату уже в образе. Скромное серое платье. Распущенные волосы. Испуганный взгляд. Руки теребят кружевной платочек.

— Максим, ах, если бы ты знал, как все это было ужасно! Я так страдала! А еще эти ужасные репортеры. Они везде суют свой нос, постоянно донимают меня. Но самое отвратительное, что пошли слухи о том, что та девушка, которая заставляла тебя с ней жить — беременна. Макс, любимый, я не понимаю, почему ты ее защищаешь? Всем было бы лучше, если бы ее посадили в тюрьму. Ну, или хотя бы запретили ей приближаться к тебе.

Деймон поморщился от переизбытка патетики. Ему не очень нравились дешевые мелодрамы. А «страдающие» героини его и вовсе раздражали. Но он постарался ответить ей как можно мягче:

— Лера, я хочу поговорить с тобой.

— Да-да, конечно. Но пообещай мне, что ты подашь на нее в суд.

— За что?

— Не важно! Я дам указания твоему адвокату и все будет хорошо. Ты просто подпишешь необходимые бумаги, и мы никогда больше не услышим о ней. И тогда мы с тобой поженимся.

— Лера, послушай. Нам нужно поговорить.

— Но мы ведь и так разговариваем.

— Нет. Мы не разговариваем. Разговариваешь ты. Причем сама с собой. А я не могу и слова вставить. Пойми, я не Максим. Точнее не тот Максим, которого ты знала. И мы с тобой не поженимся. Никогда. Потому что я этого не хочу. Ты для меня — совершенно незнакомый человек. К тому же у меня есть Эмма. Прости. Мне не хочется причинять тебе боль. Но нам нужно расставить все по своим местам. Ты замечательная, красивая, умная, и ты достойна самого лучшего. Но мы не можем быть вместе. Просто, так сложились обстоятельства. Я полюбил другую. И у нас действительно будет ребенок. И я хочу, этого малыша. Больше, всего на свете. Понимаю, это тяжело. Но тебе просто нужно с этим смириться.

— Это она заставила тебя сказать это!

— Нет. Меня в последнее время сложно заставить сделать что-то, чего я не хочу. Я не тот Максим, каким ты привыкла меня видеть.

— Как ты мог полюбить эту… эту…

— Замолчи. Речь сейчас о моей будущей жене. Не смей говорить о ней в подобном тоне. Я стараюсь быть терпеливым с тобой. Ведь ты такая же жертва обстоятельств, как и мы все. Я сочувствую тебе. Ведь это страшно терять тех, кого любишь. Но не более того. Эмма — моя семья. Единственная семья, которой я дорожу. И я не хочу ничего менять. И возвращаться в прежнюю жизнь тоже не хочу. Потому, что мне это не нужно.

— Но, как же я?

— Лера, все, что я могу сделать в данной ситуации — не морочить тебе голову. Прости меня.

— Но почему мы не можем быть вместе? Взять и начать все с начала?

— Потому что меня уже другая жизнь. И я не хочу ничего в ней менять.

— Это не честно! Не правильно! Мы были вместе два года. Я старалась стать для тебя идеальной невестой. И что бы ты себе сейчас не придумал, мы любили друг друга. И я до сих пор люблю тебя. Это не честно, Макс!

— Прости. Мне действительно жаль. Но Максим (твой Максим) умер. Тогда, полгода назад. И именно он любил тебя. Он, а не я. Лера, нам лучше не видеться больше. Тебе самой так будет легче забыть обо всем.

— Не видеться?

Маска главной героини трагедии слетела с лица девушки. И на нем впервые проступили настоящие чувства, то, что она так тщательно пыталась скрыть ото всех, включая саму себя. Боль. Обида. Злость. И обреченность.

— Как ты себе это представляешь? Мы вращаемся в одних кругах. У нас полно общих друзей. Мы будем сталкиваться каждый день.

— Не будем. Я уеду.

— Но почему? Это из-за нее? Из-за этой девчонки ты готов уехать, бросив все?

— Почему бы и нет? Что меня ждет здесь? Ничего. Назойливые репортеры. Лицемерие. Сплетни. А я хочу для себя, своей жены и ребенка спокойной жизни. Вдали от всего этого.

— Но твоя карьера? Твое будущее?

— С наукой мое будущее больше не связано. Я ничего не помню. То есть вообще ничего. Читаю собственные работы и понимаю меньше половины. Чтобы вернуть то, что было стерто из моей памяти, мне придется учиться день и ночь на протяжении нескольких лет. И не факт, что я снова стану «звездой нейротехнологий». К тому же это ужасно скучно и мне не хочется этим заниматься.

— Но ты должен! Нельзя растрачивать свой талант на пустяки, когда он может служить обществу.

— Ну, уж нет. Я никому ничего не должен. Особенно, обществу. Допустим, я пожертвую сейчас своими мечтами, счастьем, и буду каждый день переступать через себя, занимаясь тем, чем я не хочу заниматься. Неужели кому-то станет от этого лучше? Не думаю.

— Но ты мог бы сделать множество открытий.

— А мог бы и не сделать. История не имеет сослагательного наклонения.

— Знаешь, Максим, а ты изменился. Но, наверное, это заметила только я. Ты изменился не так уж и сильно. И как был упрямцем, так им и остался. И ты прав. Нам, действительно, лучше не видеться. Я просто не смогу тебя видеть.

— Я понимаю, — ответил Деймон и отвернулся.

А девушка неслышно вышла из палаты.

И тут зазвонил телефон. Номер был незнакомым. Молодой человек раздраженно выругался. Общаться сейчас с кем-то незнакомым он был совершенно не настроен. После разговора с Лерой он пребывал в несколько раздраженном состоянии и боялся сорваться. Но не ответить нельзя. Вдруг, это что-то важное. Поэтому молодой человек натянул на лицо улыбку:

— Добрый день, Максим.

— Здравствуйте, — раздался в трубке жесткий мужской голос. — Меня зовут Станислав Росс. И я хочу поговорить с дочерью. Ваш номер мне сообщили в полиции.

Злость вспыхнула в нем с новой силой. Вот только этого для

полного счастья им с Эммой и не хватало.

— Это невозможно, — отчеканил Деймон. — Она сейчас спит.

— Так разбудите ее.

— Я не стану этого делать. Не думаю, что ее стоит будить ради разговора с Вами.

— Я хочу поговорить с дочерью. И кто вы, вообще, такой, что смеете мне говорить такое?

— Я, в отличие от Вас, ее семья. Позвоните позже. Или она перезвонит Вам. Может быть. Хотя сомневаюсь, что с ней случится приступ дочерней любви.

— Молодой человек, что вы себе позволяете? Я всего лишь хочу поговорить с ней.

— Поговорить? Идите к черту со своими разговорами. Вы довели собственного ребенка до самоубийства, а потом вышвырнули из своей жизни. Все эти годы Вас не интересовало, как она живет. С чего вдруг такой интерес возник именно сейчас? Ах, да! Она же стала Звездой вечерних ток-шоу.

— Максим, Вы не знаете того о чем говорите. Я все это время думал, что моя дочь мертва. Вы даже представить себе не можете, что чувствовал при этом.

— Да? И Вы думаете, что я или Эмма поверим в это? Не держите нас за идиотов. Мне плевать, что вы чувствовали тогда, и чувствуете сейчас. Для меня гораздо важнее, что почувствует моя жена, когда услышит ваш голос. Знаете, ей сейчас нельзя волноваться. Это может повредить ей и МОЕЙ дочери. Так что я попросил бы вас воздержаться от дальнейших звонков. И, разумеется от визитов. Всего доброго, господин Росс.

Дей в ярости бросил телефон на постель, нажав на сброс. Да, как он смеет изображать любящего отца? Как он смеет что-то требовать? Сейчас, когда прошло столько времени.

— И что это было? — насмешливо протянула Эмма.

Молодой человек обернулся и увидел ее стоящей в дверях. Она демонстративно старалась не встречаться с ним взглядом, рассматривала собственные ноготки.

— Итак, повторюсь. Что это было, любимый?

— Звонок твоего отца.

— И…

— Я не хотел, чтобы ты узнала о нем.

— И…

— Я не рассказал бы тебе об этом звонке.

— По крайней мере, ты честен. Но почему?

— Он тебя предал.

— Предал. Не спорю. Но что с того? Считаешь: ты вправе решать за меня? Может я сама хотела послать его далеко и

надолго? Остается только на тебе отыграться.

— Что?

— Ничего! Ты не должен был так поступать. Ведь звонил не какой-то незнакомый мне мужчина. Это был мой отец. Он вырастил меня. Заботился. Плохо или хорошо, это в данном случае не важно. Я никогда не смогу быть равнодушной к нему. Ты и сам должен это понимать. И твой поступок… это подло, Дей. Хочешь, чтобы я перестала тебе доверять?

— Я не подумал, что это будет выглядеть именно так.

— А следовало бы. Но думаю, урок ты усвоил.

— Эмма! Так это опять были твои психологические штучки?

— Нет. Это была попытка разбудить твою спящую доныне совесть. Надеюсь, успешная.

— Прости. Я не должен был решать за тебя.

— Да. И не делай так больше. Я ведь не маленький ребенок. Дей, я взрослый человек, способный отвечать за свои поступки. Мне приятна твоя забота. Но, пойми, ты не в праве лишать меня свободы, запирать в клетке. Насколько не были бы благи твои намерения, это не правильно. Ты ведь сам не любишь, когда тебя лишают права выбора. И должен понимать, каково это.

— Прости.

— Прощаю. Я понимаю, что ты не хотел ничего дурного. Даже наоборот. Вот только от жизни и самой себя защищать меня не нужно. Если ты, конечно же, хочешь, чтобы я и дальше продолжала любить тебя. И не смотри на меня с таким укором. Потому что невозможно любить собственного надзирателя. А ты, с твоим деспотичным характером, в него превратишься. Если не будешь держать себя в узде.

— И вовсе у меня не деспотичный характер!

— Это только ты так думаешь.

Деймон о том разговоре с Эммой думал почти всю ночь. И понимал, что был не прав. Во всем. С самого начала. Девушка больше не заговаривала с ним о звонке отца, но была словно сама не своя. Он понимал, что ей хотелось бы поговорить с тем человеком. Возможно, чтобы сказать, как сильно она его ненавидит. Или любит. Это, в данном случае, было не важно.

Н самое паршивое было в том, что он поступил точно также как его родители. Он все решил сам, не посчитавшись с ее мнением. Хотя, такого права у него не было. Поэтому утром Деймон набрал номер своего будущего тестя. Ошибки нужно исправлять.

— Здравствуйте, господин Росс.

— Максим? Это вы?

— Да.

— Зовите меня Станиславом, если вам не трудно. Вы все-таки жених моей единственной дочери.

— Хорошо.

— Вы что-то хотели?

— Да. Поговорить.

— И о чем же?

— Скажите, вам действительно нужна Эмма?

— Она моя дочь.

— И что? Последние четыре года вы о ней и не вспоминали. Да и когда она была ребенком, тоже не стремились с ней сблизиться. Вы были плохим отцом.

— Я знаю.

— И чего же вы хотите от нее сейчас?

— Если я скажу: «любви» — это будет звучать глупо?

— Более чем.

— Я хочу видеть дочь и внучку.

— Зачем?

— Затем, что у меня кроме них никого нет. Два года назад развелся. Кроме Эммы у меня никого нет. Она — мой единственный ребенок. Максим, я четыре года думал, что моя дочь мертва. Вы это понимаете? Да, я был плохим отцом. Понимаю, что ничего уже не изменить, но я действительно сожалею об этом.

— Как вы могли думать, что она мертва?

— В ту ночь, когда она сбежала, моя машина попала аварию. Теперь я понимаю, что ее просто угнали. За рулем была девушка. И от нее почти ничего не осталось. Вы понимаете? Я думал, что там моя дочь. Даже предположить не мог…

— Я не думаю, что она простит вас.

— Знаете, Максим, я тоже не думаю. Но надеюсь.

— Да. Порой надежда это единственное, что у нас остается. Приезжаете. Найдите сначала меня. Ей нельзя нервничать. И не думайте, что я пошел у вас на поводу. Просто я не хочу, чтобы она жила с грузом обиды на родного отца.

— Спасибо.

Разговор со Станиславом оставил после себя странное ощущение. Он немного опасался их будущей встречи, но понимал: это нужно Эмме. Чтобы сбросить камень с души. А может, чем черт не шутит, начать все с начала.

В дверь тихонько поскреблись.

— Да-да. Войдите.

В палату вошел мальчик лет девяти-десяти и, улыбнувшись протянул ему записку.

— Это вам один дядя просил передать.

— Какой дядя? — ласково спросил Деймон у ребенка.

— Ну, — пожал плечами тот. — Высокий такой. А еще у него волосы желтые. Он мне шоколадку дал. И сказал, что будет ждать вас в холле. Возле фонтанчика. Ну, я пошел. А-то меня мама искать будет.

— Да. Конечно. Спасибо тебе, — ответил молодой человек, разворачивая записку.

Когда он ее прочитал, то не поверил собственным глазам. Она гласила: «Напарник, у тебя совести нет. Ты даже себе не представляешь, как сложно добраться до вас с Эммой. Кстати, тебе привет от Алана, Франца и всех наших из „Астры“. Жду в холле на третьем этаже. Шпилька».

* * *

Ярослав спокойно сидел в холле на третьем этаже и ждал, когда Дей спуститься к нему. Ну, не ломиться же к нему в палату наравне с газетчиками? Тут нужно действовать умнее. За взятку в виде шоколадки постреленок лет согласился передать коротенькую записку. Главное, чтобы Дей не подумал, что это уловка или розыгрыш.

— Яр! — со всех ног к нему мчался Деймон, и поравнявшись с ним, сгреб того в медвежьи объятья.

— Дей, как же я рад тебя видеть! А Эмма?

— Отдыхает. Но уже в порядке. Ох, Яр, мы так скучали. По тебе, Алану, «Астре». Мне столько нужно тебе рассказать. Ты себе не представляешь. Самому дурно становится. Кстати, у тебя есть приличный костюм?

— А? Что? Зачем?

— Затем, что ты будешь шафером на нашей свадьбе. И не смей отнекиваться. Слышишь? Отказ не принимается. Как лучший друг, ты просто обязан поддержать в такую минуту. А еще ты будешь крестным у нашей малышки.

— Какой еще малышки?

— Нашей. Ох, ты же еще не знаешь. Она родится только через полгода, но мы уже во всю спорим по поводу имени. Не подкинешь идею? Мы бы хотели назвать ее в честь шефа, но имя Алана нам не нравится. Не подскажешь, как выйти из этой ситуации?

— Назовите Марией. Шеф оценит. Так звали тетю — его жену. И, Дей, если бы ты знал, как я за вас рад.

— Я знаю, дружище. Знаю. Кстати, что мы тут стоим? Пойдем к нам. Эмма будет на седьмом небе от счастья. Расскажешь нам

последние новости. Как Алан? Как остальные?

— Нормально. Все живи и здоровы. Мы так переживали за вас. Лучше ты расскажи, как вы выбрались из всей этой передряги.

— Чудом. По-другому и не скажешь. Ну, пошли скорее. А-то набегут эти стервятники. Мы с Эммой, вообще, лишний раз стараемся из нашего крыла не выходить, чтобы на глаза им не попадаться. Слушай, а как ты здесь оказался?

— Приехал. Просто взял билет и приехал. Но есть маленькая проблема. Я ничего здесь не знаю. Остановиться мне негде.

— Не думай об этом. Тебе есть, где становиться.

— Класс!

Эмма действительно пришла в восторг от появления Ярика на пороге ее палаты. И они еще долго, временами, перебивая друг друга, взахлеб рассказывали о том, как прошли эти два месяца. А потом к ним присоединился Илья. С ним пришла миниатюрная сероглазая девушка — Дарина, которая очень смущалась. Казалось ее немного пугала эта шумная компания. И она старалась держаться поближе к мужу. Но Ярослав несколько лет был нереально милым, Дей — воплощением очарования, а Эмма психологом. И скоро девушка почувствовала себя своей среди этих ребят. Какое-то время они говорило обо всем и ни чем, а потом Илья перевел тему на предстоящее общение с журналистами.

— Ил, давай хоть на сегодня забудем о них, — простонала Эмма.

— Завтра вас выписывают из больницы. Через два дня ваша первая официальная пресс-конференция. Через четыре…

— Тихий ужас, — усмехнулся Деймон.

— Можно и так сказать, — пожал плечами Корсаков. — Ток-шоу «На грани». Я кое-что узнал. Во-первых «Ней-линг» активно распространяет слухи о том, что ты, Дей, слегка…

— Не в своем уме?

— Неадекватен.

— Ну, мы и ожидали чего-то подобного.

— Да, но… это еще не все. Восьмой канал продался. Они будут всячески стараться тебя дискредитировать. Вас активно будут поливать грязью в течение часа.

— Не переживай. Мы их обыграем. Не на шоу, так в суде.

— Да, — улыбнулся следователь. — К тому же, нас припасены пара козырей, о которых они не знают. Один из которых — Дарина.

— Справимся, — грустно улыбнулась Эмма. — Не отступать же сейчас. К тому же, наше дело — всего лишь создать

общественный резонанс. Но, это неприятно.

— Эмм, прости.

— Илья, прекрати извиняться, — отмахнулась девушка. — Ты ни в чем не виноват. Мы сделаем то, что должны сделать. К тому же в сравнении с тем, что мы уже пережили, все это кажется такой ерундой.

— И, ребят, я кое-что еще узнал о методах их работы. Мои ребята уже начали заниматься этой клиникой. Боюсь, скоро нас ждет новый скандал с чередой арестов. Хотя, доказать, что они ведут незаконную деятельность, будет очень и очень не просто. Но я сейчас не о том. Деймон, твои родители ничего не знали. То есть отец, вообще, понятия не имел ни о какой операции. А мать… она, конечно, идиотка, но бумаги подписывала под влиянием. Эмма, вам читали курс «Нейролингвистики»?

— Да. Но только общеознакомительный. Эти техники закрытые. Ну, я имею в виду, настоящие техники, а не фокусы типа: «расположи к себе клиента» и «спровоцируй откровенность». Изучать их имеют право только психиатры.

— Осмелюсь напомнить, что «Ней-линг» — психиатрическая клиника, пусть и частная. Дей, я ее не оправдываю, но…

— Спасибо, — кивнул молодой человек. — Я услышал то, что ты хотел до меня донести.

В палате повисла гнетущая тишина, которую попыталась развеять Эмма:

— Ладно, хватит о грустном. Завтра у нас новоселье. Яр, надеюсь, ты задержишься хоть на недельку. И не думай, что можешь хоть как-то нас стеснить. Дана, мы готовим детскую. Не хочешь присоединиться? Деймон скупил половину магазина игрушек. Одна я разбирать это буду неделю. Эти тайны, погони и преступления века, безусловно, захватывают дух и будоражат воображение. Но пора возвращаться к нормальной жизни. Кто за?

За — оказались все.

ГЛАВА 30

Деймон окинул Станислава оценивающим взглядом и нашел его вполне приятным мужчиной среднего возраста. Одет он был консервативно и странно выделялся на фоне ярко одетых южан. Его коротко стриженные светлые волосы в которых просматривалась седина лежали волосок к волоску. А на личе отпечаталась странная гамма страха, предвкушения и непоколебимой уверенности в том, что по выбранному пути он пойдет до конца.

Все с самого начала оказалось не таким, как он себе представлял. На станции метро он встретил обычного человека. Толи отец Эммы действительно изменился за все это время, толи она не знала его с этой стороны. Своим родителям молодой человек еще не звонил. Самому себе, находя оправдания в бесконечных хлопотах, свалившихся на него в связи с выпиской из больницы и новосельем. С крестным он почти не разговаривал. У обоих не было времени вести светские беседы. А для настоящего разговора по душам они еще недостаточно сблизились. Но Дей пообещал позвонить, когда все более или менее уложится в его многострадальной голове. И даже сказал, что поговорит с родителями. Потом.

Это, конечно, попытка убежать от проблемы, но заставить себя встретится с Арисой и Полем было выше его сил. Он понимал, что, возможно судит их слишком строго и что не так уж и сильно они перед ним виноваты. Илья ведь рассказал про техники влияния и все такое. Но чувство, будто бы его предали, не отпускало. Что-то в его сердце отзывалось холодом на любые мысли возможном примирении. Возможно, просто должно было пройти какое-то время. Он успокоится и попробует еще раз наладить с ними контакт. Чуть позже. А вот со Станиславом нужно разобраться сейчас. Потому что Эмме не нужно откладывать разговор с отцом. Она и так избегала его больше четырех лет.

— И какое у вас создалось обо мне впечатление? — усмехнулся мужчина, вырывая Деймона из плена собственных мыслей.

— Простите, что?

— Я спросил: «Какое у вас создалось обо мне впечатление».

— Вам честно?

— Конечно.

— Тогда, двойственное. Вы не похожи на того человека из рассказов Эммы. Но и сказать, что вы мне симпатичны тоже не

могу. Я привык считать вас чудовищем. А то, что на первый взгляд вы им не показались, еще ничего не значит.

— Она считает меня чудовищем? — с некоторой заминкой спросил Станислав.

— Как это ни странно, но нет. Это мое мнение о вас. Простите, но вы довели своего ребенка до самоубийства. То, что ее попытка не увенчалась успехом, ни в коей мере вас не оправдывает.

— Максим, вы будете постоянно меня упрекать в этом? Я осознал свою вину и раскаялся.

Деймон болезненно сморщился:

— Не нужно. Оставьте свои извинения и уверения для дочери. Передо мной вы ни в чем не виноваты. А она… сама решит, верить вам или нет. Я не стану ей в этом помогать, впрочем, как и мешать. Просто, знайте, дороже вашей дочери у меня нет никого. И если вы…

— Не беспокойтесь, — сухо ответил мужчина. — У меня тоже нет никого дороже моей дочери.

— Тогда, прошу за мной. И я вас умоляю, не заставляйте ее нервничать. Все-таки она ждет ребенка.

Квартира встретила их громкими возгласами и веселым смехом. И догадаться, чья это была заслуга, не составляло особого труда. Ярик непроизвольно создавал вокруг себя атмосферу праздничного хаоса. Сейчас они разбирали бесчисленные коробки, которые прислали из магазина.

— Яр, он с ума сошел!

— Так на радостях же. Ну, подумаешь… от счастья потерял чувство меры. Со всеми бывает.

— Ты вечно его оправдываешь. Но ты мне скажи, зачем ребенку две сотни платьев? Нет, если бы Дей еще что практичное покупал, я бы слова не сказала. Но это… рюшечки-оборочки. Ужас! Причем, сплошной.

— Да ладно тебе! Красиво же.

— И ты туда же! Все вы, мужчины одинаковые. Вам лишь бы красиво было.

И тут блондин увидел приятеля. Солнечно улыбнувшись, он пожаловался:

— Ты сбежал, а я опять за тебя отдувался. Причем, достаточно долго. Ты где был? Кстати, привезли еще одну коробку. На ней указано, что это пианино. Распаковывать мы не решились. Эмма сказала, что ей плохо станет, если она откроет и обнаружит там указанный музыкальный инструмент. Нет, напарник, я все понимаю, но с этим ты явно погорячился. О… у вас гости.

Только последняя фраза заставила девушку повернуться к Деймону. До этого она хотела показать, насколько она недовольна творимыми им безобразиями. Но то, что, точнее, кого она увидела, заставило ее испугано подскочить.

— Ярик, а сходи в магазин. Пожалуйста, — тихо попросила она, не сводя глаз от сероглазого мужчины.

— Что купить? — деловито поинтересовался парень.

— Что хочешь.

— Понял. Не дурак. Был бы дурак, не понял бы. Погуляю где-нибудь часок. Идет? Но если что — я недалеко.

Деймон кивнул и посторонился, пропуская друга в коридор. Последнее, что услышал Ярослав, это слова, произнесенные Эммой:

— Здравствуй, папа.

Станислав ответил только, когда за светловолосым мальчишкой закрылась дверь:

— Здравствуй, дочка.

— Зачем ты приехал? — холодно поинтересовалась она.

— Хотел увидеть тебя. И попросить прощения.

— Проси, — как не старалась девушка держать свои эмоции под контролем, голос ее все же дрогнул.

— Прости меня, — слова давались ему тяжело. — Если сможешь. Я виноват перед тобой. Очень виноват. Я понимаю, что меня это не оправдывает, но у меня и в мыслях не было тебе навредить.

— Да, конечно. Еще скажи, что хотел, как лучше. Ты сделал все, чтобы моя жизнь стала адом на земле. Только скажи: зачем? Зачем ты запретил мне учиться и так настаивал на браке с Марком. Неужели не видел, мое отношение к нему?

— Видел. Ты с ним была живая. Вот как сейчас. Пусть злилась на него, пусть ругалась. Но он вызывал у тебя отклик. На других мужчин ты, вообще никак не реагировала. Игнорировала, даже разговаривая с кем-нибудь из них. Словно и не существовало их в природе. И я подумал, почему бы и нет? Пусть попробуют построить семью. Ведь на самом деле Марк всегда хорошо к тебе относился. Просто ему нравилось тебя дразнить. Ну, и его слегка раздражало, что какая-то пигалица не робеет перед ним, а всегда готова ответить колкостью на колкость. Он очень горевал, когда нам сообщили о твоей смерти. Ты не представляешь, что мы пережили, когда полиция сообщила нам о том, что моя машина попала в аварию, а за рулем в это время была молодая девушка. Я думал, что ты ушла. Так же как Изабелла. Снова оставив меня одного. А Марк… действительно был безутешен. Он до сих пор каждый месяц приносил белые розы на могилу той девушки,

думая, что это ты. С учебой тоже все было не так просто. Я испугался, что ты полностью уйдешь в науку. Будешь отдавать ей всю себя. А на людей, твоих близких у тебя не останется ни времени, ни сил. Еще я боялся, что у тебя не останется близких. Ты не хотела ни к кому привязываться. Даже в детстве ни с кем не дружила. Ева так и осталась для тебя чужой. А меня могло не стать в любой момент.

Эмма слушала, скрестив руки на груди, и не знала, что ответить на это. Она привыкла видеть в отце ограниченного самодура, диктующего всем и вся свою волю. И никогда не думала о нем, как о человеке, который пытается позаботиться о ней. Пускай и довольно странным образом. Поэтому и спросила:

— Ты любил меня?

— Конечно, — Станислав грустно улыбнулся. — Разве можно не любить собственного ребенка?

— Можно. Это я тебе, как психолог, пускай и недоучившийся, говорю.

— Я любил тебя с первого дня, как узнал о том, что ты только должна родиться. И сейчас люблю. Но смерть Изабеллы меня сломала. Я жить не хотел. А ты была так похожа на нее. С каждым днем все больше и больше. Это меня не оправдывает, но мне было больно находиться с тобой рядом. Прости, но вырастив тебя, я так и не узнал по-настоящему, какая ты.

— Я не понимаю. Что ты хочешь этим сказать?

— В детстве ты была очень тихой послушной. А тут заупрямилась. Я не думал, что это серьезно. Просто не придал значения. Решил, что это простой каприз. Стоит немного подождать и все пройдет. А та история с таблетками… Эмма…

— Я тебя напугала, и ты решил в отместку напугать меня?

— Нет! То есть, да, ты меня напугала. И я не знал, что мне делать. Я холодным потом обливался при мысли о том, что однажды могу снова найти тебя лежащей без сознания на полу в коридоре. И не знал, как мне поступить. И…

— Хватит, — тихо, но твердо прервал его Деймон. — Вы обещали не слишком ее волновать. Милая, пойдем на кухню. Тебе нужно выпить чая. И съесть что-нибудь.

— Нет не нужно! Не хочу! Я сейчас закончу с отцом, и примусь за тебя. Мы с тобой поговорим. Про пианино! И про двести моделей детских платьиц! И про четыре электронные няни!

Молодой человек, весело хмыкнув в два шага пересек разделяющее их пространство и подхватил любимую на руки. Та инстинктивно схватила его за шею. А Деймон повернулся к своему будущему тестю и с улыбкой сказал:

— Знаете, мне кажется, она вас простила. И вам тоже не помешало бы чего-нибудь выпить. Чай, кофе или чего-нибудь покрепче.

— Выпить — это хорошо. Если вы не против, все же предпочту что-нибудь покрепче. Нервы, знаете ли… но даже если бы мне сейчас указали на дверь, я ушел бы со спокойным сердцем, зная, что мой ребенок здесь счастлив.

— Ну, а смысл было вас приглашать, собираясь прогнать через четверть часа? Нет уж! Вы, как минимум останетесь на ужин.

— Угу, — кивнула Эмма. — Дей просто потрясающе готовит. Прийти к нам и не попробовать один из его кулинарных шедевров, это… по меньшей мере глупо. Да и нам найдется о чем поговорить. Наверное.

Через несколько минут все трое пили крепкий чай с шоколадными пирожными. То есть мужчины пили чай, а Эмма объедалась пирожными. Куда в нее столько влезает, не мог понять ни один, ни второй.

— У меня стресс, — нахмурившись заявила она, примеряясь к четвертому шедевру кондитерского искусства. — Кстати, Деймон, ответь мне на один вопрос. Маленький, но очень для меня важный. Любимый, я все понимаю, но нам на что пианино? Ладно, куколки, игрушки-погремушки. Но это…

— Мне тоже интересно, — улыбнулся Станислав. Он немного неловко чувствовал себя рядом с этой изменившейся Эммой, которая теперь не только внешне, но и характером так напоминала Изабеллу. Но его дочь была счастлива. А больше ему ничего и не надо было. Ну, может только видеть ее почаще.

— Эм… — замялся Деймон. — У Марии должно быть все самое лучшее! Вдруг она захочет играть на пианино? Так пусть сразу и будет.

Девушка выслушала эти аргументы. Покивала и задала вполне резонный вопрос:

— А вдруг не захочет? Вдруг она решит в футбол научиться играть или в хоккей?

— Думаешь, нужно мяч купить и коньки?

— Пап, — застонала девушка. — У меня еще живота не видно, а он уже беспокоится о том, чем его дражайшее чадо будет в пять лет заниматься. Ну, скажи ты ему, что б с ума не сходил.

Станислав смутился. Такой реакции от него Эмма не ожидала, поэтому вжала голову в плечи и спросила:

— И ты туда же?

Мужчина кивнул, и, достав из внутреннего кармана пиджака небольшую коробочку, протянул ее дочери. Надпись «Мария» на

крышке навевала некоторые смутные подозрения. С некоторой опаской, открыв ее, она увидела изумительной красоты бриллиантовое ожерелье. Оно переливалось всеми цветами, и, казалось, светилось изнутри.

— М-да… — закашлялась она. — Дей, забудь про пианино. А ты, папа… удивил. Ладно бы на совершеннолетие, но…

— Эмма, за эти четыре года мне удалось многое понять. Откладывая на потом, ты можешь просто не успеть сделать то, что хотел. А сейчас я очень хочу баловать тебя и свою внучку. Мне не довелось стать хорошим отцом. Но может, я буду неплохим дедом? Как думаешь, у меня получится?

— Не знаю, — беспомощно улыбнулась девушка. — Но почему бы и нет? Во всяком случае, шанс у тебя есть.

— Спасибо, — сказал Станислав, а затем, чтобы занять чем-то неловкую паузу, спросил. — Максим, а почему моя дочь зовет вас Деймоном?

— Долгая история. Но если коротко, это — то имя, которое она мне дала. Я ведь собственного не помнил. Я ведь вообще не помнил, да и сейчас не помню ничего о своей жизни до «Detrimentum». И…

Молодой человек хотел было еще что-то сказать, но тут в кухню заглянула золотая голова Ярика. И он немного сконфуженно поинтересовался:

— Я рано, да?

— Нет, заходи, — усмехнулся Дей. — Есть будешь?

— Смеешься? Когда я от твоей еды отказывался? И, друг, спаси меня, — Ярослав сделал умильную рожицу. — Пожа-а-алуйста.

— Что случилось?

— Я медвежонка купил, — потупил глазки блондин.

— И что? — не понял Деймон.

— Ну… сам понимаешь, я его не себе купил, а Марии.

— А от чего тебя спасать-то?

— От праведного гнева Эммы, конечно.

И все рассмеялись.

ГЛАВА 31

Они ждали. Буквально через пару минут должны объявит их выход. И Эмме все меньше и меньше хотелось участвовать во всем этом фарсе. Ее волнами накрывало раздражение. Тем временем ведущий, одетый в строгий костюм (по меркам Южного округа) экспрессивно приветствовал зал. Эмма поморщилась, как от зубной боли. Такой безвкусицы она еще встречала. Черная рубашка, нежно-лиловые брюки, золотой пиджак и розовый галстук. Спокойно смотреть на этот костюм мог, разве что дальтоник. А вот девушка не знала, чего ей хочется больше: смеяться или плакать. Наверное, все же плакать. Нет, нужно держать себя в руках. Не хватало еще разрыдаться под прицелом гало-камер. Вот интересно: это события последних месяцев так на ней сказались или беременность? Впрочем, какая разница?

— Маленькая, ты плохо чувствуешь себя? — прервал ее размышления Деймон и озабоченно посмотрел на нее.

— Нет. Все в порядке. Просто я хочу, чтобы все это поскорей закончилось.

— Почему?

— Ненавижу подобные шоу. Я их даже смотреть не могу, а уж участвовать… Сегодня мы узнаем правду, — подражая тону ведущего, пропела девушка. — Так вот зачем они здесь! А я-то думала, что всех этих людей интересует исключительно скандал, развернувшийся вокруг одного молодого ученого. И присутствующие просто первыми хотят порыться в грязном белье и услышать пикантные подробности.

— Любимая, если ты не хочешь, мы можем сослаться на твое плохое самочувствие и…

— Дей, ты же прекрасно понимаешь, что тогда от меня вообще не отстанут. Может если они увидят, что я скучная серая мышка, меня, наконец, прекратят осаждать меня.

— Ты имела в виду «прекратят осаждать нас»?

— Нет, — девушка невесело усмехнулась. — Только себя. Видишь ли, Дей. Ты ни капельки не похож на скучную серую мышку.

— А на кого я похож?

— На наглую черную кошку, точнее, кота.

— Да? — голос парня стал низким и вибрирующим. — Интересно. Думаю, чуть позже мы вернемся к этому разговору. Может быть, даже поиграем в кошки-мышки. Вечером?

Девушка тихо рассмеялась. Все-таки Дей, как никто другой умел разрядить обстановку.

— Не пропустите! «На грани» — шоу нового поколения. Для нас нет запретных тем и закрытых дверей. Невыдуманные истории о которых другие молчат, — расточая приторные улыбки, вещал ведущий, — Но мы раскроем правду. Сегодня ее нам поведают сами герои этой удивительнейшей истории. Итак, встречайте. Максим Ветров и Эмма Росс!

Когда они вошли в студию, грянул шквал аплодисментов. Девушка досадливо поморщилась. Слишком яркое освещение, слишком шумно, слишком много людей, и все они смотрят на нее. Неприятно, конечно, но не более. Пока Дей рядом ей ничего не страшно. Сам Деймон, изобразив на лице крайнюю форму высокомерного безразличия, скользил по залу.

— Максим, Эмма, мы рады приветствовать вас на нашей программе.

— Спасибо, Эло, мы тоже рады быть здесь.

— Не будем утомлять вас пересказом драматических событий последнего полугода. К тому же этому была посвящена наша прошлая передача. Расскажите лучше нашим зрителям, что было самым сложным для вас во всей этой ситуации? Потеря памяти? Стесненное финансовое положение? Насколько нам известно вы, Максим, были вынуждены устроиться на работу о которой в приличном обществе заикнуться страшно.

— Самым страшным? Ну, уж точно не работа. Я честно зарабатывал деньги, и не делал ничего противозаконного. В этом плане мне стыдиться нечего. Потеря памяти? На фоне того, что меня и мою подругу пытались убить, это как-то терялось.

— И каково это, чувствовать, дыхание смерти?

— Плохо. Вам бы не понравилось. К тому же огнестрельное ранение — не самая приятная вещь на свете.

— А сейчас? С какими трудностями вы столкнулись? Испытываете ли вы отчаянье от того, что лишились столь многого? Блестящих перспектив? Карьеры? Отношений, которым завидовало половина высшего света?

— Нет. Я еще достаточно молод. Поэтому не вижу смысла впадать в уныние. Предпочитаю думать, что получил редкий шанс начать жизнь с начала, а не то, что потерял все. А самая большая трудность на сегодняшний день заключается в том, что мне приходится заново знакомиться с теми, кто был мне друзьями. И каждый из них ждет, что уж его-то я обязательно вспомню. А вспомнить их у меня не получается.

— Кстати, воспользуюсь своим положением ведущего и первым поздравлю вас с предстоящей свадьбой. Слышал, вы планируете нечто грандиозное. Уже определились со списком приглашенных? И буду ли я в их числе.

— Сожалею, Эло, — натянуть рассмеялся Дей. — Пышная церемония в наши планы не входит. Моей невесте противопоказаны нагрузки и стресс. Ведь чем шире свадебный размах, тем сложнее приходится троим людям.

— Троим?

— Да. Жениху, невесте и организатору торжеств.

— Ах, Максим, не могу не отметить ваше изумительное чувство юмора. И раз этот слух не подтвердился, то позвольте задать вопрос, который давно мучает наших зрителей. Правда ли то, что вы решили жениться потому, что мисс Росс ждет от вас ребенка?

— Мы решили пожениться потому, что любим друг друга.

— То есть вы не женились бы на мисс Росс, если бы не любили ее? Даже если бы она ждала от вас ребенка? Я правильно вас понимаю?

— Нет. Вы неправильно меня понимаете.

— То есть вы женились бы на матери собственного ребенка в любом случае?

— Нет.

— Но позвольте, Максим. Вы совершенно сбили меня с толку. Или запутались сами? В паутине постоянной лжи. Кстати, многие подозревают вас в обмане.

— Скорее, это вы запутались в паутине разврата и порочных связей. Мне жаль, что я вынужден это объяснять вам. Вы ведь взрослый мужчина. Могли бы и сами дойти до этой простой истины. Предпочитаю заниматься любовью с той единственной, которой принадлежит мое сердце. А не сексом со всеми подряд. Это исключает возможность такого рода дилемм, как «женится на той, к кому испытываешь определенные чувства, или на той, что от тебя залетела?». Вы не находите?

— Могу ли я, в таком случае, предположить, что вы никогда не любили Валери Райт?

— Не советую делать столь смелые предположения. И хотя сейчас я не помню ничего, что было бы связано с мисс Райт, могу с уверенностью сказать: «Любил». Она прекрасная девушка. Добрая. Чуткая. Невероятно красивая. Будь я свободен, влюбился бы в нее еще раз. Но, видимо, не судьба.

— О, Эмма, что же вы молчите? Нам интересно и ваше мнение на этот счет. Как вы можете жить, зная, что разбили такую красивую пару? Посмотрите на них.

— Когда мы встретились, Максим уже не помнил мисс Райт. Так что эту пару разбила не я.

— Но если бы вас не было, они бы встретились снова и…

— И кто знает, чем бы все это обернулось? История не имеет

сослагательного наклонения.

— А вы поднаторели в риторике, Эмма. Кстати, вас сильно беспокоит то, что ваш брак будет чудовищным мезальянсом?

— Нет. Меня это не беспокоит. А должно?

— Конечно, — расплылся ведущий в злорадной улыбке, но поймав взгляд Деймона, который не предвещал ничего хорошего, мгновенно исправился. — Нет. Конечно же, нет. Что значит социальное неравенство, когда люди любят друг друга? А в искренности чувств этой молодой пары.

Послышались бурные аплодисменты, и ведущий снова начал расточать залу приторные улыбки. Деймон не смог сдержать брезгливой гримасы. Все-таки поход сюда был ошибкой. Он не подумал, каково будет Эмме. Выслушивать все эти завуалированные оскорбления и делать вид, что все чудесно. И если он сам едва сдерживается, то, как же чувствует себя она? Чтобы отвлечься от этих мыслей Деймон попытался рассмотреть зрителей. Волна раздражения накрыла его с новой силой. На лицах всех этих людей сияли азарт и восторг. Им доставлял удовольствие тот факт, что ток-шоу «На грани» давно перешло эту самую грань.

— Дорогие зрители, это еще не все. Не переключайте канал. Свидетельские показания Максима Ветрова ставят под сомнение специалисты психоневрологической клиники «Ней-линг». Встречаем. Доктор Аманда Крофф и ее ассистент господин Бирс.

Женщина вплыла в студию одетая в белый медицинский халат и держа в руках мед-бокс. Сопровождающий ее мужчина был совершенно не похож на ассистента. Во-первых, он был настолько перекачен, что казалось любое неосторожное движение и его халат расползется по швам. А во-вторых, интеллектом его лицо обезображено не было. Скорее его можно было принять, нет, не за телохранителя, а за тупого, но исполнительного охранника.

— Доктор Крофф, мы благодарим вас за то, что вы согласились принять участие в нашей программе.

— Это было моим долгом, Эло, — пропела она, манерно растягивая гласные.

— В таком случае, утолите мое любопытство. Зачем вы принесли в студию мед-бокс и привели с собой ассистента?

— Ох, Эло, ну, вы же и сами могли бы догадаться. Я нахожусь здесь, в первую очередь, как врач. Но к моему величайшему сожалению я просто слабая женщина. И при всем своем желании не смогу справиться с сильным молодым мужчиной. А господин Бирс сможет. Он уже несколько лет работает в нашей клинике. Понимаете, наши пациенты довольно часто бывают гипервозбудимы и склонны к агрессии.

— Вы предполагаете, что здесь находится человек склонный…

— Да. Я предполагаю, что Максим Ветров склонен к аффективным состояниям, которые опасны, как для него, так и для всех окружающих.

— А как вы оцениваете его способность адекватно воспринимать окружающую действительность и, в частности, давать показания в суде.

— Крайне низко. И результаты проведенных тестов это подтвердили.

— Я не проходил обследований в «Ней-линг», — спокойно поправил женщину Дей.

— Нет, проходили, — снисходительно ответила доктор Крофф. — Просто, вы не помните этого. Что подтверждает, уже сказанное мной. Так же господин Ветров неоднократно проявлял агрессию. И наотрез отказался от лечения. Предполагаю, под влиянием мисс Росс. Но это мое личное мнение.

— Но, если господин Ветров опасен для общества, почему его до сих пор не госпитализировали?

— К сожалению, мы не имели права. «Ней-линг» — частная клиника. И поместить в нее пациента можно только с его согласия, или с согласия официального опекуна. А как я уже говорила, Максим Ветров отказался от лечения. Что, на мой взгляд, было неразумно. Но самое ужасное в данной ситуации, это бездействие властей.

— Что вы имеете в виду? — делано удивился ведущий.

— Господина Ветрова признали вменяемым, тогда, как его поведение ставит под угрозу нашу с вами безопасность. У него случаются панические атаки. В его недоверчивости к врачам любому психиатру должны быть заметны признаки параноядального расстройства личности. Он заперся в туалете, стоило только мне упомянуть о некоторых медицинских процедурах, которые ему необходимы. К тому же, я об этом уже говорила, Максим Ветров агрессивен и проявлял сопротивление при аресте.

— А полиция готова подтвердить ваши данные, доктор Крофф? — раздался тихий голос Ильи Корсакова, который быстрым шагом пересек зрительный зал, а потом студию и сел в одно из свободных мест. — Прошу прощения за опоздание.

— Господин Корсаков, — представитель службы безопасности Южного округа, — кислым тоном представил его ведущий.

— Доктор Крофф, первое предупреждение. Вы не имеете права разбрасываться такими обвинениями. Если вы позволите себе это еще раз, то будете привлечены к уголовной

ответственности за клевету. Считаю своим долгом прояснить ситуацию. Служба безопасности Южного округа никогда не имела предписания на арест Максима Ветрова и Эммы Росс. Эти люди разыскивались нами, как свидетели преступления. Ими не оказывалось полиции никакого сопротивления.

— Благодарю, господин Корсаков. Но откуда же, взялись эти слухи? Перестрелка, арест… да и то, что они столько времени скрывались от полиции.

— У меня есть предположение.

— Мы все во внимании.

— Из-за того, что за Максим и Эмма вынуждены были скрываться от Кристиана Латена, который, напомню, несколько раз пытался их убить, они не могли без риска для жизни обратиться в полицию. Перестрелка действительно была. И арест тоже. Но к нашим героям это все имело лишь косвенное отношение. Мои коллеги арестовали сообщников Латена. Но видимо чье-то богатое воображение смешало все в одну кучу.

Остаток эфира прошёл более спокойно. Эло пытался перевести разговор на более скользкие темы, но делал это как-то вяло. Видимо, основную ставку их шоу делало на Аманду Крофф и ее «теории». А Деймон и Эмма праздновали свою маленькую победу, которую они не ожидали. Расслабляться, конечно же, было ещё рано. Впереди их ждали: разбирательство с «Нео-инкорп», непростое примирение с Полем и Арисой, свадебные хлопоты и бессонные ночи. А еще им предстояло начать жизнь с начала.

Но когда ты не один, когда тебя окружают друзья, когда рядом самый близкий, самый любимый человек на свете, для тебя не ничего невозможного. А все проблемы — ерунда, то с чем можно справиться.

Эпилог

Лия чувствовала себя загнанным зверем. Репортеры были везде. Днем и ночью. Они ждали ее возле дома. Заглядывали и стучались в окна, безостановочно звонили в дверь. А на работе, брали интервью у всех, кто хотел рассказать о ней что-нибудь нелицеприятное. И вот опять. Она даже в магазин сходить не может, чтобы не натолкнуться на этих ужасных папарацци. У нее уже сдают нервы. Хочется кричать и плакать. А они все не отстают. Сейчас их было всего двое. У одного микрофон. У другого — камера. Но даже этого было более чем достаточно, чтобы загнать ее в угол.

— Оставьте меня в покое! Пожалуйста. Я рассталась с этим человеком больше года назад. Я никогда не знала, чем он занимается. Я даже и предположить этого не могла.

Но ее слова уходят словно бы в никуда. Ее просто не слышат. Ей не верят. И доказать им что-либо невозможно. У них достаточно доказательств, чтобы уже признать ее виновной во всем мыслимых и немыслимых преступлениях.

— Однако Кристиан Латен звонил вам. И вы были последней, с кем он говорил перед самоубийством. Это известно нам из достоверных источников. И наши читатели считают, что ваш предполагаемый разрыв — не более чем фикция. И таким образом одна… леди пытается избежать ответственности за свои грязные делишки. Но мы выведем ее на чистую воду.

Один из мужчин хватает ее за запястье, не позволяя сбежать. Морщась от боли, девушка делает шаг назад. А они лишь смеются. Над ее страхом и желанием вырваться. Хищники нашли свою жертву.

— Отпустите!

Лия сделала еще одну попытку освободиться из железной хватки репортера. Но это было бесполезно. Тем временем фотограф сделал несколько снимков крупным планом ее заплаканного лица и подленько хихикнув бросил:

— Ну, же, феечка, улыбнись.

— Руки от девушки убери. Быстро.

Услышала она тихий мужской голос у себя за спиной.

— Что? — опешил тот, что удерживал ее.

— Слушай, ты, представитель свободной прессы, руки от нее убери. И чтобы я рядом с ней тебя больше не видел. Ясно?

— По какому праву? — возмутился газетчик, но руку девушки все же отпустил.

— А я в нее влюблен, и хочу на ней женится, — улыбнулся

парень, нежно обнимая Лию за плечи.

— И как давно?..

— Давно. Но это не важно. Главное другое. Тут какой-то папарацци рядом крутиться, про ошибку юности напоминает, расстраивает. И мне это очень не нравится. Я, знаешь ли, люблю, когда она улыбается, а не плачет. Думаю, мы друг друга поняли? Или объяснить поподробнее?

Репортеры стушевались. И быстро ретировались, справедливо рассудив, что объяснения этого парня будут идти в комплекте с его кулаками. А Лия сделала несколько шагов, увлекаемая им, но потом остановилась и с опаской посмотрела на него. Молодой человек тоже остановился и немного смущенно улыбнулся, убирая руку с ее плеча.

— Кто вы такой? — сжимаясь в комочек, спросила она. — Что вам от меня нужно?

— Да ничего.

Блондин, растерялся. Кажется, его приняли не за спасителя невинных дев, а за еще одного дракона. Было обидно. С другой стороны, она ведь ничего о нем не знает. И недоверие ее вполне понятно. Те двое… Парень сделал глубокий вдох, гася волну злости. Ну не мог он смотреть, как обижают котят. Вот таких. Маленьких, и беззащитных. А девушка действительно напоминала котенка. Тоненькая, хрупкая с заплаканными глазами цвета молочного шоколада. Такая красивая.

— Меня зовут Ярослав, — немного застенчиво улыбнулся он. — И не надо на меня так смотреть. Я к этим отморозкам отношения не имею. Честно. Я — хостес. И мне от тебя совершенно ничего не нужно. Даже благодарность за спасение требовать не буду. Ведь это не правильно, когда мужчина издевается над женщиной. Просто, потому что может, Просто потому, что он сильнее.

— Извини. Ты действительно мне помог, а я даже не поблагодарила. Я Лия.

— Очень приятно. Кстати, на счет благодарности. Можно я приглашу тебя на свидание? Но только если согласишься просто, потому что я милый. А не потому, что я этого… репортеришку прогнал. Эй, не плачь. Ну, пожалуйста, не надо плакать. А-то я девушек утешать не умею. Совсем.

Вопреки собственным словам Ярик притянул ее к себе и крепко обнял. Девушка сначала застыла ледяной статуей, готовая в любую секунду начать вырываться. Но он просто обнимал ее за плечи. И Лия вдруг почувствовала в безопасности. Впервые за этот месяц. Да, что там?.. Впервые за много-много месяцев. Как будто бы сильные объятия этого мужчины могли защитить ее от

всех невзгод и напастей. Иллюзия? Возможно. Но ей так хотелось в это поверить. Хотя бы ненадолго. Не оглядываться по сторонам, не ждать удара в спину и верить, что он защитит.

— А что ты умеешь?

— Много чего. Готовить, например. Меня лучшие повара учили. Дей и Франц — мастера экстра-класса. Работать. И не вздумай смеяться! Работать тоже уметь нужно. Что еще? Вести себя прилично, и со всякими непристойными предложениями к девушкам не приставать. Только вот беда: никак не могу определиться. Считается ли пристойным предложение руки и сердца, сделанное совершенно незнакомой девушке в совершенно неромантичной обстановке.

— Что?

— Вот и я подумал, что нет. Значит, предлагать не буду. Ведь мало того, что схлопочу еще вот этой «маленькой» сумочкой полбу, так меня еще и психом обзовут.

Девушка засмеялась:

— А ты и, правда, милый.

— Значит, ты пойдешь со мной на свидание? Я знаю чудесное местечко неподалеку, где тебе будут очень рады. Там намечается маленькая вечеринка. В узком, почти семейном кругу. Ты любишь шоколадные пирожные?

— Не очень.

— Это потому что не пробовала кулинарные шедевры Деймона. Он — гений. И этим все сказано. Но дегустация его очередного эксперимента у тебя еще впереди. Я как раз шел к ним с Эммой. Кстати, поможешь выбрать букет? А-то я розы от ромашек отличить не могу. Для меня, что одно, что другое — веник веником. Ты только не подумай, что я маньяк или всем девушкам такое предлагаю. Я, просто с недавних пор верю в любовь с первого взгляда.

— И когда же это началось?

— Да, минут пятнадцать назад. Понимаешь, так получилось. Сам от себя не ожидал, но… Так что? Пойдем?

Ярослав нацепив самую обаятельную улыбку, с затаенным трепетом протянул к ней раскрытую ладонь. И только глаза его были очень грустными. Он не ждал, что она вот так просто довериться совершенно незнакомому парню. Он давал ей шанс сейчас развернуться и уйти, навсегда выбросив из головы. А Лия вдруг поняла, что ей меньше всего на свете хочется от него уходить.

Яр всю дорогу болтал без умолку и смешил свою спутницу. И девушка чувствовала невероятную легкость. Как будто бы Кристиан, стремившийся сломать и растоптать ее, вдруг потерял

над ней власть.

Дверь им открыла миниатюрная девушка в сапфировом платье. Ее короткие темно-каштановые волосы были растрепаны, на щеках алел румянец, а с губ не желала сходить предательская улыбка. В общем, вид у нее был до невозможности счастливый.

— Ой, Ярик! Привет!

— Привет, Дан. У меня только два вопроса. Первый. Мы не опоздали?

— Нет. Деймон еще на кухне. Но говорит, скоро будет готово. А второй?

— Чем ты только что занималась?

— Что?

— Прическа, говорю, твоя похожа на шедевр авангардистского искусства. Так, чем ты занималась?

— Ничем особенным, — немного смутилась Дарина. — Все было в рамках приличий. Почти. Просто, Эмма сбежала к нашему кулинарному гению, выпрашивать очередную порцию пирожных. А мы с Ильей остались одни в гостиной и…

— Понятно. Можешь дальше не рассказывать.

— Все было в рамках приличий! — вспыхнула девушка.

— Верю. Кстати, это Лия. Лия, это Дарина. А это ее муж Илья. Ил, привет.

Мужчина оторвался от газеты, степенно кивнул и уже через секунду вернулся к чтению. А его жена скрылась в ванной. Судя по тому, как на ходу она приглаживала волосы, именно прической она и намеривалась заняться. Яр хищно улыбнулся, склонившись к уху девушки:

— А ведь и не скажешь по нему, что пару минут назад он упоенно целовался с этой маленькой кокеткой. Весь из себя такой правильный, сдержанный, взрослый. А стоит ненадолго оставить наедине с Даной, как он в мальчишку бесшабашного превращается.

— А я вот, все думал, отчего тебя Шпилькой зовут.

— Теперь-то, надеюсь, дошло?

— Теперь дошло.

— Долго ты как-то.

— Ну, я предпочитаю подходить ко всему обстоятельно, не торопясь. А будешь спешить, подружка успевать за тобой не будет. Да и качество от этого страдает.

— Ладно, уел. Признаю.

— Что? — нахмурилась Лия. — Это вы сейчас о чем?

— Ни о чем. Забудь, — смущенно буркнул парень.

— Ярик, привет!

В комнату вбежала другая девушка и повисла у блондина не

шее. Молодой человек очень нежно обнял ее за плечи, а потом немного отстранился:

— Привет, красавица. Дай я на тебя посмотрю. Эй, а где четвертый месяц?

— Здесь, — Девушка расправила складки на платье и с умилением поглядела на плоский живот.

— Не вижу.

— Я тоже, — умиление сменилось скептической гримасой. — Но это нормально. Четырнадцать недель — срок еще очень маленький.

— Эй, прекращай уже обнимать мою жену, — с напускной суровостью прикрикнул на Ярослава высокий черноглазый мужчина в кипельно-белом поварском кителе.

— Не жадничай. Она все равно только тебя любит. А я, может, решил поближе познакомиться с будущей крестницей? — рассмеялся блондин, опускаясь на колени. — Привет, Мария. Как у тебя дела?

— Замечательно, — улыбнулась Эмма. — Ест пирожные на завтрак, обед и ужин. Дей теперь в десертах настоящий профи.

— А это не вредно? Я имею в виду, столько сладкого.

— Вроде бы нет.

— Не вредно. Крестный сказал: «Пусть ест все, что хочет. Главное, чтобы не нервничала».

— Дей, а я еще хочу, — выдала Эмма с надеждой глядя на мужа.

— Сначала обед, — самым категоричным тоном заявил Деймон.

Девушка надулась, а все остальные весело рассмеялись. А вот когда Дарина включила телевизионную панель, им стало не до смеха.

— Сожительница Кристиана Латена сейчас находится в доме Максима и Эммы Ветровых. Провел ее туда неизвестный молодой человек. Кто это был? Для чего ей это понадобилось? И что сказала жертва незаконной деятельности «Нео-инкорп» Лии Шант? Не переключайте канал, и вы первыми узнаете подробности.

Лия затравленно оглянулась. О Боже, ну как ее угораздило попасть именно в их дом? И ведь никто же не поверит, что это вышло случайно.

— Извините, — растерянно пролепетала она. — Я не знала. Я сейчас уйду. Извините. Я не хотела. Правда. Извините.

Ярик с самым решительным видом подскочил вслед за ней.

— Сидеть! Оба! — раздраженно рявкнул Дей. — Никто никуда не идет. В смысле все сейчас идут обедать, а не к этой

своре. Мясо нужно есть горячим. Я что зря на кухне четыре часа провел?

— Но…

— Эмм, дай ей успокоительное. У тебя есть.

— У меня?

— Угу. В сумочке. Второе отделение. Зелененькие таблеточки.

— Да? А я думала это витамины и пила каждое утро. То-то я такая спокойная в последнее время. Сейчас принесу.

— Лия, мы знаем, что ты ни при чем, — Деймон мягко улыбнулся. — Если бы ты была, хоть как-то замешана в этом деле, тебе давно предъявили бы обвинение. Илья, подтверди.

— Подтверждаю, — флегматично кивнул Корсаков.

— Твоей вины в том, что с нами случилось, нет. Ты, просто еще одна жертва Кристиана. А раз так, зачем тебе уходить? К тому же сюда тебя привел наш друг. А значит, ты стала своей в нашей маленькой компании. А своих мы не бросаем.

— Хочешь, я эту толпу разгоню? — спросил Илья, нехотя отрываясь от газеты. — Мне не сложно. Они всегда только меня видят, разбегаться начинают. А всего-то нужно было парочку особо ретивых арестовать.

— Подожди, — хихикнула Дарина. — Они сейчас в прямой эфир такое несут. Бред, конечно. Но смешно. Кстати, Яр, вы, правда, уже решили пожениться?

— Ну…

— Понятно. Еще не решили. Хотя, это было бы здорово. Так романтично! Любовь с первого взгляда и все такое. Слушайте, а давайте их разгоним?

— А я что предлагал буквально минуту назад? — нахмурился Илья.

— Нет. Не так. А насовсем, чтобы они к Лии больше не лезли.

— Без вариантов, — покачал головой Корсаков. — Это же репортеры. Пока не появится новая сенсация, не отстанут. Мы уже не так интересны. Наши истории приелись. А тут новая жертва.

— И что же делать? — приуныла Дарина. — От них же с ума сойти можно!

— Яр, увези ее, — твердо сказал Деймон, глядя другу в глаза. — Сам же понимаешь, что так будет лучше.

— Что значит, увези? — вспыхнула девушка. — Вы у меня спросили, хочу ли я куда-либо уезжать, причем неизвестно с кем?

— Ярик хороший, — в один голос заявили Эмма и Дана.

— Да, я уже поняла, что хороший, — стушевалась Лия. — Только куда он меня увезет? И что я буду там делать? Здесь вся моя жизнь. Квартира. Работа.

Деймон одарил Лию долгим взглядом и тихо сказал:

— Ты не права. Квартира и работа — это не вся твоя жизнь, а только маленькая ее часть. Очень маленькая. Знаешь, безвыходных ситуаций не бывает. Уж, можешь мне поверить. И когда перед тобой закрывается одна дверь, всегда открывается другая. И меняя свою жизнь, даже вынуждено, ты можешь сделать ее лучше. Просто нужно научиться извлекать из перемен выгоду и не убиваться по утраченному. Вот что тебя так держит сейчас? Семья? Эти люди и так останутся твоими близкими. Квартира? Так необязательно ее продавать. И ты всегда сможешь вернуться. Работа? Это всего лишь место, где ты зарабатываешь себе на жизнь. И не так уж сложно найти что-то, если уж и не лучше, то, по крайней мере, не хуже. Друзья? Настоящие друзья тебя не оставят, а остальные не стоят того, чтобы за них цепляться. Что остается? Страх перемен, боязнь лишиться чего-то, что уже имеешь. Пойми, страх — это не тот фундамент на котором следует строить свою жизнь. Но ничего сверхценного ты потерять не можешь в принципе. То, что необходимо человеку для счастья всегда с ним. И ладно бы, ты была счастлива. Или не была одинока. Тогда страх разрушить что-то был бы мне понятен. А так…

— Я боюсь, что все станет еще хуже. Что мой мир рухнет уже окончательно. А Кристиан все же добьется своего и сломает меня.

— Так не позволяй это ему, — твердо сказала Дарина. — Никому не позволяй. Живи и будь счастлива. Ведь это твое право. Ведь это и есть смысл самой жизни. Поверь тем, кто умирал. Поверь и живи.

notes

Примечания

1

Джейн Остен «Гордость и предубеждение». *Примеч. авт.*